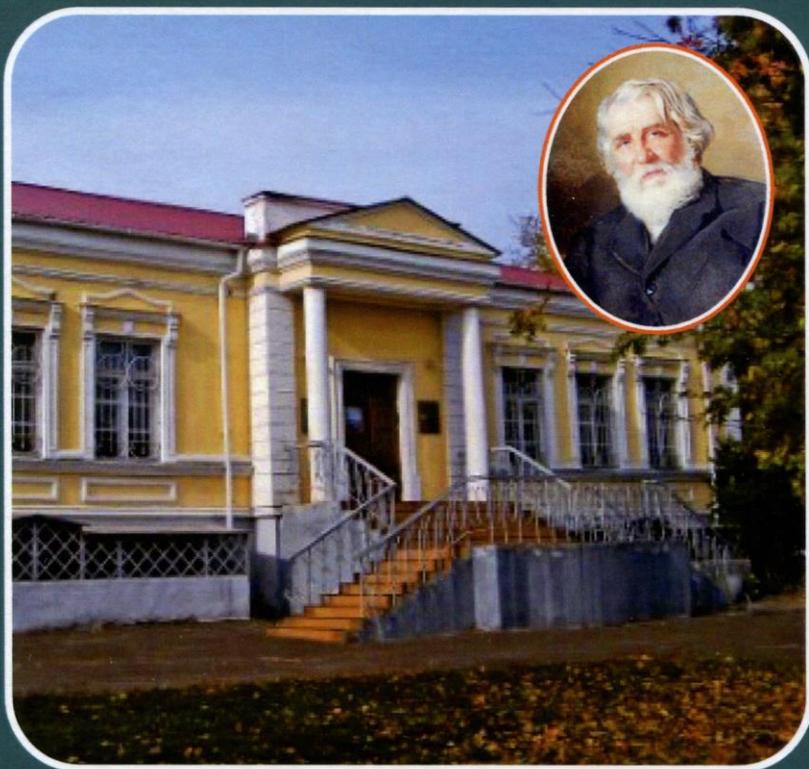

Т 87

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2013 года

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2013 года**

ОРЕЛ 2014

ББК 53.3 Р
Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2013 года/Сост. и ред. –
Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. – Орел: Издательский
Дом «ОРЛИК», 2014. – 256 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева.

© БУКОО Орловский объединённый
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2014.
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2014.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрохина Л.В. Музейный калейдоскоп..... 5

I. К 195-летию И.С. Тургенева

<i>Гродецкая А.Г.</i> «Отцы и дети» в конфликте Гончарова и Тургенева	11
<i>Лукина В.А.</i> «Новь» в зеркале русской критики: Тургенев – читатель первых откликов на роман	21
<i>Генералова Н.П.</i> Жюль Валлес – протееже Тургенева в России.....	32
<i>Ипатов С.А.</i> К реконструкции неосуществлённого замысла Тургенева <Роман о русских и французских революционерах>.....	40
<i>Золотарев И.Л.</i> Литературное сотрудничество И.С. Тургенева и Ги де Мопассана («Муму» Тургенева, «Кокотка» Ги де Мопассана и другие истории)	52
<i>Айнгорн Л.</i> Два Санина (Дмитрий Санин Тургенева и Владимир Санин Арцыбашева).....	58
<i>Голубицкий Б.Н.</i> Свет и тени «Нахлебника»	64
<i>Петраш Е.Г.</i> К опыту создания виртуального ресурса по тургеневедению: выставка «Тургенев и Германия»	73
<i>Павлова Г.Н.</i> Забытое слово о Тургеневе.....	80

II. Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>Бушунов А.Ю.</i> «Почётное имя в русской литературе» (И.С. Тургенев и М.П. Вронченко)	89
<i>Александрова Л.М.</i> «Ваш талант неистощим, как сама природа». (И.С. Тургенев и Е.А. Ладыженская).....	91
<i>Александрова Л.М.</i> «Это знаменитость и весьма авторитетная личность» (И.С. Тургенев и В.П. Гаевский).....	93
<i>Полькикин А.М.</i> Дворяне Карповы – знакомые семьи Тургеневых	97

III. По Тургеневским местам

<i>Козеева Е.А.</i> «Мой адрес... город Мценск...»	105
<i>Клочкова Е.И.</i> Берлинские адреса И.С. Тургенева.....	115
<i>Иванова-Преснова Л.Н.</i> «Орловские зори»	119

IV. Публикации и сообщения

<i>Трубников Ю.А.</i> Наброски к истории моей семьи (Пер. Л.А. Балыковой)	127
Письма из Берлина и в Берлин. Вадим Андреев, Владимир Сосинский и Даниил Резников в переписке 1922–1923 годов. <i>Публикация Л.Н. Кен</i>	138
<i>Ашихмина Е.Н.</i> Орловские персонажи Леонида Андреева в рассказе «Алеша-дурачок»	169
<i>Коханова Е.Н.</i> Савва – сын Леонида Андреева.....	173
<i>Солодухина Л.Г.</i> И.А Новиков-читатель: Стихотворения Ф.И. Тютчева в личной библиотеке писателя.....	183

V. Из истории музея: люди, годы, судьбы

<i>Сафронова В.В.</i> Из прошлого	191
<i>Дмитрюхина Л.В.</i> Г.Б. Курляндская и музей И.С. Тургенева. Памяти учителя	199
<i>Балыкова Л.А.</i> Тургеневское общество в Орле: труды и дни юбилейного года	206
<i>Мельник Е.Г.</i> Зимние грёзы: путешествие по сказочной карте России. (Сценарий экскурсии по выставке прикладных работ Народного мастера России В.Н. Соколовой и её учеников)	212

VI. Друзья музея: творчество

<i>Волчихина В.П.</i> «Как грустный взгляд, люблю я осень».....	227
<i>Бушунов А.Ю.</i> Стихотворения из цикла «Тургеневское»	227
<i>Петухова М.Е.</i> После стольких лет разлуки	230
<i>Тишина С.А.</i> Лирическое	250

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

2013 год для нашего большого Объединённого музея оказался годом ярких событий, годом генерального смотра сил перед грядущим 200-летним юбилеем И.С. Тургенева, когда необходимо было подвести промежуточные итоги и наметить перспективы на последующее пятилетие.

Юбилейные даты 2013 говорят сами за себя: 200 лет со дня рождения Т.Н. Грановского, 195 лет – И.С. Тургеневу, 140 – М.М. Пришвину, 110 лет со дня рождения ЕА. Благиной, и, наконец, 95 лет исполнилось самому музею, который в 1918 году именовался «Музей-библиотека им. И.С. Тургенева».

На протяжении всего года организовывались юбилейные выставки, научные конференции и чтения, литературные встречи, торжественные вечера, яркие праздники.

К 140-летию М.М. Пришвина была подготовлена выставка подлинных экспонатов из собрания музея (авторы А.Т. Молозева, Г.Н. Павлова, В.Г. Ветрова, художник Л.А. Грекова), ряд которых был представлен впервые. С особым восторгом знакомились с выставкой дети.

Состоялся торжественный юбилейный вечер под названием «Путь к счастью», в котором приняли участие артисты, музыканты, писатели (автор сценария и ведущая Т.В. Абинякина). Сотрудники музея выступили со словом о Пришвине в школах, библиотеках, проведена областная школьная научно-практическая конференция совместно с детской библиотекой им. М.М. Пришвина.

Эстафету юбилейных торжеств приняло празднование 200-летия историка Т.Н. Грановского, уроженца Орла. К сожалению, не удалось отремонтировать ко дню рождения Тимофея Николаевича здание музея, но это не сделало торжество менее значимым. Своеобразным подарком юбиляру стало издание красочного буклета «Неуклонный служитель науки» (составители Л.В. Дмитриухина и А.Н. Чернышева, фотографии А.В. Широкова, художник Л.А. Грекова, издатель А.В. Воробьёв), в котором представлены все грани деятельности Т.Н. Грановского, подчёркнуто их значение для наших дней.

Совместно с историческим факультетом Орловского государственного университета была организована и проведена Всероссийская научная конференция с международным участием в честь 200-летия Т.Н. Грановского.

Среди массовых просветительных мероприятий следует выделить праздник улицы Грановского, единый день Грановского в школах города и в особенности Литературно-театрализованный вечер «Неуклонный служитель науки», на котором выступил профессор МГУ А.А. Левандовский, а действо разыграли артисты муниципального театра «Русский стиль» им. М.М. Бахтина (авторы сценария А.Н. Чернышева и Л.В. Митрохина, постановка Л.В. Митрохиной).

Своеобразным переходным моментом от 200-летия Грановского к 195-летию И.С. Тургенева стал выезд группы сотрудников музея в Москву, в музей И.С. Тургенева на Остоженке. Зрителям было предложено представление под названием «Два орловских москвича: Т.Н. Грановский и И.С. Тургенев». Знаменательно, что Орловскую делегацию принимали в том самом доме, где в 1840-50-е годы встречались Тургенев и Грановский. Тёплый приём, дружественная обстановка, высокая оценка представленного гостями из Орла спектакля отметили эту встречу в Москве.

Программа тургеневских юбилейных мероприятий началась в январе, в день именин Ивана Сергеевича, на котором состоялось представление новой выставки «Зимние грёзы» – работ народного мастера России В.Н. Соколовой и её учеников. В числе выставочных проектов 2013 года посетители музея могли видеть следующее: «Времена года в тургеневских местах» – фотографии В.И. Широкова, старинного друга музея, выставку фоторабот В.А. Павловой «Поэзия литературных мест срединной России», «Театральные эскизы Моисея Рохлина» (в том числе к спектаклям по произведениям Тургенева).

Широкий отклик получила выставка «Под небом Шиллера и Гёте. По тургеневским местам Германии» (авторы Л.А. Балыкова, Е.Г. Мельник, А.Ю. Бушунов, художник Л.А. Грекова). Вот как отзывалась о презентации этой выставки журналист из Молдовы Ольга Тиховская: «Мемориальные тургеневские места в Германии и Франции, а также на родной для писателя Орловщине – это достойные современной культуры, великое наследие России и Европы».

«Немецкой» выставке предшествовала выставка работ фотохудожника из Украины Сергея Лаврова «По тургеневским местам срединной России». Самым известным местом на Орловщине для Сергея Лаврова стало Орловское Полесье, его природа, его люди, его яркая история. Специально на открытие этой выставки приехал фольклорный коллектив «Калиновый садок» из села Ильинское Хотынецкого района, в исполнении которого прозвучали старинные песни Орловского Полесья.

Традиционно в юбилейный год состоялась Международная научная конференция под титулом «И.С. Тургенев: взгляд из XXI века», в которой приняли участие тургеноведы Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Ставрополя, Брянска, Йошкар-Олы, Твери, Белгорода, Северодвинска, Воронежа, республики Беларусь, Германии, Канады. Они представили результаты новейших изысканий, освещающих роль творчества Тургенева в мировой культуре.

Литература, искусство, философия, просветительство, образование, театр – во многих сферах деятельности сегодня очевидно влияние Тургенева и его художественных созданий, переведённых на мировые языки. Как всегда вместе с музеем в организации и проведении конференции активное участие приняли члены кафедры русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета.

В августе директор ОГЛИМТ В.В. Ефремова и заведующая тургенивским музеем Е.Г. Мельник стали участниками ещё одной Международной тургенивской конференции – в Баден-Бадене (Германия). В ходе работы этого форума было создано Международное тургенивское общество, коллективным членом которого стал и орловский музей.

Таким образом, сделан ещё один шаг к крупномасштабному сотрудничеству деятелей культуры многих стран мира в деле празднования 200-летнего юбилея великого русского писателя, продолжателя и созидателя высоких духовных традиций.

На 2013 год выпала ещё одна круглая дата – 110 лет создания в Орле общественного сада Дворянское гнездо. Традиционный тургенивский праздник «Где нежная грезил Лиза...» был посвящён и этой дате. Зрителей, пришедших на берег Орлика к «калитинскому дому», ожидало яркое, местами феерическое зрелище, встреча с героями Тургенева, наслаждение классической музыкой и мастерством фольклорных коллективов. По замыслу режиссёра Л.В. Митрохиной, в завершении праздника все зрители вовлекались в хоровод, но хлынувший ливень не позволили осуществиться этому грандиозному хороводу.

В этот тургенивский год особенно активной была работа с учащейся молодёжью. Для школьников были подготовлены разнообразные программы, благодаря которым творчество классика XIX века становилось близким и интересным.

Всем зрителям запомнились музейные представления: «Загадки Бежина Луга. Путешествие по сказочной карте России», праздники «Цветение тюльпанов» весной и осеннее «Прощание с садом», литературно-музыкальный вечер «Лето в Баден-Бадене» ко дню рожде-

ния Полины Виардо и другие встречи в музейных залах. Как всегда с большим успехом прошли ежегодная «Ночь в музее», День памяти Тургенева (3 сентября) и День рождения Тургенева (9 ноября). Показательно, что побывав в музее один раз, люди приходят опять и опять.

Завершался юбилейный год грандиозным праздником «Время тургеневское» в честь 95-летия музея. Для его проведения свой большой красивый зал предоставил Аграрный университет, так как всех желающих принять в нём участие камерный зал музея вместить не мог.

Вся история музея с 1918 года по настоящее время была представлена в ярких картинах соответствующего периода, было много поздравлений, подарков, добрых слов в адрес присутствующих музейщиков и воспоминаний о тех, кого уже нет.

Ещё долго все жили с ощущением праздника, с подъёмом подводя итоги 2013 года и шли навстречу 2014 – Году культуры.

А итоги 2013 года состояли не только в больших юбилейных событиях. Выставкой «В ожидании волшебства...» и утренником «Искренний друг детей» было отмечено 110-летие Е.А. Благиной. К 70-летию освобождения Орла от фашистских захватчиков проведён литературно-музыкальный вечер «Поклонимся великим тем годам». Отмечены дни рождения И.И. Селихова, А.В. Германо, Е.Г. Сокола, Л.Н. Афонина, Ф.И. Тютчева.

Прошли «Бунинские дни», «Лесковские дни». Дом Леонида Андреева добавил новые проекты, работали два клуба: «Среда» и «Юность и мастерство». В Международный День музеев было проведено чествование дарителей (по современной музейной терминологии – жертвователей) и организована выставка даров. Музейное собрание в 2013 году пополнилось 1588 единицами хранения. Официальный сайт музея в Интернете посетило более 50 тысяч человек.

Остаётся пожелать, чтобы грядущий Год культуры стал бы для Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева таким же интересным и плодотворным.

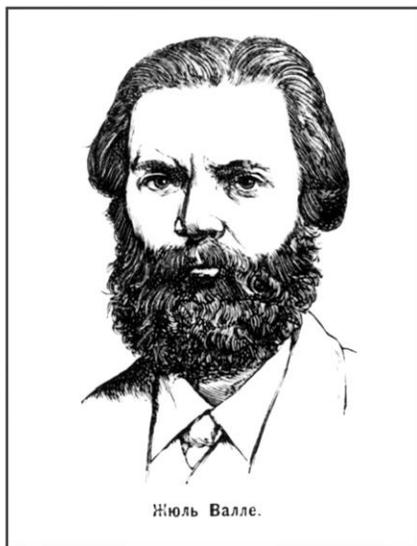
I.

*К 195-летию
У. С. Тургенева*

ЭДУАРД ГАНС

Жюль Валле.

«ОТЦЫ И ДЕТИ» В КОНФЛИКТЕ ГОНЧАРОВА И ТУРГЕНЕВА

Конфликт Гончарова с Тургеневым обстоятельно изучен – и как эпизод творческого «диалога» двух писателей, и как историко-культурная проблема, позволяющая ставить вопрос о типологической близости романной поэтики каждого. Здесь следует упомянуть несколько имен – академика Л. Н. Майкова и Б. М. Энгельгардта, публикаторов переписки Тургенева и Гончарова 1859-го и последующих годов¹, В. А. Недзвецкого², А. И. Батюто³, неоднократно обращавшегося к вопросу о взаимоотношениях Тургенева и Гончарова, и, наконец, Н. Ф. Буданову – публикатора и комментатора гончаровской «Необыкновенной истории» в 102-м томе «Литературного наследства».⁴

«Необыкновенная история», помимо переписки, осталась важнейшим памятником конфликта. Этот в полном смысле слова патологический текст, напомню, был написан Гончаровым в декабре 1875 – январе 1876 гг., дополнялся им в 1876, 1878 и 1879 гг. и уничтожен не был, в отличие от многих других документов его архива. Причиной конфликта, как широко известно, послужил «план» романа «Обрыв», пересказанный Гончаровым Тургеневу в начале 1855 г. и, по его убеждению, похищенный у него Тургеневым и «растасканный по клочкам» в его повестях и романах. «Он, – писал Гончаров в «Необыкновенной истории», – из моих озер наделал лужиц и искусственных садиков – и у него впереди всегда было пугало: обличение его в воровстве и занятие мною моего места, на которое он прыгнул по-кошачьи».⁵

Обвинение в плагиате, главный мотив 50-страничного текста «Необыкновенной истории», многократно в нем повторяется, развиваясь по нарастающей, варьируясь в причудливых метафорах. Например: «По моей рукописи или по <...> описанию прочитанного мною Тургенев, как по узору, вышивает свой узор, с другими красками, и иногда цветами, меняя расположение самых цветов, иногда листьев, вставляя кое-какие свои...» (С. 218).

У Тургенева, как считал Гончаров, не было эпического дара, он был «миниатюрист-художник», способный только к жанровой живописи, к новеллистике, очеркам, эскизам. Ср. в «Необыкновенной истории»: «Он весь рассыпался на жанр. Таков род его таланта!»; «... у него кисти нет, везде карандаш, силуэты, очерки...»; «...живо-

пись и большая картина жизни — не его дело, он не сладил бы с этим...» (С. 202, 203). И — самый решительный приговор: «Он сам до такой степени лишен способности вглядываться и вдумываться в суть жизни, в ее коренные основы, что сколько-нибудь крупное и сложное явление, широкую рамку жизни — он не умеет и представить себе. У него есть много наблюдательности, тонкого чутья, но мало фантазии, оттого нет и кисти или, если есть, то только в несложных картинах, миниатюрных пейзажах, в силуэтах простых, неразвитых людей. Оттого он и берет рамки и программы у другого — и идет по его следам» (С. 213).

Обвинение в плагиате Гончаров относил прежде всего к «Дворянскому гнезду» и «Накануне», опубликованным, соответственно, в 1859 и 1860 г. Характер этих обвинений красноречиво иллюстрирует текст «Необыкновенной истории», где о «Дворянском гнезде» мы, например, читаем: «Основанием повести взята была именно та глава о предках Райского, о которой я упомянул выше, и по этой канве выбраны и набросаны были лучшие места, но сжато, вкратце; извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в отделанном, обработанном, очищенном виде. У меня бабушка, у него тетка, две сестры, племянницы, Лаврецкий, схожий характером с Райским, также беседует по ночам с другим юношества, как Райский с Козловым, свидания в саду и прочее. Разумеется, я не мог передать на словах, например, ему всей изменчивой, нервной, художнической природы Райского — и у него вышел из него то Лаврецкий, то Паншин. Он не забыл и фигуры немца — истинного артиста. У меня бабушка достает старую книгу — и у него старая книга на сцене. Словом, он снял слепок со всего романа — и так как живопись и большая картина жизни — не его дело, он не сладил бы с этим, он и оборвал роман, не доведя его до конца. У меня верующая Вера, и у него — религиозная Лиза, с которой он не знал, как кончить, и заключил ее в монастырь. После Анненков ему сказал, что не видно источника ее религиозности — и тогда Тургенев приделал какую-то набожную няню. Миниатюристу не под силу была широкая картина жизни — и он вот что сделал: разбил все большое здание на части, на павильоны, беседки, гrotты, с названиями: *Ma solitude*, *Mon heros*, *Mon hermitage*, то есть “Дворянское гнездо”, “Накануне”, “Отцы и дети”, “Дым”» (С. 203).

Вердикт состоявшегося 29 марта 1860 г. третейского суда, на котором экспертами выступили П. В. Анненков, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин и А. В. Никитенко, признал: «...произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случай-

но совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны». ⁶ Современные исследователи приходят к аналогичным заключениям. Так, Н. Ф. Буданова пишет: «Типологическое родство романного мышления писателей, близость идейно-художественных исканий, а также близкое по времени общественное признание неизбежно обрекали писателей на своеобразное литературное соперничество» (С. 186).

«Отцы и дети», казалось бы, в гораздо меньшей степени, нежели «Дворянское гнездо», могли дать Гончарову основания для обвинения Тургенева в плагиате. Однако заимствования, или, уже в более осторожных выражениях – «подделки», «параллели», он обнаружил и здесь: «Между тем <...> вышли его повести “Отцы и дети” и “Дым”. Потом уже, долго спустя, прочел я их обе и увидел, что и содержание, и мотивы, и характеры первой почерпнуты все из того же колодезя, из “Обрыва” – а в “Дыме” взят только мотив *дыма* (у меня *миража*. Гл. XX, том I, ч. II, стран. 509. Изд. 1870. “Обрыв”).

Он великий мастер в этих подделках или *параллелях*. Он, как пенку с молока, снимет слегка общую идею: отношения старых поколений к новым, и – так как образы его не выражают ее пластично, то он намекнет на нее в заглавии – “Отцы и дети”, например. Скудность содержания и вымысла мешают ему стать на свой собственный путь. Гак, и в “Отцах и детях” он опять повторил даже внешнюю программу “Обрыва”, опять (как там Райский и Волохов) его новые герои приезжают в провинцию, опять повторил он, как в “Дворянском гнезде” и в “Обрыве”, старуху, как у меня Бабушка, у него тетка, опять две героини (вроде Веры и Марфиньки) – Одинцова и Феничка, отдаленные подобия Веры и Марфиньки – из другой сферы» (С. 210).

Однако обратим внимание на непосредственно следующий за этим текстом фрагмент. Гончаров пишет: **«Но здесь надо отдать полную справедливость его тонкому и наблюдательному уму: его заслуга – это очерк Базарова в “Отцах и детях”». Когда писал он эту повесть, нигилизм обнаружился только, можно сказать, в теории, *нарезался*, как молодой месяц, но тонкое чутье автора угадало явление и – по его силам, насколько их было, – изобразило в законченном и полном очерке нового героя. Мне после, в 60-х годах, легче было писать фигуру Волохова с появившихся массой типов нигилизма – и в Петербурге и в провинции»** (С. 210-211; выделено мной. – А.Г.).

Многokrатно, навязчиво иллюстрируя примерами из тургеневских произведений свои обвинения в «заимствованиях», Базарова Гончаров в тексте «Необыкновенной истории» упоминает лишь од-

нажды (именно в этом фрагменте). И хотя и здесь речь намеренно идет лишь об очерке (то есть эскизе) персонажа, однако же об очерке «законченном и полном».

Это единственный фрагмент в «Необыкновенной истории», где звучит положительная оценка Тургенева-романиста. И Базаров – единственный тургеневский персонаж, в котором Гончаров не нашел, а точнее сказать, не решился обнаружить следов репрезентации собственного замысла. Более того, он признает, пусть осторожно, уклончиво, свою зависимость от Тургенева в изображении нигилиста Марка Волохова в «Обрыве».

Собственно, об этом – о соотношении гончаровского нигилиста с нигилистом тургеневским я и попытаюсь ниже высказать несколько соображений.

Проблема генетической связи «Обрыва» с «Отцами и детьми» и другими поздними романами Тургенева, включающая представленную у обоих романистов концепцию нигилизма в исследовательской литературе широко освещена, но едва ли исчерпана.

Восстановить объективную картину зависимости между «Отцами и детьми» и «Обрывом» поставил своей задачей в одной из работ А.И. Батюто.⁷ Сравнив хронологию работы обоих писателей над подготовительными материалами к романам, он пришел к следующим выводам: если Тургенев в течение августа-октября 1860 г. набрасывает четкий план романа, излагает его содержание едва ли не по главам и составляет подробный «формуляр» Базарова как центрального персонажа, то Гончаров в то же примерно время, в начале июня 1860 г., сообщает Г.А. и С.А. Никитенко о работе над «Обрывом»: «...он весь развернулся передо мной часа на два готовый, и я увидал там много такого, чего мне и не грезилося никогда. Для меня теперь только понятно стало значение второго героя, любовника Веры; к нему вдруг приросла целая половина, и фигура выходит живая, яркая и популярная...». В письме к ним же в августе 1860 г. Гончаров вновь сетует: «...роман не пишется <...> к Маркушке и приступить не умею, не знаю, что из него должно выйти, да и самого героя не поймал нисколько за хвост...».⁸

Маркушка «не пойманым за хвост» оставался и значительно позднее.

О том, каким был задуман и как трансформировался на протяжении двадцати лет работы над «Обрывом» образ «второго героя, любовника Веры», сохранилось несколько авторских свидетельств. Так, Ек. П. Майковой в мае 1869 г., по выходе в свет трех первых частей «Обрыва», Гончаров писал: «Вы немножко нападаете на меня за роман, то есть за Марка Волохова. Не Вы – первая: были и другие нападки, и я уже выдержал не один спор, хотя спорить тут не о чем,

с Вами в особенности, потому что Вы знаете, как давно задуман этот роман. У меня от конца пятидесятих годов осталась переписанная Вашей рукой копия с той самой главы, где действует этот Марк. А сказать ли, когда задумай этот роман? В 1849 году, когда я сам был на Волге – и хотя я там родился, но тут как будто в первый раз увидел этот край и людей. <...> Я совершенно согласен с Вами, что это лишнее в Марке, что он занимает деньги, надевает чужое пальто и т. д. Но это такие внешние и поверхностные черты, что рисуют не характер, а только привычки небрежного воспитания. Но ведь Марк во 2-й части – не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й: он у меня вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая – позднее, когда стали нарождаться новые люди. Первоначальный Марк задуман был как враг старого порядка – это правда, но таким пока врагом, который протест свой против старой дури, своеволия и прочее выражает, рисуя карикатуры, травя собаками полицию и вообще преследуя грубо и цинически, что ему не нравится.

А после уже он является немного иначе, но тоже нехорошо. Эти крайности, повредившие серьезному направлению молодых людей, проявлялись не в двух-трех нигилистах, как вы говорите, а в целом легионе, который вдруг явился в семействах, на улицах – всюду, наводнил города – и я сам видел (не двух и трех, а десятки) их в 1862 году и в Москве и на Волге...»⁹

О том же Гончаров писал в неопубликованном при жизни «Предисловии к «Обрыву»» (1869), в статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»» (1876) и, наконец, в большой статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), написанной с целью «раз навсегда разъяснить свой собственный взгляд на мои авторские задачи». «Разъяснения» по поводу Волохова в «Намерениях, задачах и идеях романа «Обрыв»» звучали так: «В первоначальном плане романа на месте Волохова у меня предполагалась другая личность – также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своим новым и либеральным идеям, в службе и в петербургском обществе и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов. Вера также, вопреки воле Бабушки и целого общества, увлеклась страстью к нему и потом, вышедши за него замуж, уехала с ним в Сибирь, куда послали его на житье за его политические убеждения.

Но посетив в 1862 году провинцию, я встретил и там и в Москве несколько экземпляров типа, подобного Волохову. Тогда уже признаки отрицания, или нигилизма, стали являться чаще и чаще; в обществе обнаружались практические последствия, слышались истории увлечений девиц, женщин, из которых последние нередко почти публично объявляли себя за новое «учение», как они это

называли; говорили даже под рукой, что преследовались какие-то фаланстерии и т. п., и т. п., – словом, общество серьезно было встревожено несомненными явлениями глубокой порчи, закравшейся в общественные и семейные связи и дела. <...> Тогда под пером моим прежний, частью забытый, герой преобразился в современное лицо, расплотившееся в разных видах и теперь, слава богу, исчезающее или изменившееся во всяком случае к лучшему, ибо хуже Волоховых быть ничего не могло. Все, даже порядочные люди, из новых поколений, найдя в портрете Волохова сходство, напали на меня, – конечно потому, что не желали на него походить. Они жаловались, зачем я изобразил такого уroda, не найдя в нем ничего хорошего. Но если б я нашел хоть одну черту хорошую, Волохов был бы уже не Волохов, а другое лицо. Я же хотел изобразить именно такое». ¹⁰ В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров вновь возвращался к той же мысли: «А тут еще вторгнулось в общество новое явление, так называемый *нигилизм*, явление сложное – и заглушило, на время конечно, чистый вкус, здравые понятия в искусстве, примешав к нему бог знает что. <...> Еще я должен сказать, что в первоначальном плане “Обрыва”, набросанном в 1848 и 1850 годах, на месте этого резкого типа, тогда еще не существовавшего, у меня был предположен сосланный, но *неблагонадежности*, под присмотр полиции, выключенный из службы или из школы, либерал, за грубость, за неповиновение начальству, за то, наконец, что споет какую-нибудь русскую марсельезу или проврется дерзко про власть. Таких бывало немало лет тридцать тому назад.

Но как роман развивался вместе с временем и новыми явлениями, то и лица, конечно, принимали в себя черты и дух времени и событий. От этого и предположенный зародыш *неблагонадежного* превратился к концу романа уже в резкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-где в обществе. В 1862 году, когда я ездил вновь по Волге, прожил лето на родине, был в Москве, мне уже ясно определилось это лицо». ¹¹

Суть гончаровских признаний сводится к тому, что его Волохов «сшит из двух половин», как он писал Ек.П. Майковой, и именно длительностью процесса формирования, вызревания персонажа писатель аргументировал в объяснениях с критикой его художественные недочеты.

Рассказ о трансформации образа «нигилиста» вошел и в «Необыкновенную историю»: «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по *неблагонадежности*, вольнодумец. Но такого резкого типа, каким вышел Волохов, не было, потому что в 40-х годах нигилизм еще не проявился вполне. А посылали по губерниям

часто заподозренных в вольнодумстве лиц. Но как я тянул, писал долго, то и роман мой видоизменялся сообразно времени и обстоятельствам. Я был вторично в 1862 году на Волге – и тогда Волоховы явились повсеместно уже такими, каким он изображен в романе. Потом, по первоначальному плану, Вера, увлекшись Волоховым, уехала с ним в Сибирь, а Райский бросил родину и отправился за границу и через несколько лет, воротясь, нашел новое поколение и картину счастливой жизни. Дети Марфиньки и проч.» (С. 200-201).

Особый смысл во всех гончаровских разъяснениях по поводу Волохова приобретает конкретизация времени появления «целого легиона» нигилистов – 1862 год. Дата, заметим, присутствует во всех процитированных выше текстах. Это не только время поездки на Волгу, биографический факт, это и год публикации «Отцов и детей» – романа, которого Гончаров, по понятным причинам, ни разу ни в одной из статей об «Обрыве» не упоминает, однако «повсеместное» явление «расплодившихся в разных видах» Волоховых в данном случае не может не ассоциироваться с выходом в свет тургеневского романа.

Датируя явление, но уклоняясь от констатации прямой зависимости между публикацией «Отцов и детей» и «повсеместным» появлением нигилистов, Гончаров подтверждает и признает то, о чем свидетельствовали и первые рецензенты тургеневского романа.

Действие, которое произвели «Отцы и дети» на русское общество, раньше других и, пожалуй, точнее других описал М.Н. Катков в первой из двух своих статей о романе. Он свидетельствовал: «Произведение г. Тургенева находится в обстоятельствах совершенно исключительных. Взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли когда производило у нас литературное произведение. Рампа исчезла, актеры и зрители смешались. Роман как будто еще продолжается; произведенное им действие, явления, которые он вызвал, – как будто новая глава в нем, как будто эпилог к нему.

Этот эпилог, разыгрывающийся в действительности, служит отличным комментарием романа: вот почему сказали мы, что он находится в исключительных условиях. Благодаря этим условиям, чрезвычайно упрощается оценка и с совершенною точностью разрешается вопрос об истине типа, о верности его изображения. Впоследствии историк нашей литературы будет говорить об этом романе не иначе как в связи с явлениями, вызванными им в той среде, из которой взято его содержание. Верен ли тип, изображенный в Базарове? Есть ли истина в замысле этого типа? Точно ли в нем представлено нечто действительное? Или это каприз и выдумка? По-видимому, нет никакой возможности дать вполне доказательный ответ на этот

вопрос. Мы можем думать так, другие могут думать иначе. <...> Но в настоящем случае вопрос решается без всяких затруднений. Самою лучшим поверкою изображенного типа служит произведенное им действие».¹²

Можно сказать, что Катков фиксирует явление экспансии литературы в область действительности – то явление, анализу которого на примере романа «Что делать?» посвящена известная книга И. Паперно «Семиотика поведения».¹³ О взгляде на литературу как феномен, не отражающий, но формирующий, структурирующий реальность, она, в частности, пишет: «Что касается философских оснований такого подхода, то можно провести параллель между идеями семиотики культуры и философией символических форм Эрнста Кассирера, согласно которой язык, миф, историческая и научная мысль, искусство и литература создают, а не отражают то, что называется человеком “реальным миром”. Хаос непосредственного чувственного восприятия, эмоций, желаний, интуитивных постижений и мыслей обретает форму и смысл лишь тогда, когда становится символической системой, обладающей связностью и выразительностью. Эти идеи, зародившиеся в 1920-е годы, в контексте неокантианства, были опознаны современными семиотиками как “протосемиотические”».¹⁴

Едва ли позицию Каткова можно рассматривать как «протосемиотическую», однако его пронизательность нельзя не признать.

Близкие взгляды высказывал и Н.Н. Страхов, нигилизм называвший «своею специальностью».¹⁵ Он, как известно, был автором многочисленных статей о нигилизме 1861-1865 гг., вошедших позднее в его книги «Борьба с Западом в нашей литературе» (1887) и «Из истории литературного нигилизма» (СПб., 1890). Феноменологию явления Страхов исследовал в «Письмах о нигилизме» (1881). В одной из статей между прочим он писал: «...И. Тургенев изобразил живьем, с кровью и плотью – представителя, образцового члена загадочной толпы».¹⁶ В толпе, «загадочной», «темной и пестрой», видел Страхов зарождение нового движения: «...это был несложившийся, туманный, чреватый будущим хаос». И далее о Базарове Страхов пишет: «Мнения и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармонии. В завершение всего Тургенев открыл и создал самое трудное; он угадал имя этого человека, он назвал его *нигилистом*».¹⁷

Литература о русском нигилизме как мировоззрении и как общественном явлении огромна. Стоит остановиться в заключение на «угаданном» Тургеневым *имени*.

Гончаров во всех комментирующих «Обрыв» текстах само слово «нигилист» использует в качестве общепризнанного и общепонят-

ного, не нуждающегося в дополнительных толкованиях. У понятия «нигилизм» своя обширная библиография, тургеневодам хорошо известная. В полемике вокруг «авторства» Тургенева в изобретении самого понятия «нигилизм» участвовали М.П. Алексеев, А.И. Батюто, Б.П. Козьмин, Р.Ю. Данилевский, П. Тирген и другие.¹⁸ Наконец, А.В. Михайлов в большой работе «Из истории “нигилизма”», проследив истоки понятия начиная с Жан-Поля и Фихте, пришел к следующему выводу: «Естественно, Тургенев не собирался вводить кого-то в заблуждение, когда утверждал, что “выпустил” слово “нигилизм”.¹⁹ Это и была, и есть чистая правда, поскольку Тургеневу удалось “выпустить” это слово так, что его предыстория была тотчас же забыта – забыта всеми, начиная с самого писателя, и забыта на долгие десятилетия. <...> Это – самое настоящее, подлинное (и почти беспримерное) деяние поэта, и это значит для нас лишь двоякое:

1) роман Тургенева – одно из самых заметных и центральных событий в истории “нигилизма”;

2) поэтический мир и поэтика романа Тургенева таковы, что они оказались способными “переродить” – или заново произвести на свет “нигилизм”.²⁰

«Обрыв» увидел свет в 1869 году. И влияние «Отцов и детей» несомненно испытал, как непосредственно, так и опосредованно – через то литературное явление, которое зародилось после тургеневского романа и в течение полутора десятилетий бурно развивалось, получив название «антинигилистического романа».

Примечания

¹ См.: *Майков Л.Н.* Ссора между И. А. Гончаровым и И.С. Тургеневым в 1859 и 1860 годах // *Русская старина*. 1900. № 1. С. 5-23; И.А. Гончаров и И.С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923.

² *Недзвецкий В.А.* 1) Комментарии [к «Необыкновенной истории»] // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 427-429, 449-458; 2) Конфликт И.С. Тургенева и И.А. Гончарова как историко-литературная проблема // *Slavica. Debrecen*. 1986. Т. 23. С. 315-332. Также: *Суханек Л. И.* Тургенев и И. Гончаров, или О плагиате // Там же. С. 305-313.

³ *Батюто А.И.* 1) Тургенев и Гончаров // Батюто А.И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 326-349; 2) «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова: (философский и эτικο-эстетический опыт сравнительного изучения) // *Русская литература*. 1991. № 2. С. 3-23; и др.

⁴ *Будаилова Н.Ф.* Вступ. ст. и комментарии [к «Необыкновенной истории»] // *Лит. наследство*. М., 2000. Т. 102: И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 184-195; 290-307.

- ⁵ Гончаров И.А. Необыкновенная история (истинные события) // Там же. С. 223. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.
- ⁶ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 441-442. Ср.: Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 115- 116.
- ⁷ Батюто А.И. «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова... С. 3-23.
- ⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 282, 198.
- ⁹ Там же. С. 352-353.
- ¹⁰ Там же. С. 219-220.
- ¹¹ Там же. С. 127.
- ¹² Катков М.Н. Роман Тургенева и его критики // Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 466-467.
- ¹³ Папсрюн И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1995.
- ¹⁴ Там же. С. 187.
- ¹⁵ Свою рецензию на роман Чернышевского «Счастливые люди» (1863; опубл.: 1865) Страхов начал признанием: «Особенно следил я за предметом, который, как мне кажется, я могу с некоторым правом считать своею специальностью – за нигилизмом» *Страхов Н.* Из истории литературного нигилизма: 1861-1865). СПб., 1890. С. 309.
- ¹⁶ *Страхов Н.* «Слово и дело». Комедия в пяти действиях, Ф. Н. Устрялова (1863) // Там же. С. 202. Ср. его замечание в этой же статье: «...нигилизм, по нашему мнению, едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты» (Там же. С. 201).
- ¹⁷ Там же. С. 202.
- ¹⁸ См.: *Алексеев М. П.* К истории слова нигилизм // Сб. ОРЯС. JL, 1928. Т. 101. № 3. С. 413-417; *Козьмин Б. П.* 1) Два слова о слове «нигилизм» // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1951. Т. 10. Вып. 4. С. 378-385; 2) Еще о слове «нигилизм»: (По поводу статьи А. И. Батюто) // Изв. АН СССР. Отделение лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 526- 528; 3) Литература и история: Сб. статей. М., 1969. С. 225-242; *Батюто А. И.* К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: (По поводу статьи Б.П. Козьмина «Два слова о слове «нигилизм») // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 520-525; *Тиррен П.* К проблеме нигилизма в романе Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1993. № 1. С. 37- 47; *Данилевский Р. Ю.* «Нигилизм»: (К истории слова после Тургенева) // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 150-156.
- ¹⁹ А.В. Михайлов имеет в виду признания Тургенева в статье «По поводу «Отцов и детей»» (1869): «Выпущенным мною словом “нигилист” воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово; но как точное и уместное выражение проявившегося – исторического – факта...» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 11. С. 93).
- ²⁰ *Михайлов А.В.* Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 609-610.

«НОВЬ» В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КРИТИКИ: ТУРГЕНЕВ – ЧИТАТЕЛЬ ПЕРВЫХ ОТКЛИКОВ НА РОМАН

Как известно, со времени появления «Дыма» прошло девять лет, прежде чем Тургенев вновь приступил к созданию большого романа. Роман «Ночь», которому суждено было стать последним, был задуман еще летом 1870 года, но написан очень быстро, в общей сложности за три месяца с небольшим.¹

Несомненно, писатель много ожидал от появления романа на публике, надеясь, что непонимание, возникшее между ним и его соотечественниками после публикации «Отцов и детей» и «Дыма», будет развеяно и его голос вновь зазвучит в полную силу. Особенно он рассчитывал на «примирение» с молодым поколением. Вместе с тем по мере приближения выхода романа в свет возрастали его опасения, что роман может повторить печальную судьбу двух предыдущих.

Эти опасения не были лишены оснований. Острые критические выпады в адрес «Нови» начали появляться в прессе задолго до ее окончания. Так, еще в феврале 1876 года, когда Тургенев только приступал к написанию романа, едкие замечания прозвучали, например, на страницах «Отечественных записок», в очерке Н. К. Михайловского,² который и в дальнейшем не упускал случая нелицеприятно «высказаться» на этот счет. По поводу одного из подобных высказываний Тургенев, например, замечал в письме к Ю. П. Вревской (по окончании романа): «Не знаю, что такое я написал: критик “Отечественных записок” г-н Михайловский, как только начали ходить слухи о моем романе, обозвал меня “бездушнейшим человеком, который будет запускать свои неумелые пальцы в зияющие раны нового поколения!” — Сильно сказано!».³ Резкий отзыв Михайловского был спровоцирован на этот раз фельетоном А.В. Половцова в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1876. 29 июля (10 августа). № 207), навестившего писателя в Спасском и опубликовавшего затем под криптонимом «П» небольшой очерк, в котором привел ряд сведений о содержании нового романа, упомянув в том числе о намерении Тургенева изобразить в нем «некоторые новые явления среди молодежи».⁴ Фельетон Половцова привлек к себе пристальное внимание в различных кругах,⁵ а его высказывания о романе, как справедливо замечает современная исследовательница, «явились поводом для острой полемики по вопросу о роли творчества Тургенева в русской литературе 70-х годов».⁶

Задетый, по всей видимости, словами Тургенева (в изложении Половцова) о том, что среди нынешней молодежи «не имеется такого крупного типа, как Базаров, в котором мог бы находиться центр тяжести всего романа»,⁷ Михайловский упрекал писателя в утрате «чуткости» и скептически писал: «...я по совести говорю, что сам г. Тургенев – не тот “большой человек”, появление которого я предсказывал и который должен рассказать нашу историю, воспеть наши горести и радости. Заметьте, я говорю только, что он – не тот большой человек, которого нам нужно, а размеров его вовсе не умаляю. <...> г. Тургенев – большой человек. Большой, да не наш, Федот, да не тот».⁸

Был известен Тургеневу и цикл из четырех статей о его творчестве Е. Л. Маркова, опубликованный в газете «Голос» в декабре 1876 года, накануне выхода «Нови», который сам писатель назвал «похоронной речью».⁹

В этой обстановке писатель, безусловно, предвидел появление суровых отзывов о романе со стороны «зубастой критики». Его опасения особенно возросли после того, как редактор «Вестника Европы» из цензурных соображений принял решение разбить печатание романа на две книжки журнала – январскую и февральскую. На это решение Стасюлевича Тургенев неоднократно сетовал в письмах к различным корреспондентам¹⁰ и именно с ним впоследствии во многом связывал неуспех романа у публики в целом и у критики в первую очередь. Однако прозвучавшие до публикации единодушные благожелательные отклики о романе первых читателей, среди которых были близкие друзья и знакомые (Анненков, Кавелины, Голоннин и др.), в том числе сотрудники редакции «Вестника Европы» (включая самого Стасюлевича), его отчасти приободрили.

Среди них, конечно, наиболее значимым для Тургенева был отзыв ближайшего друга и литературного советчика П. В. Анненкова, который, хотя и высказал ряд критических замечаний, в целом оценил роман весьма высоко – как «замечательное произведение, предназначенное производить бури и волнения не один год!».¹¹ При этом Анненков, одним из первых чутко уловивший, по замечанию Н.Н. Мостовской, основное достоинство романа – его публицистичность и общественное значение,¹² весьма прозорливо отмечал: «Да и вообще все Ваше создание написано **иначе**, чем прежние – **сразу не поражает, за некоторыми исключениями**, как, напр., кабацкая сцена <...>, но крепнет и растет уже после чтения, когда начинаешь припоминать его подробности и думать о них. **Букет его становится все сильнее по мере того, как тетрадь или книга откладываются в сторону. Это очень выгодно для судьбы произведения, в будущем, но для автора, для современного, всеобщего громадного успеха,**

какой оно бы заслуживало, не совсем выгодно. Надо Вам ждать **изумления, ужаса, проклятия и ругательств** на первых порах: они Вам следуют по всем правам». ¹³

Перечитав первую часть романа, Анненков на следующий день (5 января) развил свою мысль в письме к М. М. Стасюлевичу: «...я нахожу, что мало хвалил его (роман. – *В. Л.*) перед автором. Мне открылась в нем (романе) вполне лучезарная фигура Марианны, которую прежде я не так ясно различал, хотя и симпатизировал ей по инстинкту. Она, вероятно, будет **последним** персонажем, о котором заговорят критики, но зато **первым**, которое сделает роман Тур<генева> излюбленным детищем публики. Что за фигура, Боже, что за чудная фигура, когда поближе всмотреться в нее. Не совсем осиротела та земля, из которой поэт может извлекать такие типы. А вот подите – пожалуй, даже и после создания Марианны и Соломина станут упрекать еще Тургенева в неблагоприятном к молодому поколению и в непонимании его». ¹⁴ Забегая вперед, отметим, что и в оценке критикой образов Марианны и Соломина Анненков оказался прав.

Ожидая появления отрицательных рецензий со стороны так называемой прогрессивной критики, прежде всего на страницах «Отечественных записок», Анненков не без сарказма замечал: «Михайловский, вероятно, уже купил и новую коробочку стальных перьев для этой работы», – и просил далее знакомить его со всеми появляющимися откликами на роман. «Я употреблю все усилия, – писал он, – чтобы следить здесь за толками русской печати о “Нови”: помогите и Вы сообщением взглядов, какие не попадут в печать или попадут в печать, никому не известную. Дело крайне любопытное – зная, как понимает Тургенев юных деятелей, необходимо и занимательно знать, как они самих себя понимают». ¹⁵

И критика не заставила себя ждать. Уже 6 января появились развернутые (по два или по три подвала) рецензии в «Голосе», «Новом времени» и «Санкт-Петербургских ведомостях», 8 января откликнулись «Русское обозрение» и «Гражданин», 9 января – «Биржевые ведомости» и снова «Голос» и т. д. Практически все отклики, появившиеся в русской периодической прессе в первые десять дней после выхода романа в свет, были резко отрицательными. Рецензенты единодушно признали начало романа повторением старых мотивов.

Рецензент «Голоса» Г.А. Ларош, скрывшись за криптонимом «IV», прямо упрекал Тургенева в старческой болтливости, в эксплуатации образа русского революционера, в повторении идей и образов прежних произведений. «“Новь” г. Тургенева, – развязно писал он в своем фельетоне «Литературная летопись», – почтенные зады передового когда-то учителя, повторяемые с примесью какой-то старческой, по-

рою несколько утомляющей болтливости, которую читатель менее всего привык встречать именно у этого большого русского художника». ¹⁶ Поставив роман в один ряд с последними произведениями антинигилистического направления («Некуда» Лескова, «Панургово стадо» Крестовского, «Бесы» Достоевского, очерки Незлобина в «Русском вестнике»), разрабатывавшими тип русского революционера, Ларош не увидел в нем ничего нового. «В избитом, истрепанном мотиве русского революционерства сильный талант мог бы еще найти новые, пропущенные стороны, указать на незамеченные оттенки, проникнуть глубже в корень явления. К сожалению, этого не замечается в “Нови”». «Подпольные герои “Нови”, – продолжал он, – <...> не возбуждают к себе никакого художественного сочувствия и <...> ни на йоту не прибавляют к запасу понятий об особенностях этого мира, полученных нами из предшествовавших его роману произведений других беллетристов». ¹⁷ Далее Ларош последовательно подверг критике образы всех главных героев: Нежданов – «все тот же опять, в тысячу пятидесятый раз, тургеневский гамлетик и рефлектёр», «перенесенный в кожу революционера»; Паклин (которого Ларош на протяжении всей статьи упорно называет Пенкиным) – «резонёр романа, переделанный автором из Потугина “Дыма” в начитанного конторщика»; Силягин – «тот же Паншин, произведенный в “тайные советники и камергеры”, тот же позёр, фразёр, охотник до преферанса, пустельга и эгоист с придачею “либерализма” как дани современному настроению петербургского чиновного мира»; Силягина – «та же Одиноцова “Отцов и детей”, только положенная на подкладку Дарьи Михайловны “Рудина”»; Марианна – вариация Елены из «Накануне» и т. д. ¹⁸ Особенное негодование Лароша вызвал сатирический портрет Калломейцева, в котором он увидел «грубую карикатуру» и «сомнительного вкуса шарж». ¹⁹

Единственное исключение критик сделал для образа купца Голушкина, представляющего, по его словам, «Meisterst ck (шедевр. – нем.), достойный лучших времен творчества г. Тургенева». ²⁰ «...Из того, что мы прочли теперь, – писал в завершении своего обзора Ларош, – едва ли не вправе мы заключить, что в <...> “Нови” просто повторена та же основная, безотрадная идея его “Дыма”: полная несостоятельность разумной силы в русской стране, равно сверху, как снизу, в охранителях, как в прогрессистах, в руководителях, как в руководимых... / В том случае, что это должно выйти именно так, “Новь” будет уже совершенно неподходящее произведению заглавие. Ему тогда, в pendant “Дыма”, всего ближе следовало бы называться словом, которым уже выговорено г. Тургеневым устами Пенкина-Потугина: “Ченуха”...». ²¹

В один день с откликом Лароша в «Новом времени» вышла статья В.П. Буренина (под псевдонимом Тор) «Новый роман Ив. С. Тургенева».²² Прежде всего, критик отметил, с каким напряженным вниманием ожидалось появление нового творения писателя обычной публикой, а также в литературных и журнальных кругах. По его словам, это свидетельствовало о том, что «долгое литературное безвременье истомило читателей, что они давно жаждут увидеть живые художественные образы живой и современной действительности, что они давно жаждут найти в этих образах яркое и определенное выражение жизненных задач новейшего фазиса нашего развития».²³ Ознакомившись с первой частью «Нови», Буренин, однако, не решился дать о ней «положительного и определенного ответа», отложив его до выхода всего романа. Делясь с читателями некоторыми своими «замечаниями о *впечатлении* первой части», критик признал широту и злободневность замысла романа, а также его художественную ценность. «...Замысел романа, по-видимому, очень широкий и глубокий, – осторожно писал он, – заботы автора о придании этому замыслу “жгучего” современного интереса очень велики и сквозят повсюду, обработка подробностей тщательная донельзя и необыкновенно строгая, искусства и таланта на эту обработку потрачено бездна, но...». Раскрывая далее сущность этой «невольной» оговорки, Буренин в более мягкой форме повторил упреки Лароша и указал на то, что роман «в первой его части далеко не представляет свежести, силы и художественной определенности прежних крупнейших произведений знаменитого балетриста <...> в новом произведении г. Тургенев с большим старанием и искусством подражает самому себе».²⁴ Не отрицая отдельных удач писателя (например, в изображении Сипягина – «чуть ли не самое яркое в художественном смысле лицо романа» – и Марианны), критик отмечал также, что у Тургенева «не вытанцевалась» фигура Соломина, в которой, по его мнению, оказалось «очень мало жизненных черт».²⁵ Последнее замечание было особенно болезненно воспринято Тургеневым, не без основания полагавшим, что низкая оценка этого персонажа, которого он считал «главным лицом»²⁶ произведения, была во многом обусловлена знакомством критика лишь с частью романа. По этому поводу он замечал в письме к Стасюлевичу от 13 (25) января: «...не совсем добросовестно со стороны г-на Буренина (Тора) говорить, что характер Соломина не вытанцевался, так как он едва является в 1-ой части».²⁷ Отметим, что после ознакомления с первой частью романа большинство критиков были единодушны в оценке образа Соломина, посчитав, что он «обрисован пока не совсем еще ясными чертами» (Г.А. Ларош), что, попадая в среду революционеров, «Соломин совершенно обезличивался <...> и вместе с другими проде-

лывал по меньшей мере неблагоприятные вещи для человека взрослого и зрелого» (М.Л. Песковский в «Русском обозрении»).

Ознакомившись с отзывами Лароша и Буренина (Тургенев выписывал в Париж обе газеты – «Голос» и «Новое время»), писатель с горечью писал Анненкову 10 (22) января: «Вы уже, наверное, получили “Вестник Европы” с первой частью моего романа – а также прочли статью “Голоса” о нем. – Из этой статьи (а также из статьи “Нового времени”) – и по другим причинам – молчанью друзей и пр., я должен заключить, что “не сбылись пророчества” людей, ко мне благоволивших – и что бедная “Новь” оказывается старьем – да еще неудачным. Восторженные письма Кавелина и его дочери, А. Головина, заявления Пыпина и Е. Утина (редакции “Вестника”) в счет ставить нечего; даже Ваше – столь дорогое для меня – мнение is not conclusive (не окончательно – *англ.*), как говорят англичане; беспепелляционный суд публики решил – и не в мою пользу: в этом обманываться нечего».²⁸ В этом же письме впервые прозвучали слова о намерении «отложить на будущее время всякую литературную преокупацию – и подыскать себе какое-нибудь письменное занятие, которое наполнило бы оставшийся досуг уже довольно подвинувшей жизнью».²⁹

Еще до получения данного письма Тургенева, Анненков, который также ознакомился с резко критическими рецензиями в петербургских газетах, поспешил поделиться с писателем своим впечатлением от повторного прочтения «Нови», подчеркнув, что роман «выдерживает опыт двойного чтения с великой для себя выгодой». «Все яснее выдвигаются фигуры, – писал он 11 января 1877 года, – и все так правильно, как часовой организм, стоит на настоящем своем месте, что это немалое наслаждение разлагать его в уме своем. Так, впрочем, и должно случаться с произведениями, которые не на один час пишутся, а на года и многие года».³⁰ Назвав прочитанные им рецензии Лароша, Буренина и В.В. Маркова «пустыми» и «мизерабельными», Анненков сравнил реакцию критиков на «Новь» с историей восприятия «Отцов и детей» и предрекал новому роману долговременный успех у читательской аудитории: «Пускай идет роман и ворочает нутро публики, а вы просите только у Бога годок другой жизни, и тогда увидите, каким лучезарным светилом выйдет он, покупавшись в грязях и солончаках журналистики и публики».³¹

В схожем ключе, что и в цитировавшемся выше письме к Анненкову, Тургенев писал и Стасюлевичу: «...пришел № “Голоса”, в котором мне доказывают, что моя “Новь” – не что иное, как “старье”; – что будешь делать? – На всех не угодишь. – И в “Новом времени” – отзыв тоже неблагоприятный; воображаю, что скажут “Московские ведомости”! – Нужно запастись терпением».³² Примечатель-

но, что, вопреки опасениям Тургенева, сами «Московские ведомости» встретили первую часть романа молчалием. Первые статьи о «Нови» появились в газете лишь в марте 1877 года, после выхода второй части и окончания слушаний в Сенате по «процессу 50-ти», в корне изменившему отношение периодической печати к роману.³³

Между тем 9 января в «Голосе» был опубликован фельетон Б.М. Маркевича (выступившего под псевдонимом «Волна») «Листок», часть которого, под названием «Война и г. Тургенев», была посвящена откровенно тенденциозному анализу «Нови»: «Что для <...> старца – смазливая рожца, то для господина Тургенева – популярничанье. Ну, не может человек, не может – хлебом его не корми, дай на этой струночке поиграть, дай хоть потереться около! Вот он, нет, нет, да вдруг какого-нибудь небывалого “республиканца” из *мещан* тридцатых годов выкопает, а то вот и огромный роман сочинит, со всякими современными повивальными бабками и тупицами из кадетов, и плещется с ними всласть, как рыба в воде. Это-де моя настоящая стихия, и хотя, милые мои, вы и не туда идете, а, главное, не так за дело беретесь, за это я вам легонько нотацию прочту – а все же я вас уважаю, и сердце мое ни к кому иному в России не лежит, и такой я уж сызмальства либерал, и вы меня полюбите за это, миленькие, а, главное, не браните, потому что брань меня убивает, и вот уже двадцать лет прошли, а я все еще забыть не могу, как меня за моих “Отцов и детей” жестоко бранили ваши предшественники...».³⁴ Усматривая в романе стремление автора к дешевой популярности, Маркевич не без злорадства привел оценку, данную творчеству Тургенева последних лет критиком «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Евгений Марков очень верно заметил, что Тургенев отслужил России *всю* службу, какую он мог сослужить ей. Почти его за это душевною благодарностью, а из русских *пророков* он еще с “Дыма” вышел...».³⁵ Авторство Маркевича не осталось неизвестным Тургеневу. «В “Голосе” – г-н Маркевич – (я знаю, что это *он* пишет под псевдонимом “Волна”), – замечал он в письме к Стасюлевичу, – упрекает меня в старческом зуде популярничанья; – я бы мог ему ответить, что – как-никак – мне об *этом* хлопотать нечего; – но он мстит за “Ladislás’a”; – Господь с ним!».³⁶

Кроме того, Тургенев мог прочесть и следующий фрагмент из «Дневника» В.П. Мещерского в № 1 «Гражданина»: «...не чувствуешь в этом произведении любви художника к своим героям; он их пустил в свет, говорит: идите, говорите, действуйте, но я вас не люблю, никого из вас не люблю. Притом в изображении типов этого романа видно не глубокое, а поверхностное только их знание, знание скорее понаслышке. Сюжет романа: приключения нечаевцев-пропагандистов в народе, и вот эти-то типы пропагандистов как будто не были

изучены Тургеневым с натуры, не прочувствованы насквозь, как его бессмертный Базаров».³⁷

Отвечая 13 (25) января на несохранившееся письмо Стасюлевича, поспешившего, по-видимому, сгладить удручающее впечатление от единодушного осуждения, которому подвергся роман на страницах газет в первые дни после его появления, Тургенев кажется спокойным и невозмутимым: «Нападки г-д критиков меня не удивили: всё это в порядке вещей. – Лишь бы только они не повлияли на публику и на ход подписки».³⁸ Однако в письмах к другим корреспондентам проскальзывают гораздо более горькие высказывания, показывающие, что критические нападки и уколы не оставили писателя равнодушным. Так, в письме к В. Рольстону от 12 (24) января он скупно замечает, что критика романа «в русских газетах довольно строга»;³⁹ более откровенно в тот же день он высказывается в письме к Г. Флорберу, в котором признается: «Газеты находят, что я выдохся, и бьют меня моими же старыми сочинениями (как вас бьют “Г-жой Бовари”».⁴⁰ Наконец, в письме к Вревской от 15 (27) января, говоря о романе, он впервые произносит слово «фиаско» и называет свою «литературную карьеру» «поконченной».⁴¹

Конечно, оскорбительные по тону рецензии Лароша и Маркевича вызвали ряд ответных откликов⁴² (в «Биржевых ведомостях», «Стрекозе», «Неделе» и др.), многие из которых вскоре стали известны Тургеневу. Так, во второй половине января Стасюлевич послал Тургеневу фельетон «Всякие “злобы дня”», помещенный в № 3 сатирического журнала «Стрекоза» (вышел в свет 16 января), автор которого выступил в защиту писателя от нападок «Голоса». «Маститый старичок поднес еще один роскошный подарок нашей литературе, – писал фельетонист. – Мы говорим о тургеневской “Нови”. / Целые томы наших современных беллетристов, имя которым легион и которые пишут главным образом для самих себя и для своих ближайших родственников, – не стоят десяти строк этого высокохудожественного труда. Какие типы, сцены, картины!». Далее фельетонист обрушился на критика «Голоса» и на его издателя: «Господин Краевский, сводя старые счеы с Тургеневым, возложил на присяжного рецензента своего (если не ошибаемся, г. Лароша) поручение “постричь” и “отбрить” почтенного беллетриста. И злосчастный рецензент, шлепая от усердия лбом об стену, исполнил свою задачу с ловкостью старого медведя, тактом дровосека и приличием целовальника. Силясь всеми своими щупальцами уколоть Тургенева, наемник “Голоса” пришел к тому заключению, что “Новь” есть не что иное, как – подлинное выражение – “ченуха”! Вот уж доподлинно: Ай, моська! / Знать, она сильна, / Что лает на слона!»

(С. 2). В этом же номере, явно с полемической целью, был напечатан отрывок о Фомушке и Фимушке, сопровождавшийся следующим редакционным примечанием: «Мы позволяем себе заимствовать эту бесподобную главу из читаемой в настоящее время всею Россией “Нови”. В ней – чудесная тургеневская теплота идет рука об руку с чисто гоголевским комизмом» (С. 3). Кроме того, на с. 4 журнала был помещен рисунок В.И. Порфирьева, на котором изображен Тургенев в образе крестьянина, стоящего за плугом; при этом у лошади завязаны глаза; рядом дана серия портретов персонажей «Нови». Следующий номер «Стрекозы» открывался размещенной на первой полосе карикатурой А.И. Лебедева «Тургенев и его критики», на которой гигант-Тургенев стоит, скрестив руки на груди, с добродушно-насмешливым выражением лица, а у его ног копошатся критики-лилипуты, один из которых читает «Новь», водя пальцем по строкам, другой пишет, остальные проявляют враждебные действия, стреляя из небольшого ружья, пуская стрелы и т. д.; сверху надпись: «А критики кто?».⁴³ Благодаря Стасюлевича за высылку последнего номера «моей покровительницы “Стрекозы”», Тургенев просил также передать «если возможно <...> кому знаете, мое спасибо»,⁴⁴ имея в виду, как установила Г. В. Степанова, фактического редактора «Стрекозы» И.Ф. Василевского.⁴⁵

Тронут был Тургенев и некоторыми словами в отзыве К. В. Лаврского, который появился в «Неделе» 16 января 1877 года,⁴⁶ и сочувственными отзывами, которые продолжали поступать от друзей и знакомых (например, А.В. Головнина, А.М. Жемчужникова, А.В. Топорова и др.), однако общий пессимистический тон в его письмах на протяжении всего января продолжал нарастать, значительно усугубившись после выхода февральской книжки с окончанием романа и последовавшими новыми нападками в газетах, которые на этот раз сопровождались разгромными рецензиями в толстых журналах.⁴⁷ «...все журналы без исключения поносят меня, – констатировал он в письме к А.А. Трубецкой 12 (24) марта. – Никогда еще критика не была более единодушна – это то, что называется полным разномом».⁴⁸ Должно было пройти немало времени, чтобы нанесенные бойкими критиками раны затянулись и писатель вновь вернулся к литературной деятельности.

Примечания

¹ Точные даты работы над «Новью» Тургенев традиционно занес на титульный лист черновой рукописи романа: «Начат – в Париже, Rue de Douai, 50, во вторник 1-го фев./20-го янв. 1876. Кончен – в Спасском – в четверг

- 27/15-го июля 1876. 5 месяцев и 25 дней. (Писан с одним, почти двух-месячным, промежутком)» (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т., М., 1982. Т. 9. С. 492. Далее ссылки на это издание сокращенно: *Тургенев (2)*, с указанием серии, номера тома и страницы). Об истории формирования замысла романа см. коммент. Н.Ф. Будановой: Там же. С. 481–497, а также ее книгу: Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983.
- ² Речь идет об очередном очерке из цикла «Вперемежку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания)» (подпись: «Г. Темкин»), где Михайловский саркастично интерпретировал примечание самого Тургенева при публикации рассказа «Часы» в «Вестнике Европы» (1876. № 1. С. 7), в котором анонсировался скорый выход романа, как проявление чрезмерного авторского самолюбия и самоуверенности (Отечественные записки. 1876. № 2. С. 140–141). Достаточно подробную сводку откликов о романе см.: *Тургенев (2)*. Соч. Т. 9. С. 519–536. Следует отметить, однако, что и здесь они собраны не полностью, поскольку перед комментаторами не стояла задача фронтального учета всех известных (даже печатных) отзывов. Так, в процессе подготовки последнего тома Писем второго академического издания (т. 15, кн. 2) были выявлены не привлекавшиеся ранее рецензии, напечатанные в газетах «Московские ведомости», «Наш век» и др. Кроме того, в последнее время были выявлены неизвестные ранее данные, прежде всего благодаря публикации новых архивных материалов и обнаружению новых писем Тургенева (среди них значимое место занимает публикация писем П.В. Анненкова к Тургеневу, а также приобретенное заповедником «Спасское-Лутовиново» письмо Тургенева к княгине А. А. Трубецкой).
- ³ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 1. С. 231. Письмо от 24 ноября (6 декабря) 1876. В ответном письме Вревская замечала (очевидно, со слов А.В. Топорова): «...что касается до Михайлов<ского> (<От<с>с<т>венные> зап<иски>»), то он очень озлоблен; и, кажется, готовится бранить» (цит. по: *Назарова Л. И.* С. Тургенев и Ю.П. Вревская // Русская литература. 1958. № 3. С. 187).
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Мостовская Н.Н.* Из журнальной полемики вокруг «Нови» до публикации романа (Забывтые воспоминания А.В. Половцова) // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 185–191. См. также главу «Полемика вокруг “Нови”» в ее книге: И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С. 66–79.
- ⁵ Так, А.Н. Пышин поспешил сообщить о фельетоне Половцова М.М. Стасюлевичу, отметив в письме к нему от 31 июля ст. ст.: «О романе Тург<енева> заявлено в газетах <...> каким-то П., посещавшим Т<ургене>ва в его орловском имении, заявлено с великими сочувствиями и ожиданиями (цит. по: Там же. С. 187).
- ⁶ Там же. С. 186. Нельзя не согласиться и с выводом Н.Н. Мостовской о том, что Половцов неслучайно впоследствии исключил посвященный «Нови» фрагмент из своих воспоминаний, опубликованных уже после смерти писателя в 1883 и 1886 гг. (Там же).

- ⁷ Цит. по: Там же. С. 188.
- ⁸ *Темкин Г.* <Михайловский Н.К.> Вперемежку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания) // Отечественные записки. 1876. № 8. С. 221.
- ⁹ См. его письмо к М.М. Стасюлевичу от 28 декабря 1876 (9 января 1877): Тургенев (2). Письма. Т. 15, кн. 1. С. 273.
- ¹⁰ См., например, его письма к П.В. Анненкову от 10 (22) января 1877, к В. Рольстону от 12 (24) января 1877, А.В. Головнину от 15 (27) января 1877, А.М. Жемчужникову и А.А. Трубецкой от 26 января (7 февраля) 1877 и др.
- ¹¹ *Анненков П. В.* Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили: Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. С. 44. Далее сокращенно: *Анненков. Письма.* Развернутый отзыв Анненкова о «Нови» см. в двух его письмах от 28 октября (9 ноября) 1876, написанных под первым впечатлением от прочтения романа: Там же. С. 40–44.
- ¹² *Мостовская Н.Н.* И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. С. 67.
- ¹³ *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 41. Выделено мною. – В. Л.
- ¹⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 337.
- ¹⁵ Там же. С. 337–338.
- ¹⁶ Голос. 1877. 6 (18) января. № 6. С. 1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 1–2.
- ¹⁹ Там же. С. 2.
- ²⁰ Там же. С. 1. См. также статью Г.В. Степановой «Первые отклики печати на роман “Новь”»: Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 192–195; *Тургенев (2)*. Соч. Т. 9. С. 521–522. Об отклике Лароша на вторую часть «Нови», кардинально изменившем свою точку зрения на роман под воздействием «процесса 50-ти», см.: Там же. С. 530.
- ²¹ Голос. 1877. 6 января. № 6. С. 3.
- ²² Новое время. 1877. 6 января. № 308. С. 1–3.
- ²³ Там же. С. 1.
- ²⁴ Там же. С. 2.
- ²⁵ Там же. С. 3. В дальнейшем (после выхода второй части романа и под воздействием «процесса 50-ти») мнение Буренина о романе несколько смягчилось, однако продолжал писать о «фальшивости общего замысла и исполнения» (Новое время. 1877. 25 марта. № 385. С. 2).
- ²⁶ См., например, его письма к Я.П. Полонскому и А.М. Жемчужникову: *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 32, 39. Чрезвычайно значимым в понимании этого образа представляется ставшее известным в недавнее время письмо Тургенева к А.А. Трубецкой от 12 (24) марта 1877. См.: Там же. С. 648.
- ²⁷ Там же. С. 24.
- ²⁸ Там же. С. 17.
- ²⁹ Там же. ³⁰ *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 50.

- ³¹ Там же.
- ³² *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 19.
- ³³ «Нови» были посвящены три фельетона Н. В. Щербаня «Литературно-политические заметки» в номерах за 21–23 марта ст. ст. (№ 69–71).
- ³⁴ Голос. 1877. 9 января. № 9. С. 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 24.
- ³⁷ Гражданин. 1877. 8 января. № 1. С. 14.
- ³⁸ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 24.
- ³⁹ Там же. С. 304. Подлинник по-англ.
- ⁴⁰ Там же. Подлинник по-франц.
- ⁴¹ Там же. С. 25–26. В том же тоне он пишет и А.В. Головнину: Там же. С. 26–27.
- ⁴² См.: *Степанова Г. В.* Первые отклики печати на роман «Новь». С. 192–195.
- ⁴³ См.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев. № 851.
- ⁴⁴ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 46. Письмо от 28 января (9 февраля) 1877.
- ⁴⁵ *Степанова Г. В.* Первые отклики печати на роман «Новь». С. 194–195.
- ⁴⁶ См. его письмо к М. М. Стасюлевичу от 22 января (3 февраля) 1877: *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 32.
- ⁴⁷ Сказанное подтверждается, например, следующей редакционной заметкой в газете «Наш век», вставшей с момента своего основания весной 1877 на защиту Тургенева: «“Новь” Тургенева сделалась теперь прибауткой всех, кому захочется лягнуть что-нибудь честное, смелое, молодое. Не прямое ли это доказательство того, что наш либерализм годился только для мелких счетов и дразг; а резкой правды мы не выносим и из крупного, честного, либерального произведения берем только кличку, посредством которой упражняемся в ремесле обвинителей и *сикофантов*» (Наш век. 1877. 8 апреля. № 37. С. 3).
- ⁴⁸ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 647. Подлинник по-франц.

Н. П. Генералова
С.-Петербург

ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС – ПРОТЕЖЕ ТУРГЕНЕВА В РОССИИ

Тема моего небольшого сообщения возникла, как это часто бывает, в ходе подготовки очередного тома писем второго издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30 томах, которое началось в 1982 году и все никак не может завершиться. Впрочем, наша бурная история может похвалиться не одним таким случаем. Припоминается несостоявшееся издание Полного собрания сочи-

нений прекрасного критика Аполлона Ал. Григорьева, первый том которого вышел в 1918 году, да так и остался последним. Можно вспомнить и прервавшееся издание знаменитого словаря Брокгауза и Эфрона, оказавшегося не ко двору новой власти. Примеры можно множить и множить. Так что нам, можно сказать, повезло. Издание все же возобновилось¹ и должно в недалеком будущем выйти в свет в полном виде.

Если быть оптимистом, то можно даже найти некоторые выгоды в создавшейся ситуации. Так, ввиду полного отсутствия контроля за объемом комментариев, у исследователей появилась возможность давать более обстоятельные пояснения тех или иных реалий, содержащихся в текстах. Признаем, что последние тома писем первого академического Тургенева делались, судя по всему, в спешке (по-видимому, необходимо было уложиться в строго назначенные сроки), и комментарии в них были сведены к минимуму. Достаточно сказать, например, что в обновленном томе 15 (книга 1, 2) писем общий объем комментария вырос приблизительно в три раза, не говоря о том, что том пополнился более чем 60-ю совершенно новыми письмами к разным корреспондентам. В каком-то смысле можно даже сказать, что это совсем другой том. В одном только аннотированном указателе к тому появились десятки новых имен и названий, представляющих биографию и творческую жизнь Тургенева гораздо более насыщенной и многообразной, чем это виделось ранее.

Сказанное в полной мере относится и к теме моего сообщения. Вот что было сказано о Жюле Валлесе в аннотированном указателе нашего первого издания. «**Валлес** (Vallès) Жюль (1832–1885), французский писатель, журналист и политический деятель, автор автобиографической трилогии “Жак Вентра”, книги сатирических очерков “Лондонская улица” и других произведений. За участие в Парижской Коммуне был приговорен к смертной казни и был вынужден бежать в Англию, оказавшись там в качестве изгнанника без средств к существованию. При посредничестве Золя обратился к Тургеневу с просьбой рекомендовать его корреспондентом в один из русских журналов. Известны два письма Тургенева к Валлесу (1877). Письма Валлеса к Тургеневу неизвестны».²

В целом это краткое изложение биографии Жюля Валлеса и отношений его с Тургеневым не противоречит действительности. Новых писем Тургенева к Валлесу за истекшие почти 50 лет со времени выхода в свет соответствующего тома первого издания не было найдено. Как и не обнаружилось письма Валлеса к Тургеневу, хотя точно известно, что они были. Но здесь, возможно, сыграла свою роль бурная биография французского писателя, общение с которым во Франции, даже во времена республики, не было безопасным. Не

было оно безопасным и для Тургенева, который, однажды пострадав за некролог Гоголя, старался проявлять осторожность и известную конспирацию в общении с людьми с «подмоченной» политической репутацией. Можно с большой долей уверенности предположить, что он уничтожил письма Валлеса как могущие скомпрометировать его в глазах каких бы то ни было властей, русских или французских, ведь, как выяснилось недавно, во Франции Тургенев тоже был под негласным надзором полиции.

Знакомство Тургенева с Жюлем Валлесом было, скорее всего, заочным. И состоялось оно, судя по всему, в 1877 году, благодаря посредничеству Золя, с которым писатель общался и письменно и лично весьма тесно. Напомним, что именно Тургенев устроил сотрудничество опального на родине Золя в русском журнале «Вестник Европы», с редактором которого Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем поддерживал постоянную связь, не только публикуя у него практически все свои новые произведения, но и рекомендуя в русский журнал новых и новых сотрудников.

Вообще эта сторона деятельности Тургенева пока еще не стала предметом специального внимания исследователей, а жаль. Если все ее эпизоды соберутся вместе, получится любопытная картина. И она будет далека от простой благотворительности, в чем нередко упрекали Тургенева недоброжелатели или люди не очень сведущие. На самом деле, предлагая русским журналам и газетам сотрудничество иностранных корреспондентов, Тургенев был очень разборчив. Можно даже сказать, что он подбирал сотрудников для русских журналов. Достаточно назвать имя Эмиля Золя, ставшего с 1874 года постоянным корреспондентом «Вестника Европы» и привлекшего немало читателей своими яркими «Парижскими письмами». Известно, что Тургенев подсказал Золя немало тем для будущих статей. Примечательна и история с русскими публикациями Альфонса Доде в газете «Новое время», появившимся благодаря Тургеневу.³ Причем надо отметить, что писатель, хорошо представляя себе «расклад сил» в отечественной журналистике, учитывал, насколько те или иные авторы «подходили» платформе того или иного периодического издания. Очень ярко этот взвешенный подход проявился и в «устройстве на работу» Жюля Валлеса. Однако скажем вкратце, в какой ситуации оказался французский писатель-революционер в изгнании.

Живя в Лондоне, он почти не имел возможности печататься. Дорога во французские журналы и газеты ему, по понятным причинам, была закрыта. Публикации, если и были возможны, то только под псевдонимами. К Тургеневу, как уже было сказано, Валлес обратился по совету Золя, с которым познакомился еще в 1860-е

годы (в 1867 году Золя отдал в основанный Валлесом еженедельник «La Rue» одну из своих сказок, а в 1881-м, еще до возвращения изгнанника на родину, поместил в «Le Figaro» статью о нем). Однако предварительно Золя сам переговорил с Тургеневым. Отвечая с опозданием на письмо Валлеса, в котором критик прямо просил подействовать его устройству в качестве корреспондента в русский журнал, куда он мог бы давать статьи, «враждебные» Англии,⁴ Золя писал: «Я занялся вашим делом и вот что вкратце могу вам сообщить. Тургенев полагает, что статьи об Англии в том ракурсе, который вы указываете, будут хорошо приняты в России; единственное затруднение, добавляет он, что ваше имя будет пугалом для русской цензуры и его непременно следует скрыть. Согласитесь ли вы на анонимность? Скажите мне об этом немедленно. Через три недели Тургенев уезжает на месяц в Санкт-Петербург, и я попрошу его переговорить лично о вашем участии в журнале, куда я пишу сам».⁵

Любопытно, что при всем дружеском расположении к лондонскому изгнаннику Золя постарался избавить себя от возможного конкурента. Помимо просьбы устроить его английские корреспонденции в «Вестник Европы», в письме Валлеса к Золя содержалось предложение, которое Золя решительно отверг. «Я хотел бы представить современную *художественную и литературную Францию* этой столь любопытной эпохи: — писал Валлес, — Дюма-сын, Флобер, вы, Ожье, Курбе, Гонкур, Мало, Мане, Сарду, Доде и т. д. и т. д. Необходимо защищать Революцию, давая эти портреты, живописать время, пробить брешь, бросить энтузиастов, нарисовать или раздраженных, в эту студию деталей, изваяний, картин и книг. Знаете ли вы во Франции место, где я мог бы начать эту кампанию? Не думаю... а вот в России Тургенев согласится ли предложить подобную штуку? Для битвы, вы понимаете? Современное искусство, вперед! Реализм for ever! <...> Короче говоря, я хочу <...> занять свое место на баррикадах, которые вы защищаете с пером в руке, сегодня».⁶

Очевидно, Валлес не знал, что в «Вестнике Европы» к этому времени был опубликован уже не один десяток статей Золя, посвященных именно той проблематике, о которой писал лондонский изгнанник.⁷ Вот почему в ответ на его предложение Золя категорически заявил: «Что касается до публикации в России ваших статей о французской литературе и искусстве, то с этим дело обстоит сложнее; по крайней мере я не знаю, куда предложить ваши статьи, поскольку это как раз то, что я делаю в журнале, в котором сотрудничаю и где имею некоторое влияние».⁸ Таким образом, на русские баррикады Валлес, похоже, не попал не без участия Золя. По мнению автора «Парижских писем», молодому инсургенту следовало придержи-

ваться той тематики, которую он предложил первоначально, а именно: писать об Англии, то есть стать лондонским корреспондентом «Вестника Европы». ⁹ Однако и этот вопрос оказался не столь простым.

Трудно сказать с уверенностью, почему сотрудничество Валлеса в «Вестнике Европы» не состоялось. Возможно, против этого возражал Стасюлевич из опасения осложнений с нелегальным автором. Но не исключено, что сам Тургенев мог дать такой совет. Во всяком случае, первое из сохранившихся писем Тургенева к Валлесу начинается знаменательно: «Милостивый государь и дорогой брат», — свидетельство, что русский писатель был достаточно знаком с творчеством французского коллеги, хотя точных данных об этом пока обнаружить не удалось. ¹⁰ Письмо написано Тургеневым уже из Петербурга, куда он приехал по неотложным делам в июне 1877 года. Тургенев к этому времени знал о просьбе Валлеса и даже принимал некоторые шаги по ее исполнению. И все же до того как предложить сотрудничество Валлеса Стасюлевичу, Тургенев, очевидно по собственной инициативе, заказал ему «пробную статью» («un article spécimen»), очевидно с целью удостовериться, что корреспонденции французского революционера пройдут цензуру. Поскольку в письмах Тургенева к Стасюлевичу нет и намека на Валлеса, напрашивается вывод, что Тургенев действовал по своей инициативе. Возможно, и Валлес почувствовал, что его «испытывают», так как не написал «пробной» статьи. Интересно, что в письме к Золя Тургенев передает Валлесу совет сделать ее как можно более «живописной» («pittoresque»).

Золя тут же передает мнение Тургенева Валлесу: «Сделайте статью на дюжину журнальных страниц и напишьте ее как можно более живописными фактами. Очень возможно, что эта статья побудит редактора взять вас в качестве ежемесячного корреспондента. В любом случае, даже если дело провалится, вы сможете использовать статью во Франции. Тургенев утверждает, что это единственный способ придать делу серьезный оборот. И поторопитесь, чтобы ваша статья была послана дней через шесть или семь. <...> Договорились, что вы не подписываете ее и что ваше сотрудничество будет сохраняться в строжайшей тайне. <...> Ваша первая статья должна касаться чувств англичан по отношению к русским, при этом надо постараться найти художественный аспект. Журнал («Вестник Европы». — Н.Г.) принадлежит к левоцентристским. Старайтесь как можно более избегать политики, цензура там свирепствует». ¹¹

В результате переговоров Тургенева сотрудничество Валлеса в России состоялось, но не в «Вестнике Европы», а в сформировавшемся в то время новом журнале «Слово», хотя первоначально пла-

нировалось участие Валлеса именно в «Вестнике Европы». ¹² Хотя А. Фет и называл «Вестник Европы» красным и обзывал «гнзедом и сосудом коммунизма», надо признать, что платформа его была достаточно умеренной: рисковать ни Стасюлевич, ни Тургенев, привлекая в него Жюля Валлеса, конечно, не хотели.

«Ваше письмо, – писал Тургенев Ж. Валлесу 3 (15) июня 1877 года из Петербурга, – пришло немного поздно; я получил его перед самым отъездом в Москву. Я начинал думать, что вы отказались от ваших намерений. Однако я тотчас принялся за дело и, надеюсь, нашел для вас нечто подходящее. Здесь создается новая газета ¹³ (я ей всецело сочувствую). Она называется “Слово”. Издатели были бы очень рады иметь фельетониста и политического корреспондента в Лондоне. Я дал им ваш адрес – и не сомневаюсь, что они уже написали вам. Вот на всякий случай адрес одного из них: г-н Исидор Гольдсмит – Петербург, *Саперный переулок*, № 6, кв. № 8 (Саперный переулок – это маленькая улица саперов – но лучше писать название по-русски). “Слово” начнет выходить осенью и имеет все шансы на успех. Сговоритесь об условиях: построчно во *французских деньгах* или считая по 3 сантима за 1 копейку и по *три* франка за рубль. (В рубле 100 копеек)». ¹⁴

Что же это был за таинственный журнал «Слово», в котором дебютировал Валлес в России, и какое отношение к нему имел Тургенев, если так решительно сообщил, что редакция будет счастлива иметь французского коммунара своим сотрудником? Выяснить удалось не так много. Народнический журнал «Слово» выходил всего три года: с января 1878-го по апрель 1881-го и был закрыт по распоряжению правительства. Сведений о встрече Тургенева с сотрудниками журнала и о его ходатайстве за Валлеса обнаружить не удалось. Это и не удивительно: в 1880 году в Париже возникло отделение редакции «Слова» во главе с П.Л. Лавровым, который был его нелегальным сотрудником с самого основания. От него Тургенев еще в Париже мог узнать об учреждении нового журнала. Однако не исключено, что об этом мог знать М.М. Стасюлевич, с которым Тургенев встретился вскоре по приезде в Петербург. В письме к Валлесу Тургенев называет имя Исидора Альбертовича Гольдсмита, редактора-издателя радикального журнала «Знание» в 1872–1877 и «Слова» в 1878. Этот Гольдсмит поддерживал тесные связи с русской эмиграцией, в том числе с П.Л. Лавровым, неоднократно арестовывался, был в ссылке, затем эмигрировал. Из Константинополя был в 1887 году депортирован в Россию, где находился под гласным надзором до 1888 года, когда снова бежал за границу. Умер в парижской тюрьме, куда бы посажен за мошенничество.

Несмотря на то, что об отношениях Тургенева с редакцией «Сло-

ва» после декабря 1877 года ничего не известно,¹⁵ сотрудничество Валлеса в качестве лондонского корреспондента в журнале, вопреки общепринятому мнению, состоялось. Дело в том, что исследователям не было известно, что среди псевдонимов Валлеса был и следующий: «Паскаль».¹⁶ Именно под этим именем в мартовском и апрельском номерах за 1878 год были напечатаны две обширные корреспонденции Валлеса: «Общественное движение в Лондоне» (№ 3. С. 50–61) и «Настоящее положение Англии (Корреспонденция из Лондона)» (№ 4. С. 54–64).

Совершенно очевидно, что Валлес внял совету Тургенева. Первая корреспонденция начиналась подчеркнуто аполитично: «Интерес войны настолько поглотил все остальные интересы, – писал Валлес, – что корреспонденту крайне трудно следить в ежемесячном отчете за быстрым ходом военных событий <...>. Невольно задаешь себе вопрос, следует ли придавать особенное значение этим военным приготовлениям? – Я не думаю».¹⁷ Автор делает вид, что ставит перед собой гораздо более миролюбивую задачу: «...читатель увидит, насколько толпа, *простые смертные*, сохраняет свою обычную физиономию в эту эпоху возбуждения, насколько закон остается в силе, насколько наука не теряет своей авторитетности, искусство – обаяния, в то время как предводители гарцуют на конях <...>».¹⁸ Не без сарказма Валлес описал в первой своей корреспонденции такие явления общественной жизни Лондона, как митинги и бракоразводные процессы. Во второй корреспонденции был дан социально-экономический анализ британского колониализма и исходящей от него опасности для всех стран, втянутых в русско-турецкую войну.

Ранее считалось, что сотрудничество Валлеса в «Слове» в 1879 году ограничилось публикацией сокращенного перевода романа «Жак Вентра» (№ 9, 10, 12), позднее ставшего частью трилогии с тем же названием. Роман печатался под псевдонимом «Жан Ла Рю». О высокой оценке романа Тургеневым косвенно свидетельствует письмо Генри Джеймса к отцу от 24 февраля н. ст. 1881 года: «На днях я послал Элис (не читая) роман Жюля Валлеса (коммуниста) “Жак Вентра”, потому что Тургенев очень высоко о нем отзывался...».¹⁹

Остается добавить, что сказанное – лишь начало работы, которая должна быть проделана будущими исследователями. При составлении указателя к 15 тому писем Тургенева я столкнулась с тем, что немало людей, с которыми общался Тургенев и которых рекомендовал для работы в России, были так или иначе связаны с журналом «Слово». Да и сам Золя начал печататься в «Слове» с момента основания: в 1878–1880 гг. здесь были опубликованы переводы его романов «Страница любви» и «Нана».

Примечания

- ¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18 т. М., 2012. Т. 15. Кн. 1. 581 с.; М., 2014. Т. 15. Кн. 2. 764 с.
- ² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 718.
- ³ См. об этом: *Фифис А.* Альфонс Доде – сотрудник петербургской газеты «Новое время» // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1 / Отв. редакторы Н.И. Генералова, В. А. Лукина. С. 209–218.
- ⁴ В письме от 28 февраля 1877 к Золя Валлес писал о желании писать статьи «враждебные англичанам, их гордыне, их грубости» (см.: *Bellet R.* Une correspondance Vallès–Zola. Echos d'une correspondance Zola–Tourguéniev // L'Europe. № 470–472. P. 171–181. Цит. по: *Zola E.* Correspondance / Editée sous la direction de B. H. Bakker. Editrice associée: Colette Becker, conseiller littéraire: Henri Mitterrand. Montréal; Paris. 1980. Т. II. 1868–mai 1877. P. 553. Note 1). Далее сокращенно: *Zola. Corr.*, с указанием тома и страницы.
- ⁵ *Zola. Corr.* Т. II. P. 553. Письмо от 2 апреля 1877 г.
- ⁶ *Bellet R.* Une correspondance Vallès–Zola. Echos d'une correspondance Zola–Tourguéniev. Цит. по: *Zola. Corr.* Т. II. P. 554. Note 4.
- ⁷ Они даже вышли в русском переводе отдельным изданием: Золя Э. Парижские письма. Из литературной жизни. 1875–1877. СПб., 1878. Т. 1 (том вышел в свет в 1877 г.).
- ⁸ *Zola. Corr.* Т. II. P. 553. Письмо от 2 апреля 1877 г.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ Впрочем, еще в 1860-е гг. Валлес был достаточно известным журналистом: он печатался в «Le Figaro», «La Presse», «La Liberté», «L'Événement» и др. периодических изданиях, в 1866 г. вышел сборник его статей «Les Réfractaires» («Отщепенцы»), который мог привлечь внимание Тургенева.
- ¹¹ *Zola. Corr.* Т. II. P. 561–562. Письмо от 21 мая 1877 г.
- ¹² Обрадованный поддержкой Золя, Валлес писал 9 апреля 1877 г. Гектору Мало: «Он (Золя. – *Н. Г.*) пообещал – с сердечной готовностью – порекомендовать меня Тургеневу, который уезжает в конце месяца и из дружеских чувств к Золя сделает для меня, кажется, все возможное при условии, что я не буду ставить свою подпись и мое имя будет известно только договаривающимся сторонам. Я буду посылать статьи об Англии. Итак, я не говорю об этом никому – кроме вас. Но если Тургеневу удастся устроить меня лондонским корреспондентом в журнал, где Золя печатает свои статьи о Франции, послать свою первую статью туда я смогу не ранее чем через полтора месяца, а заплатят мне как минимум через два-три. Так что я нахожусь в состоянии надежды на удачу и в большом беспокойстве» (Vallès Jules. Oeuvres complètes. Edition revue, annotée et préfacée par L. Scheler et M.-C. Bancquart. P., 1970. Т. IV. P. 1210–1211).
- ¹³ Тургенев ошибочно употребляет слово газета по-французски: «un journal», хотя речь идет именно о журнале. – *Н. Г.*

- ¹⁴ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 2014. Т. 15. Кн. 2. С. 343.
- ¹⁵ В середине декабря 1877 г. отношения Тургенева со «Словом» прекратились, поскольку в него на роль ведущего критика был приглашен М.А. Антонович, еще в 1862 г. выступивший на страницах «Современника» со статьей «Асмодей нашего времени», где роман «Отцы и дети» был объявлен пасквилом на молодое поколение (см.: *Бушканец Е. Г.* И.С. Тургенев и журнал «Слово» // Русские писатели и народничество. Межвузовский сб. Горький, 1977. Вып. 2. С. 91–98). А в 1877 г. на страницах газеты «Тифлисский вестник», в номере от 4 мая тот же Антонович обрушился на новый роман Тургенева «Новь», обвинив «маститого беллетриста» в плагиате... у М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Антонович М.А.* Из «Заметок о журналах» // Антонович М.А. Литературно-критические статьи / Подготовка текста, вступит. ст. и комментарии Г.Е. Тмарченко. М.; Л., 1961. С. 342–346). Правда, в «Слове» Антонович продержался недолго, всего три месяца. Любопытно, что он был устранен из редакции журнала вместе с вышеупомянутым И.А. Гольдсмитом (см.: *Тмарченко Гр. М.А.* Антонович – литературный критик и полемист // *Антонович М. А.* Литературно-критические статьи. С. XLIII).
- ¹⁶ См.: *Zola. Corr.* Т. II. P. 562. Note 3.
- ¹⁷ Слово. 1878. № 3. С. 50.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: *Шерешевская М.А.* И.С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // Русская литература. 1983. № 2. С. 142.

С.А. Ипатова
С.-Петербург

К РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ЗАМЫСЛА ТУРГЕНЕВА

<Роман о русских и французских революционерах>

Ни об одном из своих замыслов последних лет жизни Тургенев не говорил столь часто и подробно, как о романе, зафиксированном в литературе о нем под условным названием <Роман о русских и французских революционерах>.¹ Сведенные воедино имеющиеся сведения, а именно: эпистолярные высказывания самого писателя, многочисленные мемуарные свидетельства его собеседников этих лет, упоминания в газетных статьях, включая иностранные, и др. позволяют прийти к выводу, что сведения эти не противоречат друг другу; что возможно установить не только хронологические рамки работы писателя над этим замыслом (конец 1879 г. – вплоть до начала 1883 г.), но и вероятного прототипа (или прототипов) главного

героя-революционера; что сюжет этот, хотя и в общих чертах, поддается реконструкции, включая его развитие (трансформацию), и, наконец, на основании забытых свидетельств, озвучить возможные заглавия этого масштабного замысла.

Одним из первых, кто обнародовал сюжетную канву будущего романа, был В. Рольстон. 22 октября 1881 г. в день обеда, устроенного английскими литераторами Тургеневу, Рольстон поместил в «Atheneum» заметку, где упомянул о «значительном прогрессе» в работе над «будущим романом», над которым писатель трудился летом в Спасском: «Он будет посвящен, как и “Новь”, тревожным — можно даже сказать взрывоопасным — явлениям, которые оказывают такое сильное воздействие на русскую мысль и действительность. <...> Смысл романа заключается в том, чтобы показать, как резко обозначена граница, как глубока пропасть, разделяющая русский социализм от западноевропейского. <...> г. Тургенев представит перед глазами читателей тех храбрых мужчин и прекрасных женщин, которые искренне посвятили себя делу улучшения тяжелой участи простых людей путем революции <...> раскроет тайные пружины их нравственного и умственного склада. Он покажет, насколько тщетны усилия русских приверженцев социализма объединиться — даже найти отклик — у революционеров Франции и остальной части Западной Европы, на которых он смотрит как на братьев и сестер по общей борьбе, но от которых его отделяют силы, о существовании которых он едва догадывается и с которыми тщетно сражается».² Однако едва ли можно говорить о «значительном прогрессе» работы над романом к концу 1881 г., исходя из свидетельства самого Тургенева: «О романе еще не думаю, — писал он 8(20) ноября Ж. А. Полонской, — хотя о нем уже пропечатали в нескольких английских и немецких газетах. Неужели из старого засохшего дерева пойдут новые листья и даже ветки? Посмотрим».³

Позже в некрологической статье о Тургеневе Рольстон сообщит, что собирался провести лето и осень 1882 г. в Спасском, с тем чтобы под руководством писателя переводить новое произведение на английский язык по мере его написания; роман «должен был иллюстрировать огромную разницу, существующую между социализмом России и социализмом Западной Европы»; в передаче Рольстона «план романа» был «приблизительно следующий: русская девушка, примкнувшая к нигилистическим идеям, покидает родину и поселяется в Париже. Там она встречает молодого француза-социалиста и выходит за него замуж. Некоторое время все идет как следует в семье, воодушевленной общей ненавистью ко всем законам и всем обрядам. Но, наконец, молодая женщина знакомится и разговаривает с одним из своих соотечественников, который рассказывает ей,

что русские социалисты думают, говорят и делают на ее родине. Она узнает с ужасом, что цели и стремления русских революционеров существенно расходятся с целями французских и немецких социалистов, и что глубокая пропасть разделяет ее от мужа, с которым она всегда считала себя вполне согласной. Как должна была кончиться история – не знаю».⁴

О новом замысле большого романа еще до сообщения Рольстона знали Ю. Шмидт и Л. Пич. Распространившийся слух о новом масштабном произведении Тургенева побудил ряд издателей и редакторов обратиться к писателю, предлагая ему страницы своих изданий. Так, в письме от 23 сентября 1881 г. к Фридриху Дербургу, главному редактору «National Zeitung», Тургенев заметил, что роман, о котором тому говорили Шмидт и Пич, только задуман,⁵ а 27 октября 1881 г., отвечая на письмо Ю. Роденберга, редактора немецкого «Rundschau», он написал о задуманном большом произведении как о «едва начатом»: «...пройдут многие месяцы, даже, может быть, целый год, прежде чем оно будет окончено, – если только я его вообще кончу».⁶ Французская издательница журнала «La Nouvelle Revue» к письму от 5 ноября 1881 г., адресованному Клоди Виардо (Шампро) и ее мужу, приложила вырезку статьи Рольстона, из которой она узнала о новом романе Тургенева: «...этот роман мне необходим – оплачу его золотом».⁷ Пройдет год и о новом романе будет говориться как о «совершенно сложившемся», но не на бумаге. Так, американский политический деятель и литератор Джон Хей, посетивший Тургенева в Париже в начале декабря 1882 г., писал Генри Джеймсу: болезнь «вынуждает его отказаться от своего намерения провести лето в России <...> где хотел написать роман, уже совершенно сложившийся в его голове».⁸ В.В. Верещагин вспоминал: «Что Тургенев собирался писать и уже начал большой труд, это я узнал сначала от приятеля его, известного немецкого критика Питча, а потом также и от него самого; теперь, уже после его смерти, я слышал, что задумывался роман с отзывом на движение мысли русской молодежи последнего времени».⁹

Уже в России после смерти писателя появился целый ряд подробных мемуарных свидетельств о сюжете этого замысла. Наиболее ценными среди них, значительно расширяющими его сюжетные и смысловые рамки, являются воспоминания некоего Н. М. (лицо неуст.), русского эмигранта из круга парижских знакомых Тургенева последнего периода его жизни, в которых говорится, что после публикации «Отчаянного» (январь 1882) писатель признавался ему: «Вообще я и сам не придаю большого значения последним своим писаниям. Это пробы пера после долгого молчания. Вот я занят теперь более серьезной вещью; мне давно хочется написать роман, в

котором выразилась бы коренная разница духовных основ русского человека и француза; показать в этом романе глубину психических причин и мотивов у русского протестанта и отщепенца рядом с формализмом и традиционной шаблонностью французского революционера, который никогда не выходит из раз установленных рамок, идет по утоптанному руслу, верит в себя и в свои формулы, тогда как русский вечно копается в своей душе, вечно занят разрешением нравственных вопросов и исканьем правды... Не знаю только, удастся ли мне довести дело до конца и справиться с сюжетом. Стар я, умру скоро». Роман этот, – продолжает мемуарист, – «основная идея которого сильно занимала Тургенева, так что он постоянно о ней заговаривал, был уже, по-видимому, им давно начат, ибо, говоря о нем, Иван Сергеевич указывал на лежащую перед ним кипу исписанных листов. Героями его <...> должны были быть русская девушка-революционерка, вышедшая замуж за французского социалиста и скоро понявшая всю глубину духовного различия и взаимного непонимания между ею и мужем. Одно из основных мест в романе, – свидетельствует Н. М., – должен был занимать тип русского социалиста-мистика, искавшего разрешения социально-нравственных вопросов в новой религии, – тип, списанный Ив. Сергеевичем с натуры, с лица, с которым он вел за границей долгие беседы и переписку. <...> Тургенев особенно любил беседы на тему о нравственной и психической разнице между русским и западноевропейским человеком»: эта разница, говорил писатель, является «причиной трогательного и вместе с тем трагического положения русского борца за прогресс: оттого что у нас нет еще пока классовой экономической борьбы, он, то есть этот борец, принадлежа сам к привилегированному, обеспеченному материально классу, отстаивает интересы обездоленного народа; и в то же время он не встречает поддержки и сочувствия в том самом большинстве, за интересы которого он стоит, ибо между ним и этим большинством – взаимное идейное и культурное непонимание и рознь. В этом вся драма русского идейного человека, в этом заключается причина его изолированности, почти бессцельности его попыток, его ошибок и преждевременной, бесполезной гибели массы энергических и честных сил...

Другая характерная разница между русским и французом, – замечал дальше Иван Сергеевич, – выражается в удивительной позитивности умственного склада мыслящего русского человека. <...> отсутствие священных формул, традиций и кумиров, стремление стать выше всего, преклоняться только перед высоким идеалом человека, перед идеей абсолютной нравственной свободы личности, которая сама по себе мерило, судья и господин... При всем том, при таком видимом материализме русского человека, он на самом деле

в высокой степени идеалист, что доказывается его вечной верой в человеческую натуру, в нравственное самоусовершенствование и идеал...»; что касается русской женщины, продолжал писатель, большинству «даже образованных французов трудно понять, что идейность, преобладание духовных интересов над потребностями плоти, отсутствие привычки к мещанской сытости и комфорту, одолевших современных французов, а вместе и их женщин, то ничтожное значение, которое вообще имеют в русской жизни материальная обстановка и материальные блага, – все это вместе и спасает русскую женщину и от ханжества, и от разврата, и толкает ее в мир принципов, в мир самоусовершенствования и самоотречения. <...> Французы, можно сказать, закончили известный круг культурного развития, удовлетворились и точно окристаллизовались в нем, исчерпав весь запас своих духовных сил, тогда как мы, русские, еще духовно прогрессируем, растем, ищем истины, новых форм жизни и красоты и пр.». Не из Франции, по мысли Тургенева, «возникнет что-нибудь новое», здесь «только сухие, мертвые доктрины, механическое повторение старых, когда-то грозных формул, перешедших теперь в житейский обиход и разменявшихся на мелкую монету. Если и вскроется лед, если и появятся новые духовные всходы, то не из такого семени, способного дать только пустоцвет, а из более здорового и нетронутого источника. Но где, когда, в какие выльется формы – решать не берусь; я в эту область мало заглядывал. Вам, молодым, идущим в уровень с жизнью, это лучше знать...».¹⁰

Добавим, что проблема атрибуции этой статьи, продолжающей оставаться нерешенной, косвенно помогла бы пролить свет на проблему прототипа (или прототипов) тургеневского замысла. Не убеждают ни предположение Л.Р. Ланского, что автором воспоминаний является эмигрант Н.С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке писателю от его парижских знакомых,¹¹ ни утверждение И.С. Зильберштейна о принадлежности воспоминаний писателю и публицисту М.Н. Ремезову, сотруднику журнала «Русская мысль», в котором они были опубликованы.¹² Отметим только, что ни один из указанных предполагаемых авторов – парижский эмигрант – не указан в самом полном своде сведений о лицах, причастных к революционной пропаганде в России.¹³

Из не менее ценных воспоминаний знакомого и корреспондента писателя эмигранта И. Я. Павловского, не противоречащих воспоминаниям Н. М., но детализирующих сюжет тургеневского замысла, выясняется, что сюжет этот был основан на реальных событиях и имел реальных прототипов: «...мне суждено было быть свидетелем того, как в голове его зародилась идея большого и широко задуманного произведения». В Париже писатель познакомился с неким

эмигрантом П., который посвящал Тургенева во все перипетии истории своих взаимоотношений с двумя русскими сестрами-студентками. П. платонически «влюбился в обеих сестер, занимавшихся в Париже агрикультурой». До встречи с ним девушки усердно занимались химией, мало общались с соотечественниками и были вполне счастливы, особенно старшая, полюбившая одного французского студента. Свадьба была уже «решена, когда П. внес целый переворот в эту мирную среду»; он «вскружил им головы своими туманными, но вдохновенными речами о нравственных идеалах, общественной справедливости, целях жизни», что «учение – это средство для того, чтобы быть полезным народу». П. «часами “пропагандировал” сестер; все трое волновались, бледнели, возмущались, а француз-жене ничего не понимал, скучал, сердился, устраивал невесте сцены, пока она не сказала ему: “Вы просто не понимаете меня, потому что вы французы, а я русская”». Чтобы «как-то выйти из этого тяжелого положения, – вспоминает Павловский, – решено было после долгих совещаний <...> и с невидимым участием Ивана Сергеевича, что старшая сестра повенчается с французом. <...> Иван Сергеевич был посвящен во все подробности этой истории». Вскоре Тургенев сообщил Павловскому, что начал писать. «Удивительное дело, этот роман весь перед моими глазами, совсем готовый. <...> все действующие лица стоят, ходят, движутся передо мною, спорят и разговаривают, мне остается только слушать <...> Когда меня начнут преследовать новые герои, одно спасение от них – писать! <...> прежде всего составляю биографии действующих лиц, каждый имеет свой послужной список. Роман представляется мне в следующем виде. Молодой человек, русский, образованный и очень смелых передовых идей, приезжает в Париж, где знакомится с русской женщиной, которая замужем за французом. Муж ее – радикал, деятельно занимается политикой, человек на виду, на него возлагаются надежды людьми его партии. Одним словом, талантливый и передовой современный француз», однако «либеральный муж совершенно так, как в случае П., тоже оказывается человеком узким <...>. Он живет обыденной жизнью, политикой дня, этими бурями в стакане воды». Как и в случае П. являются на сцену ревность, мелочность, дразни, «и все должно кончиться любовью жены его к своему соотечественнику...

Образы, сцены до того толпились в голове Ивана Сергеевича, что он говорил отдельными словами, намеками, жестами, и кончил тем, что махнул рукой, сказав: “Нет, все это надо написать, иначе ничего не поймете”...

Два года спустя (в конце 1882 г. – С. И.), заключает Павловский, я застал Ивана Сергеевича за кучей исписанных листиков почтовой

бумаги малого формата. – Вот пишу историю П. – сказал он – передайте ему это».¹⁴ Во французском варианте тех же воспоминаний Павловского, вышедших отдельным изданием в Париже в 1887 г. криптоним эмигранта П. был раскрыт: Поливанов. Здесь же говорилось: «Как очевидец я могу утверждать, что в бумагах Тургенева найдется рукопись этого произведения и что рано или поздно оно будет опубликовано».¹⁵

По воспоминаниям очевидца Н.П. Цакни, в Париже Тургенев «особенно сблизился с одним очень оригинальным русским юношей, успевшим обойти всю Россию, побывать в Америке, перепробовать там несколько профессий, прожить в русской полурелигиозной общине и явиться в Париж каким-то мистическим социалистом, ищущим прав и разрешения проблемы всеобщего счастья»; хотя в этом юноше, «несомненно способном и энергичном, экзальтированном скрывалась масса пустословия, фразерства и отчасти “себе на уме”, тем не менее Тургенев был покорен новизной его социально-нравственной проповеди, его сектантской внешностью, его прозелитской энергией, и отдавал ему массу времени». Дальнейший пересказ замысла, практически идентичный пересказу Павловского, Цакни завершает следующим утверждением: «Роман этот, начатый незадолго до смерти, по всей вероятности, остался неоконченным. Но план его и начало, несомненно должны быть в бумагах Тургенева».¹⁶

Высказывалось мнение, что прототипом русского революционера в романе, обозначенного Павловским П., был Николай Васильевич Чайковский (1850-1926),¹⁷ организатор кружка, известного под названием кружка «чайковцев», привлекался по делу «о пропаганде в империи» (процесс 193-х), но успел скрыться. Встретившись в Орле с А.К. Маликовым, увлекся религиозно-утопическим учением, согласно которому люди, морально совершенствуясь, могут приблизиться к Богу, и таким образом, на земле мирным путем воцарятся гармония и благоденствие. В 1875 г. уехал в Америку, где в штате Канзас им, Маликовым, В.И. Алексеевым и С.Л. Клячко была организована сельскохозяйственная коммуна, которая вскоре распалась, после чего Чайковский около года прожил в общине шекеров; вернувшись в Европу в 1879 г., был представителем заграничного отделения «Красного Креста» партии «Народная воля».¹⁸ Тургенев познакомился с Чайковским, вероятно, летом 1879 г., оказывал ему материальную помощь, устраивал его статьи в русской периодике («Русские ведомости», «Русский курьер», «Порядок», «Слово»), состоял в переписке.

Интерес представляет письмо к Чайковскому его соратника, бывшего «чайковца» и участника земледельческой коммуны в Америке В.И. Алексеева, учителя старших детей Толстого (1877-1881), сви-

детеля беседы двух писателей, состоявшейся в начале мая 1880 г.: Тургенев «так чудно тебя описал, что граф из его слов тебя понимает очень хорошо и вполне согласен с тобой»; обращаясь к Толстому, он сказал: «Вы походите совсем на Чайковского, которого я переварить никак не могу, – я его спрашиваю о воспитании, – какое нужно воспитание, – он говорит: не знаю; какие нужны учреждения, – не знаю и т.д. Так чего же вы желаете? – спрашиваю его – “Как мне прожить хорошо”, – был ответ». Он «приводил какого-то еще француза, которого он спрашивал, какие нужны суды (учреждения), был ответ, – “никаких”; какая желательна государственная форма – “никакой” – опять был ответ. Все это, пишет Алексеев, очень нравилось графу, потому что в своей теперешней работе о христианской религии он приходит к подобным же выводам. Тургенев же, как он высказал, ничего этого не понимает».¹⁹ В этой тургеневской характеристике Чайковского едва улавливается сходство с избранным персонажем. Не исключено, однако, что определенные черты характера Чайковского могли быть учтены писателем в осмыслении своего героя-революционера; возможно также, что и автором воспоминаний «Черты из парижской жизни И. С. Тургенева», опубликованных в «Русской мысли», был сам Чайковский, сотрудничавший в этом издании,²⁰ хотя никаких определенных доказательств тому нет.

В связи с воспоминаниями И.Я. Павловского, в исследовательской литературе небезосновательно высказывались предположения, что, вопреки раскрытой фамилии героя П. во французском отдельном издании воспоминаний (Поливанов), прототипом героя-революционера, скорее всего, мог послужить его младший брат Аарон Яковлевич Павловский, с которым Тургенев близко сошелся во второй половине 1879 г., а позже состоял в переписке. Так же, как и Чайковский, Аарон Павловский эмигрировал в Америку, жил в коммуне шекеров, в 1879 г. перебрался в Париж;²¹ дальнейшая его биография – был постоянным собеседником и корреспондентом Тургенева, учился в агрономической школе в Монпелье, женился – факт, интересовавший Тургенева, в Париже на русской девушке – совпадает со сведениями, сообщенными о П. (якобы Поливанове) И.Я. Павловским, включая признание писателя, что главным положительным героем его нового романа был «русский еврей». Можно только гадать о причинах этой мистификации.²²

Однако неопровержимых свидетельств в пользу ни одного из трех претендентов на место прототипа главного героя замысла нет и, вероятно, его и не было. Как правило, создавая каждый свой персонаж, Тургенев использовал собирательные характерные, внешние и биографические черты нескольких людей. К возможным прототипам героя романа следует отнести, помимо Поливанова, Чайков-

ского и Аарона Павловского, таких деятелей русской революционной эмиграции, как П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Г. А. Лопатин, С. М. Степняк-Кравчинский, И. Л. Шполянский, В. Ф. Гиитовт-Дзевалтовский, С. М. Клячко, М. О. Ашкинази, И. Я. Павловский и др., с которыми Тургенев встречался, интересовался их деятельностью, взглядами и убеждениями; большинству из них помогал, устраивая их статьи и переводы, состоял в переписке.

Скептически относясь к народникам и «хождению в народ», не приемля терроризм, исповедуемый народовольцами, Тургенев искренне восхищался моральными качествами русской революционной молодежи – самоотверженностью, целеустремленностью, идейностью. На таких «новых», оригинальных людей в среде революционной молодежи, озабоченных собственным самосовершенствованием, Тургеневу, по воспоминаниям Н. Н. Златовратского, указали собеседники писателя, литераторы, организовавшие журнал «Русское богатство», на встрече в Петербурге 6 марта 1880 г. (В.М. Гаршин, Г.И. Успенский, Н.С. Русанов, С.Н. Кривенко, А.И. Эртель, Златовратский и др.): «Тургенев говорил, что он сам недоволен “Новью”, что это он только наметил некоторые черты, которые мог проследить по своим заграничным знакомым, что он теперь очень занят мыслью глубоко изучить это явление и что у него уже теперь имеется план изобразить русского “социалиста”, именно “русского”, который не имеет ничего, в главных психических основах, общего с социалистом западноевропейским».²³ С.Н. Кривенко, присутствовавший на этой продолжительной встрече, вспоминал, что Тургенев «в заключение сказал: «“Новь” ведь у меня не кончена. Я удивляюсь, как этого не заметили. Так прямо оборваны нити, и как бы мне хотелось, если только буду в состоянии, написать продолжение или что-нибудь подобное на ту же тему. Не хочется только, чтобы об этом раньше времени говорили»».²⁴

По воспоминаниям М. Ковалевского, Тургенев «чувял зарождение чего-то нового в нашем обществе, еще не изображенного им в “Нови”. Но неопределенность, с которой высказывалось это новое течение к концу царствования Александра II, сама служила препятствием художественному его воспроизведению. До многих, вероятно, дошел слух о подготовляемом Тургеневым новом романе. Этот роман не был даже начат Иваном Сергеевичем. <...> Однажды пишущий эти строки позволил себе даже открыто обратиться к Тургеневу с просьбой написать этот роман, и в общих чертах отметил те стороны нашей общественной жизни, которые не были еще затронуты Тургеневым»; он отвечал: «Слушая вас и соглашаясь с вами, все же недоумеваю, какое художественное произведение может выйти из попытки изобразить еще не вполне определившиеся течения. Вы

сами говорите об их слабости и отсутствии под ними твердой почвы. Уж не назвать ли мне мой новый роман “Трясиною”? Нет! Вы требуете от художника невозможного! Вы требуете, чтобы он дал бесформенности форму!».²⁵ Название романа «Трясина», озвученное Ковалевским, не вызвало никаких сомнений у прочитавшего это свидетельство Лаврова, хорошо осведомленного в сюжете замысла романа. Это был период, писал он в статье «И.С. Тургенев и развитие русского общества», когда Тургенев «видел только недостатки в представителях нового движения и раздражался ими как новым разочарованием».²⁶ О вероятности этого заглавия на каком-то этапе развития замысла говорит то, что коннотации, вызванные таким заглавием, вступали в очевидную антитезу с заглавием романа «Новь».

Любопытное свидетельство, не назвав источник, привел в 1914 г. исследователь М.М. Клевенский: «Как писателя его привлекала мысль художественно разработать сложную тему русского социализма — очевидно, уже в другом освещении, чем в “Нови”»; русский социалист, в отличие от социалиста европейского, защищающего определенные классовые интересы, «не является совершенно выразителем стремлений рабочего класса, он “сам по себе”, и его социализм есть только созданная им самим своя собственная программа идеального будущего общественного строя. Такой русский мечтатель есть прежде всего “самист” (от слова “сам”), и под этим названием Тургенев и хотел его изобразить».²⁷

В пользу вероятности этого заглавия говорит и Н.М. Минский, в воспоминаниях которого, опубликованных позже приведенного Клевенским свидетельства, содержатся дополнительные штрихи к замыслу этого романа и концепции заглавного героя: «Незадолго до своей смерти Тургенев <...> довольно подробно излагал содержание романа, который по психологии его [центрального] героя должен был называться “Самист”». В то время Минский «слушал его рассказ с некоторым удивлением, так как психология Самиста казалась ему небывалой и слегка придуманной. Но впоследствии, присматриваясь к русской действительности, к легиону возникших у нас мегаломанов и хвастливых сверхчеловеков, он часто вспоминал о ненаписанном романе Тургенева и удивлялся прозорливости этого гения, провидевшего все это болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных, в то время, когда сами творцы этих типов еще не имели о них никакого представления».²⁸ В более позднем варианте этих воспоминаний «Три часа у Тургенева» (1921) рассказ писателя был дополнен Минским: «задумываю новый роман, который будет называться “Самист”. Вас удивляет это слово? Самист — это значит человек, который признает в мире только себя самого, свои собственные желания, страсти. Это новая последняя разновид-

ность нигилиста»; и далее «Тургенев задолго предвидел “Санина” Арцыбашева и в лице Самиста предугадал тип русского интеллигентного хулигана, сыгравшего такую печальную роль в нашей революции».²⁹ О существовании замысла Тургенева с таким названием упоминается в кратком сообщении газеты «Заря», которое двумя днями позже было дословно повторено в «Одесском листке» и затем в «Орловском вестнике»: «Имеющий появиться в будущем году на страницах “Вестника Европы” новый роман И.С. Тургенева носит название “Самист”. В своем новом произведении маститый художник выводит тип семьи, в которой жена содержит мужа, зарабатывая средства к жизни, а муж живет “сам по себе”, без всяких занятий, проводя время только в праздности».³⁰

Самист (согласно В.И. Далю) – это вариант эгоиста.³¹ В таком значении кличка эта употреблялась в переписке Тургенева и П.В. Анненкова по отношению к бойкому журналисту С.Ф. Шапарову, парижскому корреспонденту «Нового времени».³² Проведенная Минским аналогия с романом М.П. Арцыбашева «Санин» (1907) оказалась в русле наблюдений Ковалевского и Лаврова и подтверждает, что первоначальный замысел о русском революционере-идеалисте, так непохожем на французского, вероятно, претерпевал изменения в сторону критического отношения Тургенева к своему герою.

Примечания

¹ См.: *Бродский Н.* Замыслы И.С. Тургенева. Материалы к истории его художественного творчества. М., 1917. С. 26-33; *Грузинский А.Е.* И.С. Тургенев (личность и творчество). 1818-1918. М., 1918. С. 195-199; *Клеман М.* Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева // И. С. Тургенев (К 50-летию со дня смерти). 1883-1933 / Сб. статей. [Л.,] 1934. С. 387. № 533; *Эйхенбаум Б.* Приложение 3 // *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. Т. 11. Л., 1934. С. 677; *Осьмакова Л.Н.* К истории изучения незавершенных произведений и неосуществленных замыслов И.С. Тургенева // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Т. 186. Рус. лит. Вып. 11. М., 1967. С. 179.

² Цит. по: *Уддингтон П.* Скромный обед в клубе искусств... // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 1. М.; СПб., 2009. С. 223-224 (пер. В.А. Лукиной).

³ *Тургенев. ПССиП(1).* Письма. Т. 131. С. 145.

⁴ Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-ое. СПб., [1908]. С. 97.

⁵ *Тургенев. ПССиП(1).* Письма. Т. 131. С. 119.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Цит. по: *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876-1883)* / Автор-составитель Н.Н. Мостовская. СПб., 2003. С. 419.

⁸ *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. М., 1964. С. 404.

- ⁹ *Верещагин В. В.* Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. вступит. ст. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. М., 1990. С. 180.
- ¹⁰ *Н. М. Черты из парижской жизни И.С. Тургенева* // Русская мысль. 1883. № 11. С. 319-323.
- ¹¹ См. *ЛН*. Т. 76. С. 649.
- ¹² См. *Зильберштейн И.* Страницы последнего романа Тургенева: не найдены или утрачены? // Литературная газета. 1968. 7 августа. № 32. С. 7. См. также: И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 470 (коммент. В.Г. Фридлянд).
- ¹³ См. Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь / сост. А.А. Шиловым и М.Г. Карнауховой. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М-Р. М., 1931.
- ¹⁴ *И. П. <Павловский И Я.>* Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // Русский курьер. 1884. 2 июня. № 150. С. 1-2.
- П.А. Кропоткин*, говоря о замысле этого тургеневского романа, выразил уверенность, что одна сцена, рассказанная ему писателем (об инциденте на представлении пьесы Э. Ожье «Госпожа Каверле» 4 марта 1876 г.), где столкнулись два взгляда на брак «иностранцев и нас, русских», «непрерменно должна быть в его рукописи. Как жаль, что Тургенев не написал этого произведения!» (*Кропоткин П.А.* Записки революционера / Предисл. и примеч. В. А. Твардовской. М., 1966. С. 373). См. также: *Алексеев М.П.* Тургенев в спорах о пьесе Э. Ожье // Тургеневский сборник. Вып. 3. Л., 1967. С. 240-254.
- ¹⁵ *Pavlovsky I.* Souvenirs sur Tourgu neff. Paris, 1887. P. 109.
- ¹⁶ *Ф. И.С. Тургенев* (По воспоминаниям его друга Н.П. Цакни) // Руль. 1908. 25 августа. № 129. С. 5.
- ¹⁷ См. *Бродский Н.* Замыслы И.С. Тургенева. С. 27. См. также: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 87, где сведения о том, что Тургенев намечал Чайковского прототипом романа о русском революционере, ошибочно приписаны И.Я. Павловскому.
- ¹⁸ См. Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. М., 1932. Стлб. 1921; см. также: *Чайковский Н.В.* <Автобиография> // Русские ведомости. 1863-1913 / Сб. Статей. М., 1913. С. 282-284; см. также *Тургенев. ПССиП(1). Письма*. Т. 122. С. 644; *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 147-150.
- ¹⁹ *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 93-94.
- ²⁰ См., например: Русская мысль. 1881. № 9-10: пер. Чайковского книги А.М. Сюлливана «Новая Ирландия».
- ²¹ См. Деятели революционного движения в России. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3. Стлб. 1930-1131.
- ²² См. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 472 (коммент. В.Г. Фридлянд); *Waddington P.* Turgenev and Pavlovsky: A Friendship and Correspondence. New Zealand, 1998. P. 544 см. также P. 2-3, 6; *Waddington P.* Turgenev's Seventh or Whatever became of that Novel about Russian and French Socialists? New Zealand, 2003. P. 17-18, 21-22.
- ²³ *Златовратский Н.Н.* Из литературных воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и коммент.

- М.К. Клеман. Ред. и введение Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 303.
- ²⁴ *Кривенко С.Н.* Из литературных воспоминаний // Там же. С. 243.
- ²⁵ *Ковалевский М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 17 (вперв.: Русские ведомости. 1883. 27 сент. № 265. С. 3).
- ²⁶ *Лавров П.Л.* И.С. Тургенев и развитие русского общества (1884) // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 69.
- ²⁷ *Клеветский М.М.* И.С. Тургенев и семидесятники // Голос минувшего. 1914. № 1. С. 17.
- ²⁸ *Н.М. Минский* <Иван Сергеевич Тургенев>. Публ. С.А. Ипатовой // И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 1. С. 324.
- ²⁹ *Минский Н.М.* Три часа у Тургенева // Литературное обозрение. 1993. № 11. С. 12-13. Ср.: Штрихи к портрету «Странного Тургенева»: Неопубликованный мемуарный очерк Н.М. Минского (Вступ. зам., публ. и коммент. С. Сапожкова) // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 23.
- ³⁰ Орловский вестник. 1882. 10(22) января. № 7. С. 4. Б. п.; см. также: Заря. 1881. 18 декабря. № 278. С. 1. Б. п.; Одесский листок. 1881. 20 декабря (1 января 1882). № 221. С. 3.
- ³¹ Сámить – воротить в свою пользу, тянуть все себе или на себя, присвоить; Сámóтность – себялюбие, своекорыстие, забота об одном себе с небрежением к общему благу (нем. Selbstsucht), эгоизм (Т. 4. С. 134).
- ³² См.: П.В. Анненков. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 т. Т. 2: 1875-1883 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005. С. 90 (письмо Анненкова от 13(25) сентября 1878 г.); см. также: С. 268.

И.Л. Золотарев

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И.С. ТУРГЕНЕВА И ГИ ДЕ МОПАССАНА («Муму» Тургенева, «Кокотка» Ги де Мопассана и другие истории)

В 2010 году литературная общественность отметила 160-летие со дня рождения Ги де Мопассана, который был своеобразным, талантливым последователем И.С. Тургенева. В 2012 году исполнилось 160 лет «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Оба писателя были связаны дружескими отношениями, они принадлежали к одному литературному течению, совершенствовали реалистический метод, способствуя движению литературы к новой эстетике. Обогащая реализм эстетикой фантастического, писатели стремились к более глубокому познанию человека, исследованию его сложного внутреннего мира.

Мопассан высоко ценил творчество русского писателя, считал его своим «мэтром», особенно в области реалистической фантасти-

ки. Вот что он пишет о своем друге и наставнике в статье «Фантастическое» от 7 октября 1883 года, опубликованной в газете «Le gaulois»: «Великий русский писатель Иван Тургенев был фантастическим рассказчиком, он рассказывал так, что кровь стыла в жилах... Он рассказывает, скорее, то, что сам испытал, как он это испытал, давая почувствовать беспокойство и тревогу своей души перед тем, что он не понимает, и это ощущение необъяснимого страха передается как неизвестное дыхание потустороннего мира».¹ Вот одна из историй, которую Мопассан услышал от Тургенева у Флобера.

Будучи молодым и сильным, однажды рассказчик охотился в России. Весь день он пробродил в лесу, к вечеру вышел на берег тихой речки. Вода в ней была глубокая и чистая. Охотник был прекрасным пловцом, ему захотелось искупаться. Он бросился в воду и поплыл со спокойной душой в освежающей, прохладной воде. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся и увидел чудовище, наподобие женщины с огромным безобразным лицом, с волосами, покрывавшими все тело и плывшими за ее спиной. Охотник почувствовал такой ужасный страх, который можно испытать только при виде сверхъестественного. Обезумев от страха, охотник не помнил, как очутился на берегу, чудовище с криком преследовало его. Охотник, парализованный страхом, бежал из последних сил, когда мальчик, пасший в лесу коз, пришел ему на помощь. Он отогнал кнутом чудовище и объяснил охотнику, что это сумасшедшая, которая живет уже тридцать лет в лесу. И она целыми днями плавает тут в реке. Рассказчик добавил, что никогда в жизни не испытывал такого страха. Эта история – вариация на тему истории о русалке из «Бежина луга», ей дается объяснение. Но в том же рассказе дается история одного из персонажей – Павлуши, который, набирая воду из реки, услышал водяного, говорящего голосом утонувшего мальчика Васи и зовущего Павлушу к себе. Когда мальчик рассказал это ребятам, кто-то проговорил: «не к добру», так как считалось, что это может принести несчастье. И год спустя Павлуша погиб, упав с лошади. Предсказание сбылось. Эта история уже несет в себе элемент фантастического.

Затем Мопассан пишет о «Странной истории» И.С. Тургенева, о рассказах «Стук... стук... стук!», «Три встречи», которые он считает шедеврами. Говоря о рассказе «Сон» (его Тургенев пересказал у Флобера), Мопассан отмечает, что это было так удивительно, так волнующе, с такой силой необъяснимого страха, который Тургенев сумел передать слушающим, что все решили: рассказ был странным, фантастичным. Простые слова и факты приобретали у Тургенева таинственный характер, могли внести в душу тревогу и беспокойство.

Мы остановимся на двух произведениях писателей с похожим сюжетом: «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана (этот рассказ печатался также под названием «История собаки»). В газете «Жиль Блас» он был опубликован в 1881 году и назывался «Мадемуазель Кокотка». Новелла французского писателя, безусловно, была навеяна тургеневским рассказом «Муму» из «Записок охотника», которые Мопассан знал и любил. Несмотря на схожесть сюжетов в обоих произведениях, мы видим неповторимое лицо каждого из писателей, отражающих менталитет своего народа.

Персонаж Тургенева – это крестьянин в городе, а герой мопассановского рассказа – горожанин, попавший в безвыходную ситуацию.

Тургеневский Герасим, русский богатырь в «красной косоворотке», выделяется из дворни московской барыни, он здесь чужой. Это совестливый, прямой, трудовой человек. Его имя ассоциируется с именем Геркулеса – греческого атлета, подчеркивается сила этого человека. Однако он не может вслух выразить себя людям, Герасим от рождения немой. Любовь ко всему живому определяет его внутренний мир. Все знают, что собака – друг человека, человек приручил ее еще в доисторические времена, чтобы защищать свое жилище, предупреждать его об опасности. Жан Жак Руссо писал в одном из трактатов, что естественное природное чувство привязанности к животному миру – врожденное, наследственное качество, полученное человеком от предков, оно как бы записано на «жестком» диске в его памяти.

И вот Герасиму приказывают лишить жизни собаку, ставшую ему другом, самым дорогим существом, дающим смысл его жизни. Убить дорогое для него существо противоестественно для природы Герасима. Заявить же об этом лишенный от рождения дара речи Герасим не в состоянии. С детства привык он к полевым просторам, крестьянскому труду. «Отчужденный несчастьем своим от общества, людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле. Переселенный в город, он не понимал, что с ним такое делается».²

Тургенев рисует картину очеловеченных отношений Герасима с собакой по кличке «Муму». Трогательны сцены, когда герой спасает тонущего щенка, затем выхаживает его, как ребенка. Собака становится полноправной хозяйкой в камерке Герасима. Она сторожит его немудреный скарб, никого не впускает в его жилище. И Герасим от всей души жалеет Муму. Муму разделяет его одиночество, скрашивает безрадостное существование. Жестокосердная барыня приказывает согнать Муму со двора, ибо ночами собака не дает ей спать. Сцена прощания Герасима со своей любимицей полна внутреннего трагизма. Герасим приводит Муму в трактир, заказывает ей щи, кро-

шит туда мяса и уже затем вывозит в лодке далеко за город. Он должен исполнить жестокий приказ барыни утопить собаку.

Насилие над Герасимом, олицетворяющим стихию земли, разрушает в нем естество, неразрывно связанное с миром природы, в частности, с миром животных. Без Муму Герасим лишается нормальной человеческой жизни, теряет законное, врожденное право на жизнь в естественной среде. Тургенев затрагивает невероятные глубины подсознания, поднимает целые пласты человеческой психологии. А.И. Батюто верно отмечает: «Эта скоротечная истина неизбежно грешила бы известным эмпиризмом, не обладай Тургенев даже при его огромном изобразительном таланте и человеколюбии глубоко философским мышлением, неизменно включавшим как будто обычные и психологические явления своей эпохи в вечный поток мировой жизни».³

Любовь к собаке, этому живому существу, сдерживает хаос в душе Герасима. Исполнение каприза барыни означает для него крах всего земного, вечного, это грозит выпадением из «жизни всеобщей» (Тургенев), неминуемой гибелью. Мир людей и мир животных едины, нерасторжимы. После насилия над собой, в знак протеста, Герасим порывает с двором московской барыни и возвращается в деревню – в среду своего прежнего, естественного обитания. После стольких лет несвободы Герасим снова на земле, среди родных просторов. Неестественная городская обстановка не смогла погубить чуткую, одухотворенную натуру Герасима. Возвращая своего героя в свободную стихию природной жизни, Тургенев применяет в изображении антропологические принципы: прекрасное, лучшее сохраняется в человеке вне социальных условий.

Трогательно описание гибели собаки, скупой строкой сказано о смерти барыни, как бы наказанной небесной карой. Эмоциональный настрой тургеневского рассказа вселяет уверенность, что лучшие чувства в человеке неистощимы, лучшие качества непобедимы.

Экспозиция в новелле Ги де Мопассана «Мадемуазель Кокотка» с начала до финала имеет причинно-следственную связь. Повествование в этой новелле Мопассана, как и во многих других, ведется от лица рассказчика, который утверждает, что достоинством этой простой истории является то, что она правдива от начала до конца. К Франсуа – возчику при богатом хозяине – пристала бродячая собака. Франсуа приютил ее на вилле, где сам был кучером. Вскоре стаи псов закружились вокруг Кокотки (кличка, которую она заслужила), весь дом был полон собак, которые бродили повсюду, не давая никому покоя. Как и в рассказе «Муму», хозяин приказал кучеру избавиться от беспокойной особы. Франсуа обожал собаку, он даже плакал, но отправил собаку подальше от дома. Вскоре Кокотка вер-

нулась. Приходящие псы стали еще больше беспокоить обитателей виллы. Хозяин повторил, что Франсуа потеряет место, если собака не исчезнет. Франсуа хотел уехать вместе с собакой, но, поразмыслив, понял, что с Кокоткой он нигде не получит места. Тогда он решил утопить собаку сам.

После этого события Франсуа, переживший сильнейшее потрясение, заболел. Повсюду его преследовали видения Кокотки, он слышал ее лай, видел ее каждую ночь во сне, ему мерещилось, как собака лижет его руки, он стал страдать от галлюцинаций. И только спустя несколько недель постепенно пришел в себя.

И вот с наступлением лета, в июне, хозяева Франсуа отправились на отдых в окрестности Руана, взяв его с собой.

Однажды утром Франсуа пришел на берег Сены искупаться. Войдя в воду, он увидел труп собаки, плывущей по реке. «То была огромная дохлая собака, раздувшаяся и облезлая, она плыла по течению лапами вверх... Он описывал круги на воде, держась на почтительном расстоянии... от животного... Он начал приглядываться к трупу... Мертвая собака опять нашла своего хозяина в шестидесяти милях от их дома». ⁴ Это была его Кокотка. Франсуа потрясен, ужас охватывает его, он бежит, не зная, куда, он теряет рассудок. Эта чудовищная встреча, что это? Случайность, сверхъестественное, галлюцинации? Рассказчик на той же странице повторяет, что это правдивая, абсолютно правдивая история. Таким образом, совершенно незаметно писатель подводит нас к фантастическому, навязывая нам беспокойство, вселяя тревогу перед этим фантастическим феноменом, который является результатом галлюцинаций персонажа или вмешательства иррациональных сил, сверхъестественного? Это событие ужасно, фантастично, необъяснимо. Странная встреча Франсуа с трупом своей собаки шесть недель спустя в шестидесяти милях от Парижа необъяснима и почти невозможна. У Мопассана фантастическое рождается в обычной жизни, из наблюдений за обычными вещами, обычными людьми.

Мопассан со своим фантастическим становится писателем тревоги и страха. Создавая новеллы о глубокой тревоге, страхе, доводящем порой до безумия, писатель берет свои темы из повседневности. В «Кокотке» автор показывает столкновение персонажа с иррациональными силами, вводя фантастический элемент в обычную, привычную реальность. С помощью такого эффективного приема, как фантастика, писатель показывает переживания, смущающие сознание героя, нарушающие его равновесие, душевную гармонию. Очень часто Мопассан в новеллах использует рассказчика, который ведет диалог с автором или рассказывает историю от первого или третьего лица, это может быть и дневник (в новелле «Орля»). Писателю

нужен рассказчик для создания достоверности своей истории. Так в «Кокотке» он два раза на протяжении небольшого рассказа настаивает, что это история правдивая от начала до конца. В то же время писатель классифицирует свои фантастические произведения то как сказки, то как новеллы, то как необыкновенные истории.

В новелле «Кокотка» читатель может выбрать одну из версий для объяснения состояния персонажа: это, действительно, странная, фантастическая встреча или это галлюцинации Франсуа, плод его воображения? Часто в фантастических новеллах Мопассана речь идет не о рациональном или иррациональном объяснении, а о фантастическом в самом человеке. Иррациональное начинается с беспокойства, которое переходит в тревогу, в необъяснимый страх, «ведущий человека в тупик, из которого нет никакого выхода».⁵ У Мопассана много новелл, где показывается страх без причины, таинственный страх, выражающий душевное беспокойство, страх непонятный и необъяснимый. В «Кокотке» страх Франсуа объясним странной, фантастической встречей на реке, которая является не частью пейзажа, а местом действия иррациональных сил не только в безвыходной ситуации, но и в целом мире, из которого человеческий разум не находит выхода.

М. Бери в предисловии к изданию «Орля и другие фантастические рассказы»⁶ Мопассана пишет, что гений писателя умеет пленять читателя, действуя на его сознание, ненавязчиво заставляя его поверить, что это фантастическое внутри нас есть тоже обычная жизнь, которая вдруг становится странной. Отсюда эффект фантастического, невероятного.

Оба великих писателя И.С. Тургенев и Ги де Мопассан были мастерами реалистической фантастики. Мопассан писал о Тургеневе, что в рассказе «Странная история» он описывает своё посещение юродивого Василия, используя обычные слова и выражения, с такой удивительной силой, что читаешь его, затаив дыхание.

В рассказах «Муму» И.С. Тургенева и «Кокотка» Ги де Мопассана похожий сюжет, но рассказ Тургенева, написанный в 1852 году, - реалистический рассказ, где автор находит для героя выход из ситуации в единении с природой. Вернувшись в привычную среду обитания, герой способен возродиться, очиститься, спасти свою душу.

Рассказ Ги де Мопассана, написанный на ту же тему, что и «Муму», тридцать лет спустя, представляет собой эпизод из жизни буржуазного общества. У Франсуа как бы есть выбор, шанс спасти собаку, но это была бы гибель для обоих. На самом деле это такой же тупик, из которого человеческий разум не находит выхода. Беспокойство, тревога, страх ведут Франсуа к потере рассудка. Его чувство вины так велико, что встреча с собакой для Франсуа – кара небесная.

Мопассан сознательно описывает встречу с собакой фантастически, утверждая, что она правдива. Новелла привлекает своей новой эстетикой, автор использует приемы фантастики (странная встреча с собакой, невероятное событие, утверждение, что все правда), так расставляет акценты, чтобы воздействовать на сознание читателя, заставить его поверить в невозможное, которое становится реальным. И читатель пленен, он может верить в реальность всего происходящего.

В заключение можно сказать, что оба рассказа образуют в реализме как бы «двупланный» реально-фантастический комплекс, обогащая реалистический метод, помогая проникать в глубины человеческой души.

Примечания

- ¹ *Guy de Maupassant. Le horla et autres récits fantastiques. Paris, 2000. P. 366.*
- ² *Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. Т. 5. М., 1977. С.238.*
- ³ *Батото А.И. Тургенев-романист. Л., 1972. С.144.*
- ⁴ *Мопассан Ги де. Собр. соч. в 7 т. Т.2. М, 1977. С.273.*
- ⁵ *Тодоров Цветан. Введение в фантастическую литературу. // Литература во Франции с 1968. П., 1982. С.223.*
- ⁶ *Bury Mariane // Maupassant Le Horla et autres récits fantastiques. Paris, 2000. P.20.*

Л. Айнгорн
Мюнхен, Германия

ДВА САНИНА (Дмитрий Санин Тургенева и Владимир Санин Арцыбашева) Тезисы доклада

*«Всякий любит то, что недостаёт ему самому...»
Артур Шопенгауэр*

Почти все значительные русские писатели стремились отобразить в своём творчестве героя своего времени. Этой традиции классической литературы следовал М.П. Арцыбашев (1878-1927). В произведениях этого писателя обнаруживаются приметы традиции изображения героя у Лермонтова, Тургенева, Чернышевского, Достоевского, Л. Толстого, даже Чехова и Л. Андреева, что давало повод критике обвинять писателя в эпигонстве. На наш взгляд, Ар-

дыбашеву нельзя отказать ни в наличии собственного мировоззрения, ни в собственном стиле. Обращаясь к роману «Санин», читатель найдёт в нём, конечно, немало заимствований, реминисценций, литературных параллелей, когда речь идёт о характере и судьбе героя, однако этого всё же недостаточно, чтобы объявить творчество писателя «вторичным». Может быть, оригинальность Арцыбашева проявляется более отчётливо в контексте традиции классической русской литературы.

Сопоставление героя романа Арцыбашева «Санин» и главного героя повести Тургенева «Вешние воды» Санина при всей условности и огрублённости сравнения произведений разных жанров всё-таки представляется не только возможным, но и продуктивным.

Прежде всего, бросается в глаза неслучайное совпадение имён главных героев. На этот момент обратила внимание А.М. Грачёва, причем, не углубляясь в суть вопроса. И.Р. Жиленко, обнаружив некоторые формальные черты сходства героев Тургенева и Арцыбашева, писала об «интертекстуальных связях» двух произведений: она сделала вывод о «скрытой полемической направленности романа Арцыбашева» по отношению к повести Тургенева.¹ Всё же представляется не очень вразумительным тезис исследователя о «сходстве композиции» произведений; ни о чём не говорит «количественное соотношение глав», отмеченное Жиленко: в повести Тургенева их 44 и две обрамляющие, в романе Арцыбашева – 46. Почему-то отмечено сходство внешности героев: Санин у Тургенева – статный и стройный, у Арцыбашева – высокий и плечистый, волосы у одного – золотистые, у другого – светлые. Как видим, сопоставление ведётся скорее по внешним признакам.

Полагаем, что героев обоих произведений сближает прежде всего то, что оба они проходят испытание любовью, которое не выдерживают. Разумеется, говоря о Санине Арцыбашева, мы понимаем, что его история – всё-таки одна из линий, пусть и не последняя, в полифонии романа.

Нельзя не упомянуть и об известных моментах сходства в восприятии обоих произведений в пору их появления. В повести Тургенева современники не без удивления заметили отсутствие каких бы то ни было социальных, политических, злободневных намёков. Что не повлияло на безусловный успех произведения как в России, так и за рубежом.

Успех скандала сопутствовал появлению романа Арцыбашева, вызвав противоречивые, взаимоисключающие отзывы критики. Неустановленный автор утверждал, что «романом интересуется вся наша молодёжь, начиная от уже определившегося интеллигента и кончая рабочей девушкой или гимназисткой...».²

Можно усмотреть сходство и в том, что оба писателя переносят любовный сюжет в некое замкнутое пространство: перенеся действие за границу, Тургенев освободился от мысли представить некий обличительный материал о состоянии российского общества. Видимо с той же целью Арцыбашев помещает своих героев в провинциальную глубинку на юге России.

Интересно заметить, что Тургенев обдумывал замысел нового романа, улавливающего «дух времени», о чём вспоминал Н. Минский: «Пишу я теперь роман под заглавием “Самист”, – и, видя моё недоумение, он стал объяснять. “Самист” – это новый тип человека, который признал только себя и сам себя считает мерилом вещей». «Насколько могу судить, – заключает Минский, – он имел в виду тип, который потом был изображён Арцыбашевым в “Санине”». ³ Был ли герой «Вешних вод» предтечей «Самиста» – вопрос отдельный. Следует указать лишь на то, что современник усмотрел видимую связь героя нового типа, над которым размышлял Тургенев, с персонажем ницшеанского толка, созданным Арцыбашевым.

От типа, о котором говорил Тургенев, по сути совсем недалеко до претензий сверхчеловека Ницше, который, несомненно, лежит у истоков имморализма арцыбашевского героя. Существует и другая связь мировоззренческого порядка: связь между шопенгауэровским «отвращением к жизни», которое испытывает Санин в «Вешних водах», и моральной индифферентностью Санина Арцыбашева.

Принято указывать на идейную связь Ницше и Арцыбашева. Писатель был одним из первых в России, кто воплотил концепцию «сверхчеловека» в русской литературе, идею имморализма, основанную на том, что человек имеет право находиться «по ту сторону добра и зла». С этой точки зрения размышления тургеневского Санина в прологе повести о ничтожестве жизни, по сути, созвучны тем мыслям о человеке, которые декларируют в романе герои Арцыбашева.

Тургенев, по его собственному определению, показал в своей повести героя, «который настоящим героем не является». ⁴ Ему присущи крайняя слабость воли, несоответствие слова и дела, неспособность противостоять инстинктам.

Владимир Санин Арцыбашева отличается крайним индивидуализмом. Основа его мировоззрения – примитивный гедонизм, определяющий отношение к жизни этого нигилиста XX века. Гедонизм доминирует, побуждая героя следовать своим низменным инстинктам.

Арцыбашевского героя недаром называли «новым Базаровым», видимо, в согласии с мнением П.В. Анненкова, который писал, что «Базаров наслаждается сознанием своего превосходства над людьми

с примесью злости и порывистых страстей, объясняемых преимущественно физиологическими причинами».⁵

Вообще, физиологизм, который присутствует в ощущениях и действиях героя Арцыбашева, играет не последнюю роль и в жизни героя Тургенева. Автор сам признавался в письме к С.К. Кавелиной: «Скажу Вам без обиняков, что я совершенно согласен с Вами и чувствую нечто вроде отвращения к своему детищу: это отвращение во мне накопилось помаленьку <...> Мне кажется, что, если бы мне пришлось прочесть кому-нибудь вслух эту вещь до печатания, я, во всяком случае, переделал бы конец и заставил бы господина Санина бежать тотчас от г-жи Полозовой <...>» (Письма, IX, 214-215).

Действительно, Санин у Тургенева вполне разоблачает свою суть, предав чистую любовь к Джемме и отдавшись страсти к властной и циничной Полозовой. Показателен в этом смысле эпизод прогулки Санина и Полозовой в горах. Здесь разгул страсти ассоциируется с бешеной скачкой лошадей. Рядом с Саниным, которого в начале повести автор сравнил с «выхолненным, гладким, толстоногим, нежным трехлетком бывших “господских” конских заводов», рядом с ним Полозова напоминает скачущего «молодого женского кентавра, полужверя и полубога» (IX, 144). Как известно, Санин в конечном итоге расплачивается за свою пагубную слабость и раскаивается.

Герой Арцыбашева, напротив, выступает как борец с «мещанской моралью». Он требует полной свободы для «естественного человека». Широкий читатель «признал Санина “героем своего времени”», а критики увидели в нём портрет целого поколения. Вопрос раскрепощения пола в борьбе за эмансипацию «естественного человека» стоял тогда едва ли не на первом месте.

У Тургенева и у Арцыбашева герои проявляются, прежде всего, в отношении к женщине. В этой связи Л. Андреев будто бы остроумно заметил: «Тургенев, например, нигде не описывал ничего, кроме лица женщины. Старательно выпишет лицо, а фигуры точно нет. Ну, а Арцыбашев делает наоборот. Начнёт с бёдер, опишет всё подробно, остановится на шее. Все его герои в “Санине” без головы».⁶ Женщина для арцыбашевского героя – прежде всего объём бёдер для удовольствия. Его Санина роднит с М.Н. Полозовой стремление к свободе – «больше всего и прежде всего».

Две любви тургеневского Санина как будто призваны иллюстрировать мысль о том, что «любовь и вожделение – состояния до того различные, противоположные, друг друга исключают, что человеку кажется невозможной мысль о телесном единении с любимым существом в те моменты, когда они проникнуты чувством истинной любви».⁷ Тургеневский герой делает выбор в пользу вожделения. Арцыбашев в своём романе проводит мысль о первичности физио-

логии в отношениях мужчины и женщины. Его герои отличаются предельной чувственностью, они будто обречены испытывать вечную сексуальную жажду.

Если адольтерная интрига в романе Тургенева порождает в герое чувство смуты, слабое моральное сопротивление, а затем и угрызения раскаяния, то у Арцыбашева действуют свободные от каких-либо семейных обязательств люди. В романе торжествует идея «свободной любви», которая давно созрела в обществе.

Тургенев ещё в «Отцах и детях» указал на эту тенденцию. Его Базаров провозглашает: «И что это за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения» (VII, 34). В глазах нигилиста Базарова всё просто, и любовь сводится до акта соития. Тургенев без труда развенчивает это заблуждение. Но Базаров является всё же провозвестником грядущего имморализма. Вскоре «проблема пола» станет настолько злободневной, что роман Арцыбашева будет для новых поколений «предметом тайной науки и венцом познания». Как заметил Л. Андреев, «откровенность и яркая правдивость, с которой Арцыбашев изобразил могучую силу инстинкта, власть материальной природы человека снижали ему репутацию чуть ли не порнографа и циника».⁸ У автора «Санина» даже пейзаж, в котором чувствуется влияние Тургенева, проникнут эротизмом.

Эротические мотивы переплетаются у Арцыбашева с мотивами смерти. Взгляды Тургенева на сопряжённость любви и смерти не раз сказались в его творчестве и до и после «Вешних вод». С этой темой связаны истории самоубийств в произведениях двух писателей, истории, имеющие разные основания, но в конечном итоге обусловленные кризисом миро- и жизнеутверждения в жизни героев.

Сопряжённой с темой эмансипации «естественного человека» является в обоих произведениях тема искусства. На страницах их встречаются многочисленные референции произведений литературы, музыки, живописи. Они указывают на искусство как на способ приблизиться к «идеальному миру», как на некий указатель «пути к самому себе».

По сути, герои обоих произведений индифферентны к вопросам веры: Санин у Тургенева как будто вовсе обходит эту тему, герой Арцыбашева цинично замечает: «<...> вера в Бога осталась во мне с детства, и я не вижу никакой необходимости ни бороться с нею, ни укреплять её. Это выгоднее всего: если Бог есть, я принесу ему искреннюю веру, а если его нет, то мне же лучше...».⁹

Тургенев остро чувствовал то новое, что народилось в общественном сознании и что затем отразилось в характере и делах героя «Вешних вод», ту самую «тенденцию», о которой он не без сожаления

ния писал той же С.К. Кавелиной: «Боюсь я Вам её (повесть – Л.А.) рекомендовать: хотел я возвеличить нравственность, а вышло, к ужасу моему, что торжествует-то безнравственность! Беда моя... уж лучше и не читайте» (Письма, IX, 178).

Что касается «Санина» Арцыбашева, то сегодня считать его порнографическим произведением наивно и смешно: настолько – ничего особенного. В романе напрочь отсутствует смакование «рискованных сцен». Никак не доказано, что «Санин» вызвал у читателей «нездоровый интерес» и способствовал организации «лиг любви» и «лиг самоубийц» – это всё домыслы жёлтой прессы. Судьба героя Арцыбашева отнюдь не исчерпывается проблемой пола. Как отмечал Д. Святополк-Мирский, «... русская литература никогда не была распутной в открытую...».¹⁰

Сравнительный анализ двух произведений показывает, что Арцыбашев не столько полемизирует с Тургеневым, сколько стремится поддержать и продолжить традицию яркого представителя русской литературы. Тургенев как будто предвосхитил образ арцыбашевского Санина задолго до его появления.

Примечания

¹ *Жиленко И.Р.* М.П. Арцыбашев и его роман «Санин». Сумы, 2007.

² Санин, г. Арцыбашев и женщина. СПб., 1908. С. 5.

³ *Минский Н.* Встреча с Тургеневым. (Страница воспоминаний) // НЛО, 2005 г., № 72.

⁴ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. IX. М.-Л., 1965. С. 61. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома – римской и страницы – арабской цифрами; указание на письма сопровождается пометой: «Письма».

⁵ *Анненков П.В.* Базаров и Обломов // Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л.: Изд. ЛГУ, 1986. С. 269.

⁶ Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. С. 528.

⁷ *Вейшигер Отто.* Пол и характер. СПб., 1914. С. 228.

⁸ *Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы. Современники. Арцыбашев. Т. 3, Вып. 1. М., 1910. С. 64.

⁹ *Арцыбашев М.П.* Санин. М., 2010. С. 131.

¹⁰ *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы. Изд. 2-е. Новосибирск, 2006. С. 620.

СВЕТ И ТЕНИ «НАХЛЕБНИКА»

Поначалу всё шло как будто бы благополучно: пьесу удалось завершить к сроку, новым французским друзьям она понравилась, главная роль, предназначенная для бенефиса Щепкина, выглядела весьма выигрышно. Вместо характеристики Кузовкина Тургенев написал: «Эта роль назначена Михайле Семёнычу, следовательно, мне прибавлять нечего: он сделает из неё, что захочет». Бедный нахлебник Василий Семёнович Кузовкин выглядел близким родственником Акакия Акакиевича Башмачкина, он и вправду словно вышел «из-под гоголевской “Шинели”»...

Неприятности начались как только рукопись осенью 1848-го года пересекла границу Российской Империи. Прежде всего – пьесу не принял Гоголь, назвал её безнравственной. Цензура запретила не только исполнение на сцене, но и публикацию, расценив её как «совершенно безнравственную и наполненную выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде». Никакие усилия первого артиста Императорских Театров не дали результата – на долгие тринадцать лет комедия была отлучена от сцены. Когда же в 1862-м году мечтавший о ней Щепкин всё же сыграл эту роль, он был уже стар и болен. Современники не отнесли это исполнение к числу шедевров, особенно не повезло второму акту. Щепкин умер через год после премьеры.

Однако, остались традиции. Возраст Кузовкина в пьесе указан – 50 лет, возраст Ольги Петровы – 21 год. Значит, когда происходили события в прошлом, связанные с матерью Ольги, молодому человеку было никак не больше двадцати восьми. Это очень важное обстоятельство для понимания всей ситуации, его нельзя игнорировать. Когда пьеса создавалась, Щепкину не было и шестидесяти, а когда сыграл – больше семидесяти трех. Здесь и начало традиции: роль Кузовкина выбирают для бенефиса пожилые артисты, чаще всего к солидному юбилею. А роль эта требует не только огромных творческих, душевных затрат, но и немалых физических.

Другое обстоятельство касается второго акта пьесы. Сложилось в театральной среде стойкое мнение, что хорош первый акт, а второй – скучен, затянут, длинные монологи, мало действия. Иногда играют один первый, считая его самостоятельной и законченной историей. Понять такую точку зрения можно – весьма непросто пожилому человеку оправдать и без того не вполне ясную семейную коллизию, которая до конца раскрывается именно во втором действии. А ведь заставить поверить нужно не только Ольгу Петровну и её мужа, но

и недоверчивого зрителя. Если же принять во внимание указание автора о возрасте персонажа, то это недоумение устраняется: пятьдесят лет ещё не такая уж старость. Словом, тринадцатилетнее зачтение сослужило репутации пьесы плохую службу. С нашей точки зрения второй акт «Нахлебника» сильнее первого, в нём, как в жемчужине, переливаются все тонкие оттенки души героя, «маленький человек» вырастает на наших глазах, становится личностью. Драматургическое мастерство Тургенева здесь необычайно современно. Говоря кинематографическим языком, первый акт можно сравнить с очень длинным общим планом, тогда как второй – это непрерывный крупный план, на котором удается подробно рассмотреть всю глубину «жизни человеческого духа».

Ещё одна традиция, также, по-видимому, восходящая к Щепкину, – определять жанр спектакля как мелодраму. Известно, что великий актёр нередко бывал сентиментален, любил, что называется, «пустить в роли слезу». Существуют свидетельства современников о первых читках Щепкиным пьесы: «...приехал прочесть нам комедию Тургенева... “Нахлебник” – чудная пьеса. Михайло Семёнович расплакался, читая её, и я воображаю, как хороша она будет на сцене» (из письма М.В. Станкевич братьям от 11 января 1849 г.).

Несомненно, у чувствительного артиста были поводы для слёз: его собственная судьба, во многом схожая с судьбой нахлебника, могла предстать перед ним. Молодому Тургеневу биография Щепкина, конечно, была известна, но он, мне кажется, всегда сочинял «из себя», говорил о чём-то близком, своём. И в его жизни уже многое было испытано – и вынужденное нахлебничество, и унижение, и бунт... Жанр этот мало похож на мелодраму, хотя в самой мелодраме нет ничего зазорного, по крайней мере у зрителя она всегда находит отклик. И многие последующие исполнители именно в таких тонах представляли своего героя, добиваясь значительного результата, достаточно вспомнить выдающуюся работу Михаила Яншина. Автор назвал своё сочинение комедией, но и весёлого там тоже немного. Сегодняшний театр мало ограничивает себя в вопросе чистоты жанра, смело смешивает различные, порой самые противоположные краски. И мы находим в пьесе накрепко слитые элементы и комедии, и мелодрамы, и трагедии, и фарса. Как драматург, Тургенев опередил время, предсказал театр будущего, разработал ставший ныне столь популярным жанр трагикомедии...

Последний год двадцатого века был юбилейным для Александра Сергеевича Пушкина, и Орловский театр имени Ивана Сергеевича Тургенева отпраздновал дату масштабным театральным фестивалем «Русская классика. Пушкин. Тургенев». Затевая эту акцию, мы хотели дать всем возможность «на воздушных путях» театра услышать

«двух голосов переключку», передать глубинную связь двух гениев литературы.

Внутренний сюжет фестиваля был построен таким образом, что на слово одного следовала реплика другого. Так, в первый вечер сыгнали «Бориса Годунова» александринцы, а во второй – премьера орловского «Нахлебника». В таком соседстве стали видны сближения: монологу пушкинского царя о «пятне едином» на совести отвечал развернутой исповедью тургеневский «маленький человек», пытающийся этой исповедью совесть свою очистить. И у одного, и у другого человеческое было «мерой всех вещей», и тому, и другому эта мера стоила жизни. Решение финала в нашем спектакле как бы противоречило общепринятому «хэппи-энду» – не изменяя текста автора, мы показывали, что жизнь Кузовкина здесь заканчивалась, всё происходящее он воспринимал уже почти в предсмертном бреду, из последних сил прощался и прощал. Бумагу, которую вручала ему насильно Ольга Петровна, успевал отстранить от себя, садился на диван и ...замирал. А слившийся воедино хор голосов продолжал свои славословия, весь дом кружился в бешеном вихре, но он уже ничего не слышал. Музыка обрывалась, наступала темнота. А когда свет снова зажегся, на сцене никого не было ...

Важным действующим лицом «Нахлебника» становится дом, старинный усадебный дом Кориных. Думаю, что находясь во Франции, где он создавал пьесу, Тургенев нуждался в информации о доме. И можно с уверенностью предположить – прообразом был дом в Спасском, хорошо ему известный. Этот дом с тайнами, «с призраками» был свидетелем многих событий в семье. Приезд новых хозяев начинает обнаруживать тайны дома, призраки появляются снова. Склонность молодого автора к мистике здесь проявляется вполне отчетливо... На нашей сцене дом был представлен как бы в двух измерениях: на переднем плане стоял основательный неподвижный портал с колоннами, а внутри его, на вращающемся круге, в разных ракурсах представляли многочисленные помещения и комнаты – терраса, где проходил завтрак, комната Ольги Петровны, кабинет Елецкого и так далее. Но было ещё и «третье измерение»...

Считаю возможным сделать здесь небольшое отступление. Несколькокими годами ранее мне довелось осуществлять постановку «Дыма», написанного Тургеневым гораздо позже, уже в 60-х годах, когда его творческий метод вполне определился. Этот роман казался мне тогда, да и сейчас кажется, одним из лучших по силе личностного высказывания. Почему-то считается, что названия произведений не очень удавались Тургеневу. В случае с «Дымом» это совершенно неверно: название мощно аккумулирует всю внутреннюю суть романа, точно передает состояние души главного героя, образ-

но характеризует время. Больше того, мне тогда показалось, а сейчас я в этом убеждён, что это слово – дым – ключевое применительно ко всему миру тургеневских произведений, что без этого дыма, смога, угара невозможно его до конца понять и уж тем более воспроизвести на сцене ...

Итак, «третье измерение» связано с дымом, с дымкой. Казавшийся основательным и незбылемым передний портал дома в какой-то момент будто растворялся и делался почти прозрачным, невидимым. И всё происходящее за ним становилось как бы нереальным, призрачным, подернутым пеленой времени. Свет начинал играть так, что отчётливыми становились тени. И сами персонажи двоились, приобретали дополнительные очертания. Это особенно сильно ощущалось в сцене исповеди Кузовкина. Рассказывая о прошлом, он неуловимо перевоплощался в себя молодого, его видения словно материализовывались, заражая своей энергией чувствительную душу Ольги. «Как вы на матушку вашу похожи стали!» – не раз говорят в пьесе. И в этой сцене она сама в себе вдруг ощутила эту связь. Образ матери, вызванный из небытия, почти реально коснулся дочери, на какое-то мгновение она отождествляет себя с нею. Именно это «третье измерение» позволяет Ольге поверить, что она дочь Кузовкина...

Судьба спектакля сложилась очень удачно – десять лет он с успехом шёл на орловской сцене, в премьерный вечер был записан телеканалом «Культура» и многократно затем демонстрировался на экране, участвовал во многих престижных фестивалях в России и за рубежом, получил богатую и интересную прессу. Позволю себе процитировать монографию Александра Колесникова «Соединение природы и искусства. Театральная эстетика И.С. Тургенева», изданную в 2003-м году в Москве издательством «Театралис», где автор даёт подробный разбор нашей постановки: «Но самым, пожалуй, большим открытием спектакля становилась сцена Ольги с Кузовкиным из второго действия, когда девушка добивалась правды своего рождения, сама не зная, как та её обожжёт... В спектакле орловцев находка проще простого оказывалась ошеломляющей. Ольга и Кузовкин (Ю. Некрасова и Н. Чупров) оставались одни. Он заговорил, спотыкаясь от стыда, и по мере развёртывания событий двадцатилетней давности, начинал их показывать, слегка проигрывая, обозначать в самом пространстве. Выходило, что именно в этой комнате, среди этой мебели, где они сейчас сидят, и случилось грехопадение Олиной матери. Свет на сцене ослабевал, и наше воображение вызывало сюда тень покойного барина, благодетеля и безумца, в которого влюблены были и жена, и молодой шут Кузовкин. Тень самой родительницы, сначала “ангела во плоти”, а затем “полоумной”, что

вошла в образную, да вместо того, чтобы перекреститься, отвернулась и засмеялась тихо (“Осилил её-таки лукавый”). Промелькнули и двое их умерших сынков (ещё открытие – у Оли, оказывается, были два брата). Длинный, в четыре страницы монолог героя сразу вырвался из словесного массива и обрёл зримую действенную пульсацию. И при этом, повторяю, ничего из специальных приспособлений. Комната будто сама наполнялась духами, её стены, свидетели прошлого, разряжались мощным и жутковатым эмоциональным напряжением... Орловский “Нахлебник” в лучших эпизодах доказывал стереозвучание драматургии своего великого земляка.

Однажды на репетиции сцены завтрака из первого акта актёры, работавшие очень увлеченно, вдруг остановились, и одним из них был задан вопрос: «А почему Кузовкин не хочет петь? Ведь вот историю своей тяжбы он под общий смех с удовольствием рассказывает?! А здесь упёрся...» Вопрос этот очень важный, тем более что я предложил нарушить указание автора и спеть, но затем остановиться и больше не соглашаться. Был найден у Беранже текст песенки о «бедняге-чудаке», а присутствовавший во время завтрака маленький дворовый оркестрик мгновенно подхватил знакомую мелодию. Кузовкин поёт несколько строчек, даже пытается что-то протанцевать, но когда вся компания дружно начинает прихлопывать ему в такт, он внезапно всё прекращает и больше ни за что не хочет продолжать. Этот момент – кульминация сцены. Я попросил актёров высказать их точку зрения, и мы услышали много интересного. Разгорелся довольно жаркий спор, мнения были диаметрально противоположными. Стало ясно, что Тургенев задевает за живое каждого участника, что проблемы, связанные с унижением человеческого достоинства, близки всем. Конечно, можно объяснить всё тем, что старый человек выпил лишнего, и у него просто нет сил. Но тогда правы цензоры, говоря, что «...по всей пьесе проходит что-то нехорошее» – смотреть, как сытые господа мучают невинного агнца, противно. Но Кузовкин вовсе не овечка! Достаточно внимательно разглядеть его поступки: приводит в дом в день приезда хозяев друга-соседа, почти силой удерживает, когда дворецкий того гонит, демонстративно затевает игру в шашки, отстаивает свой угол, лезет на глаза Ольге и её мужу с отдельным от всех приветствием и так далее, и так далее. Все его действия говорят о какой-то внутренней решимости, о каком-то замысле, связанном с новыми господами. На что же он рассчитывает? Скорее всего, с моей точки зрения, на изменение своего статуса – ведь он числится шутом и приживалом со времён старого барина, а при «новой власти» может быть или изгнанным, или... Нет, конечно, он не собирается открывать свою тайну, он надеется, что хозяева «узаконят» его положение, дадут какое-то официальное содержание,

обеспечат старость. Все надежды связаны с Ольгой Петровной, с её хорошим к нему отношением в прошлом. И очень важно поправиться её супругу, строгому господину из Петербурга. Поэтому смешной рассказ про сельцо Ветрово, про «полькина сына» Илью и Гангинмейстера он ведет с удовольствием, зарабатывая очки у Елецкого, это не унижает, это достойно. А вот когда во время песенки он понимает, что снова попал в шуты, то резко обрывает «выступление»: «Я вам не шут дался. Поищите себе другого!» – заявляет он Тропачёву и всем вокруг. Елецкий понимает это и требует прекратить, но Тропачёв не унимается, он организует затею с колпаком. И вот колпак на голове, Кузовкин обнаруживает его, как ужаленный, отбрасывает в сторону и..., закрыв лицо ладонями, горько-горько плачет, издавая какой-то звериный войль – всё, все надежды рухнули!.. Именно в таком отчаянном состоянии, как последнее откровение, бросает он обидчикам свою тайну. Ничего не остаётся Елецкому и гостям, кроме как назвать его сумасшедшим. Все расходятся в полной тишине. Кузовкин остаётся один, поднимает с пола свечу, его тень вырастает, он осматривает поле боя, а губы безмолвно шепчут: «Я сошёл с ума!.. Я сошёл с ума!..»

Сделаю ещё одно отступление. Не так давно меня назначили председателем государственной аттестационной комиссии по режиссуре в С.-Петербургской театральной академии. Молодые выпускники-режиссёры защищали свои дипломные постановки в различных театрах, а комиссия должна была ознакомиться с видеозаписями этих спектаклей и прочесть письменное пояснение. Среди многих работ я увидел – И.С. Тургенев «Нахлебник». Посмотрел видеозапись и не узнал пьесу. Не буду подробно рассказывать, каким экзекуциям подверглись текст и герои Тургенева, постановщик выразил им полное недоверие. Скажу лишь, что сцены с колпаком не было вовсе. На защите я спросил – почему? И вот что услышал в ответ: «А зачем она? Ну что за обида такая – подумаешь, колпак на голову надели?!» И сказано это было абсолютно убеждённо, без тени сомнения в своей правоте, с улыбкой снисхождения... «Да, – подумал я тогда, – великий писатель был Иван Сергеевич, великий роман написал – “Отцы и дети”»...

Не раз доводилось слышать, как неверно произносят название пьесы – «Нахлебники». Вероятно, по аналогии с «Игроками» Гоголя или «Мещанами» Горького. Тем не менее, в этой оговорке есть своя правда – речь идёт вовсе не об одном нахлебнике, а о целом сонме их. В самом деле, разве не нахлебник у Елецкого Тропачёв, а у него, в свою очередь, разве не нахлебник Карпачёв?.. Да и сам молодой муж Ольги Кориной разве не попадает он в зависимость от богатого имения жены?.. А разве не нахлебник крикливый дворец-

кий Трёмбинский?.. Эту цепочку можно без конца продолжать, всех обитателей дома, всех персонажей пьесы, в той или иной степени, причислить к племени нахлебников. То есть, становится очевидной проблема, волновавшая автора, проблема нахлебничества, столь острая в то время и не менее актуальная для России сегодня. Впрочем, не только для России...

Мы играли нашего «Нахлебника» в Баден-Бадене, на сцене того самого театра, где бывал Тургенев и где цела Виардо. Один из красивейших театров Европы! Нашим выступлением завершалась первая русская неделя в Германии, и оно привлекало большое внимание. Играли без наших декораций – по экономическим соображениям привезти их не было возможности. Доброжелательные немецкие коллеги любезно предоставили нам декорации от своего спектакля, шедшего накануне. Они мало напоминали наш дом, но я согласился. За одну репетицию мы переделали весь спектакль, приспособив его к новым условиям. Неожиданно новые декорации стали помогать нам – они создавали «третье измерение». Наверное, это был тайный знак от Ивана Сергеевича... Многого решали с помощью света – театр прекрасно оснащён. Играли без перевода – нашими зрителями должны были стать русскоязычные люди. Но когда увидели, что на спектакль пришли и приехали и немцы, и французы, и швейцарцы, то решили давать перед каждым действием краткое изложение содержания. Этого оказалось достаточно, зал прекрасно реагировал. Спектакль шёл с необыкновенным подъёмом, актёры были, что называется, в ударе. По окончании за кулисы ворвался немецкий актёр, лицо его было в слезах, он очень волновался: «Теперь я понимаю, – говорил он, перемежая немецкие слова с русскими, – что такое русская душа! Мне очень близко это! Спасибо!» И снова плакал, и обнимал всех. А приехавший из Страсбурга российский дипломат заявил: «Ваше выступление делает гораздо больше для взаимопонимания народов, чем многие усилия моих коллег-дипломатов»...

Дом Полины Виардо в Буживале под Парижем долгие годы стоит закрытым и выглядит безжизненным. Когда шли мимо него к шале Ивана Сергеевича, где теперь музей, и где мы не раз выступали, то всегда хотелось заглянуть внутрь – какая жизнь там была? Но вот в 2009-м году нас приглашают участвовать в международном симпозиуме «Смех Гоголя и Тургенева» и сыграть сцены из «Нахлебника» в нижнем зале виллы Виардо. Тургенев словно вручил нам ключи, открыл впервые за много лет двери этого столь дорогого ему дома. И дом ожил, зазвучали голоса, музыка. Мы включили в действие веранду и сад. Во время сцены Кузовкина с дочерью через стеклянные двери был виден в волнении вышагивающий Елецкий, ожидающий исхода их разговора. Призраки дома Виардо «перевоплотились» в

призраков дома Кориных – в тишине было слышно поскрипывание старой лестницы, а с потолка раздавались шорохи будто чьих-то шагов... Кажется, трудно подобрать более подходящую обстановку для воссоздания атмосферы тургеневской пьесы...

Когда через десять лет яркой, интересной и насыщенной жизни спектакля пришло время расставаться с ним, мы делали это с грустью и с благодарностью – он оставил добрый след в творческой биографии театрального Тургеневского Дома. И именно в этот момент приходит приглашение из болгарского города Шумен о возможной совместной постановке «Нахлебника» на сцене их театра. У нас уже был довольно богатый опыт такой работы – мы ставили русскую классику в Болгарии, потом играли в смешанном составе на русском и болгарском языках у нас и у них. Тургенев очень уважаемый русский автор в Болгарии, ведь это он впервые вывел в мировой литературе болгарина Инсарова в романе «Накануне». Всё сланилось очень быстро, и я приступил к репетициям. На роль Кузовкина претендовали несколько ведущих актёров из разных городов, мы остановились на очень известном софийском артисте Илие Добреве. Он приехал для знакомства и сразу покорила редкой интеллигентностью, большой внутренней культурой и подготовленностью. Работа закипела. Было ясно, что ставить надо совсем другой спектакль – прошло десять лет, жизнь очень изменилась, проблема нахлебничества приобретала в Болгарии новые и неожиданные аспекты. Например, оказалось, что слова «нахлебник» нет в болгарском языке, и перевести заглавие равноценно не представлялось возможным. Стали искать замену, варианты. Вспомнили о «Чужом хлебе», другом тургеневском названии пьесы, но и оно переводилось плохо. После многочисленных консультаций остановились на таком – «Горький хлеб». По-новому надо было решать и сценическое пространство – в большинстве болгарских театров нет круга. Не привыкли они и к антракту – два действия пьесы спрессовывались вместе. Менялся темпо-ритм спектакля – болгары разговаривают гораздо быстрее нас. Однако, все эти новые «предлагаемые обстоятельства» не повлияли на главное: рассказать историю человека, добровольно надевшего на себя маску шута и заплатившего жизнью за попытку избавиться от неё, вернуть своё лицо и своё достоинство. Илия Добрев безусловно справился с такой задачей, роль у него получилась выпуклая, объёмная. Кроме того, его актёрский класс был очень высок, не всем удавалось приблизиться. И спектакль прозвучал как своего рода монолог, пронзительный и горький. Не случайно выбрал он эту роль для своего бенефиса в Софии. Такой поступок в новой Болгарии, ориентированной на запад, выглядел очень смелым. Наш «Нахлебник» снова прокладывал дорогу к взаимопониманию...

И уже совсем недавно он вновь протянул мне руку, предложил новое общение... Несколько лет тому назад академический театр драмы из Нижнего Новгорода пригласил меня на постановку «Отцов и детей». Я встретился с очень хорошей труппой, воспитанной в лучших традициях русского театра. Работать с ними было подлинным наслаждением: ответственность, высокий профессионализм, требовательность к себе и партнерам – вот отличительные признаки лучших актёров этого театра. Спектакль удался, у нас сложились по-настоящему дружеские творческие отношения. И вот теперь они снова предлагали – «Нахлебник» Тургенева. Главная роль предназначалась для Валерия Никитина, одного из корифеев театра. Мы были знакомы с молодых лет, за роль отца Базарова он получил премию имени Евстигнеева. Я очень обрадовался предложению. Все остальные роли тоже разошлись между ведущими мастерами. Получился мощный слаженный ансамбль. Спектакль ни в чём не повторял орловский, даже художник был другой. С этими артистами было интересно заново пройти «крестный путь» Кузовкина, найти новые мотивировки поступков, иначе решить характеры и взаимоотношения. Работа сразу пошла увлечённо и споро: актёры приносили на каждую репетицию свои предложения, мы вместе много импровизировали, пробовали варианты. Молодёжь тянулась за мастерами, добиваясь впечатляющего результата. Никитин сразу почувствовал эпический масштаб роли. Его Кузовкин не был «маленьким человеком», не был униженным изначально. С первой же сцены он задавал такой высокий градус чувств, такой накал истосковавшейся по любви души, что было ясно – с этим человеком что-то должно случиться. И – случилось!.. Принципиальной была схватка с Елецким во втором акте. Эта сцена игралась долго, подробно, они оба измучивались в борьбе друг с другом. И когда Кузовкин вставал, чтобы уйти, Елецкий хватал его за плечи и пытался посадить на место. Молодой, сильный господин не мог даже сдвинуть старика, тот словно несгибаемый дуб стоял: «Я – столбовой дворянин!» В лучших сценах он поднимался до трагических высот. Спектакль живёт и сегодня, часто Никитин звонит по телефону и подробно рассказывает – как всё было...

Как режиссёру, мне очень повезло – я поставил более десяти спектаклей по произведениям Ивана Сергеевича Тургенева. Вряд ли кто из моих коллег может похвастаться таким «послужным списком». И, конечно, «Нахлебник» – моя большая любовь. Встречи с ним – счастье...

К ОПЫТУ СОЗДАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО РЕСУРСА ПО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЮ: ВЫСТАВКА «ТУРГЕНЕВ И ГЕРМАНИЯ»

В 2013 году в Орле состоялась научная конференция «И.С. Тургенев: взгляд из XXI века (к 195-летию писателя). Сегодня хотелось бы вспомнить о другой конференции, прошедшей в августе этого же года в Баден-Бадене: «Тургенев сегодня в Баден-Бадене». Российские и немецкие тургеноведы обсуждали на ней, как готовиться к празднованию 200-летнего юбилея Тургенева.

От Библиотеки-читальни им. И.С.Тургенева было представлено на конференции в Баден-Бадене два доклада: Т.Е. Коробкиной «Меланхолия Ларса фон Триера и судьба тургеневского наследия сегодня» и Г.Н. Муратовой и Е.Г. Петраш «Информационные ресурсы Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева для сохранения и популяризации тургеневского наследия». Библиотека также подготовила предложения по подготовке к празднованию 200-летия писателя. Основная идея выступлений сотрудников Библиотеки заключалась в том, что необходимо объединять усилия членов международного Тургеневского сообщества для того, чтобы повысить интерес к наследию И.С.Тургенева в России и за рубежом. При этом необходимо как можно более широко использовать современные форматы и технологии.

Московская библиотека имени Тургенева придает большое значение использованию информационных технологий для популяризации жизни и творчества писателя. В Библиотеке на протяжении почти двух десятилетий формируется электронный каталог, в котором есть разделы, содержащие детально разработанную библиографическую информацию о жизни и творчестве Тургенева. Из разных регионов страны и из-за рубежа по электронной почте в Библиотеку приходят запросы, касающиеся тургеневского фонда и тургеневских баз данных. Материалы о жизни и творчестве Тургенева размещены на сайте Библиотеки.

Библиотека организует выставки, в том числе виртуальные, с использованием цифровых технологий.

Библиотека не претендует на статус научно-исследовательского центра, однако в основе любого ее начинания или проекта лежит кропотливая работа по собиранию и отбору информации. Такая работа была проделана при подготовке виртуальной выставки «Тур-

генов и Германия». Она называется «виртуальной», поскольку заранее было запланировано, что выставка впервые будет размещена в информационном киоске, которые теперь широко используются в российских музеях.

Мне было поручено собрать текстовый материал по теме. Моя коллега Галина Николаевна Муратова подобрала иллюстративный материал и выполнила предварительный компьютерный макет выставки. Выставку окончательно сформировали и разместили в киоске программисты Библиотеки.

Выставка создавалась в Перекрестный год Германии в России (2012-2013) и была приурочена к Международной научной конференции «Россия и Германия: литературные и культурные связи в XVIII-XXI вв.», организованной в ноябре 2012 года Государственным музеем А.С. Пушкина, Государственным Литературным музеем и Библиотекой-читальней им. И.С. Тургенева.

На портале виртуальной выставки представлены основные рубрики-«окна», по которым систематизирован иллюстративный и текстовый материал.

1. Биография Тургенева (эпизоды его жизни в Германии).

2. Берлинский университет (учеба в Берлинском университете; подрубрики этого «окна» – студенты Берлинского университета; немецкие знакомые Тургенева).

3. Немецкие переводчики: Фр. Боденштедт, М. Гартман, Л. Пич.

4. Путешествие по Германии (некоторые из городов, которые посещал Тургенев).

5. Баден-Баден (1863–1871).

6. Произведения, написанные в Германии: «Ася», «Вешние воды», «Дым».

Теперь немного подробнее о содержании «окон». Они многоуровневые: на очередные уровни информации можно попасть, «кликая» на основной раздел.

В первом разделе биографии исходным явилось признание Тургенева о «любви и почитании Германии». В 1869 году в Предисловии к немецкому переводу романа «Отцы и дети» он написал: «Я столь многим обязан Германии, что люблю и почитаю ее, как свою вторую родину». А русский литератор П.Д. Боборыкин в своих воспоминаниях так отзывался о Тургеневе: «Он был необыкновенно хорошо знаком со всем, что составляет духовное достояние Германии, прекрасно говорил по-немецки, и из всех известных мне русских писателей он только овладел всесторонне знакомством с немецкой образованностью».¹

Действительно, Германия стала неотъемлемой частью культурного багажа, биографии и творчества Тургенева. Он не один раз про-

ехал эту страну вдоль и поперек. В 1863-1870 годах жил в Баден-Бадене, построил там себе дом. В Германии происходит действие его повестей: «Ася» (1858) и «Вешние воды» (1872), романа «Дым» (1867). Поэма Гёте «Фауст» вошла в плоть и кровь его творчества. На страницах его романов и повестей не раз возникают строки из стихотворений Гете, Шиллера, Гейне; сюжеты многих произведений разворачиваются под музыку Шуберта, Бетховена и Вебера.

В следующем «окне» речь идет об учебе Тургенева в Берлинском университете (основан в 1809 году). В этом «окне» кратко упоминается история создания университета, инициатива основания которого и концепция обучения принадлежала дипломату и языковеду В. фон Гумбольдту.

В XIX – начале XX вв. Берлинский университет был одним из притягательных высших учебных заведений. В то время образование, полученное в нем, считалось эталоном. В Европе и России была распространена мода на немецкую философию. Особенно увлекал, завораживал мыслитель Г.Ф.В. Гегель, учивший, что весь мир, все бытие есть развертывание, самовыражение абсолютной божественной Идеи.

Молодой Тургенев, как и большинство его образованных сверстников, был горячим поклонником Гегеля. В Берлинском университете преподавалась гегелевская философия, и поэтому выбор, где учиться в Германии, был предreshен.

Весной 1838 года Тургенев отправился в Германию продолжить обучение в Берлинском университете, где через посредство изучения Гегеля он узнал, какое громадное значение имеет образование, и как необходимо образованному человеку иметь полное и законченное, непременно законченное «мировоззрение». В более поздний период своей жизни «...от гегельянства (его) юности» остаются отдельные мотивы. Имя Гегеля встречается в «Отцах и детях» и в «Дыме», герои «Фауста», «Рудина» и других произведений вспоминают о берлинских и о московских гегельянских кружках, в которых побывали и Рудин, и Лежнев. Гегельянские мотивы есть и в рецензиях Тургенева на перевод «Фауста» М. Вронченко, в статье о «Бедной невесте» Островского и в письмах более позднего периода.

В этой рубрике нам хотелось показать Тургенева молодым, поэтому мы позволили себе процитировать выдержки воспоминаний о его жизни в Берлине. Вот некоторые из них:

«Я, несмотря на свои 21–22 года, был еще совсем мальчуган. Судите сами: то я читал Гегеля и изучал философию, то я со своим дядькой забавлялся – и чем бы вы думали? – воспитанием собаки, случайно мне доставшейся. С собакой этой возня у меня была преобладающая: притравливали мы ее к крысам. Как только, бывало, ска-

жут нам, что достали крысу, я сию же минуту бросаю и Гегеля и всю философию в сторону и бегу с дядькой и своим псом на охоту за крысами».²

«Я ... в Берлине, штудируя философию, возился с котенком: навязывал ему бумажки на хвост, как гоголевский чиновник собачонке, и любовался его игрой, его прыжками; и хохотал, как ... как жеребчик ржет...»³

«А я по чести и совести тебе сказать, более тебя не за науками послала, а чтоб ты почерпнул пристойность. Вот почему и больно мне, что ты в Берлине не попал в те дома, где бы мог видеть русских порядочных».⁴

«Грановский, заставший его в Берлине, рассказывал еще, что он наводил его с приставленным к нему крепостным дядькой за очень невинным занятием – игрой в карточные солдатики, которых они поочередно опрокидывали друг у друга».⁵

И все же нужно отметить, что Тургенев с рвением приступил к занятиям в Берлинском университете. Он полностью отдался науке и учился он не ради оценок (в Берлинском университете их не было, свободными были выбор и посещение лекций).

В одном из следующих уровней «окон» речь идет об учителях Тургенева в Берлинском университете. В подразделе этого же «окна» говорится и о тех замечательных русских соотечественниках: Т.Н. Грановский (1813-1855), Н.В. Станкевич (1813-1840), М.А. Бакунин (1814-1876), Я.М. Неверов (1810–1893) – вот те, кто оказал огромное влияние на молодого Тургенева. Примечательно, что в Германии Тургенев особенно близко сошелся с Грановским (знал он его с 1835 года), а самым ярким эпизодом знакомства с ним для Тургенева стал вечер, когда Грановский прочёл ему отрывок из своей драмы «Фауст». В Германии Тургенев сблизился и со Станкевичем, здесь же он подружился и полюбил Бакунина. Бывал в кругу немецких ученых, философов, литераторов.

В следующем «окне» портала выставки даны портреты-медальоны немецких переводчиков – Фр. Боденштедта, М. Гартмана, Л. Пича, которые многое сделали для того, чтобы в XIX веке Тургенев стал в Германии популярным писателем. Известным его сделали переводы Боденштедта (он переводил с русского языка): в 1863-64-х годах в Мюнхене было издано двухтомное собрание сочинений Тургенева. Тургенев остался доволен переводом австрийского писателя М. Гартмана романа «Дым». С Л. Пичем Тургенева связывали тесные дружеские отношения и деловые контакты. Пич не только переводил его произведения (с французского языка), но и писал статьи, рецензии на произведения Тургенева, объясняя замысел автора немецкой публике. Известно, что Людвиг Пич отлично ри-

совал. В «Тургениане» Библиотеки есть сборник рисунков Л. Пича, из которого мы и взяли для этого раздела сделанные им портреты Тургенева, П.Виардо, дочерей Виардо, некоторые жанровые сценки, зарисовки салона Виардо.

Тургенев много путешествовал. На стилизованной карте Германии, находящейся рядом с киоском, отмечены города, где бывал Тургенев.

В «окне» раздела «Путешествие по Германии» рассказывается только о городах наиболее часто посещаемых писателем: Берлин, Дрезден, Зинциг, Линц, Карлсруэ, Веймар, Гейдельберг, Мюнхен. Нередко в путешествиях у писателя рождались новые сюжеты, как это случилось с «Асей». Линц и Зинциг – пример тому.

В программе к празднованию 200-летия писателя есть пункт об издательской деятельности Тургеневской библиотеки. Планов много. Но один проект мы уже осуществили: подготовили к изданию двуязычный текст «Аси» с комментариями. Одним из комментариев является статья г-на Кратца: «Ася» и ее переводчики: первые сто лет».

В некоторой степени следующий раздел – о Баден-Бадене – связан с путешествиями Тургенева. В XIX веке местным водам и климату суждено было сыграть особую роль в русской литературе: Гоголь, Толстой, Достоевский и Тургенев нередко приезжали сюда в период создания своих лучших произведений. В 1852 году в Баден-Бадене умер (и был временно похоронен) Василий Андреевич Жуковский, в 1878-м – князь Петр Андреевич Вяземский. В жизни П.А. Вяземского город вообще был роковым – в Баден-Бадене скончались двое его лучших друзей, дочь, внук и жена. Бывал здесь и Антон Чехов.

В 1863–1871 годах Тургенев жил в Баден-Бадене. Этот период весьма значителен в его творческой судьбе. Здесь он написал роман «Дым» (1865–1867), а также 8 повестей и рассказов: «Призраки» (1861–1863), «Довольно» (1864), «Собака» (1864), «История лейтенанта Ергунова» (1866–1867), «Бригадир» (1867), «Несчастная» (1869), «Странная история» (1869) и «Степной король Лир» (1870).

«Я не вижу причин, почему мне не поселиться в Бадене: я это делаю не из желания наслаждений (это тоже удел молодости) – а просто для того, чтобы свить себе гнездышко, в котором я буду дожидаться, пока наступит неизбежный конец»,⁶ – писал Тургенев Е.Е. Ламберт 22 августа (3 сентября) 1864 года в то время, когда он затеял строительство дома. Семья Виардо к этому времени уже там обосновалась.

И, наконец, последний раздел выставки посвящен произведениям Тургенева, написанным в Германии. И этот раздел снабжен, как и предыдущие, комментариями и иллюстрациями.

Присутствовавшие на конференции в Баден-Бадене немецкие

слависты (Рольф-Дитер Клуге, Готтфрид Кратц, Манфред Шруба), осмотрев выставку, сделали свои замечания. Они обратили внимание разработчиков выставки на важность общения Тургенева с немецким писателем Б. Ауэрбахом, произведения которого хорошо знал русский писатель. Было также указано на недостоверный портрет К.-А. Фарнгагена фон Энзе (фон Гейзе), использованный при подготовке выставки. Замечания немецких коллег были немедленно учтены, поскольку цифровой формат выставки позволяет постоянно вносить в нее изменения и дополнения.

При работе над выставкой мы столкнулись с серьезными трудностями, так как до этого в Библиотеке устраивались только традиционные выставки, размещенные в витринах и на стендах. Но были и маленькие открытия, которые приносили чувство удовлетворения от работы. Так, благодаря помощи нашего коллеги доктора Готтфрида Кратца, после долгих поисков удалось найти портрет Карла Вердера – довольно случайно, в томике его стихов, купленном в букинистическом магазине. Известно, что Карл Вердер (1806–1893) был любимым преподавателем философии у русских студентов, обучавшихся в Берлинском университете в первой половине XIX века. Среди его учеников были Николай Станкевич, Тимофей Грановский, Януарий Неверов, Михаил Бакунин и, конечно, Иван Тургенев. В сообщениях из интернета я вычитала, что портрет Вердера существовал и был написан 20 февраля 1836 года берлинским художником Хензелем. На обороте портрета была надпись по-немецки: «Сухие листья стонут беспокойно. / Злой ветер их уносит в небеса. / Ты тоже вывь стремишься непреклонно – / Зовут души и сердца голоса». (Пер. В.Е. Ефремовой).

В берлинском издании стихотворений Вердера 1895 года (издательство Ф. Фонтане и К°, редактор Отто Гильдемайстер) помимо портрета было и его стихотворение, озаглавленное «Смерть». Как мы знаем из письма Тургенева Грановскому от 4 июля 1840 года, стихотворение было найдено в бумагах Вердера. Посвящения оно не имело, но было подписано годом создания – «1840» и строчкой: «На память С.» Мы публикуем перевод этого стихотворения, сделанный сотрудницей франко-немецкого зала Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева М.Н. Лисичкиной. Вот небольшой отрывок этого перевода:

...И вот внезапно наступает смерть,
Та самая, которая – одно мгновенье.
Краткий миг, грозящий нам всегда
И правящий людьми в их трудную минуту.
Тот миг последний быстро промелькнет,
Глаза уж не блестят – и навсегда закрылись.

Живые наставляют: готовьтесь к ней,
Ведь смерть – длиною в жизнь!
И слышим мы с иного света: «Когда?»
А эхо в душе в ответ: «Никогда!» ...

Известно, что Вердера и Станкевича связывали узы симпатии и дружбы. 24 июня 1840 года, будучи в Италии, Станкевич скончался от туберкулеза.

В письме от 4(16) июля 1840 года Тургенев сообщает о смерти Станкевича Грановскому. Он пишет, что получил от Станкевича из Флоренции письмо от 11 июня (1840 года) и приводит из него отрывки и, в частности, просьбу Станкевича: «... Напишите мне о Вердере; скажите ему мое почтение; скажите ему, что его дружба будет мне вечно свята и дорога и что все, что во мне есть порядочного, неразрывно с нею связано...» <...>

Я не мог решиться сказать об этом Вердере, – продолжает Тургенев, говоря о кончине Станкевича, – я написал ему письмо. Как он был глубоко поражен! Я ему сказал при свидании: “In ihm ist auch ein Teil von ihm gestorben”.⁷ Он чуть-чуть не зарыдал. Он мне говорит: “Ich fürche es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens; meine besten Schüler, meine Jünger sterben ab – ich überlebe sie!”⁸ Он мне прочитал превосходное стихотворение “Der Tod”, написанное им тотчас же после получения известия».

В настоящее время виртуальная выставка «И.С. Тургенев и Германия» является частью большой выставки, посвящённой 195-летию И.С. Тургенева, развернутой в Государственном музее А.С. Пушкина.

Не располагая коллекциями музейных предметов, Библиотека и дальше будет идти по пути использования информационных технологий для экспонирования тургеневского наследия в целях его сохранения и популяризации. В этом Библиотека-читальня им. И.С.Тургенева видит свое предназначение и свое место среди других тургеневских центров нашей страны.

Полностью выставку можно посмотреть на сайте Тургеневки в разделе «Тургеневское наследие». Там под символическим шалашом (картинка из заключительной сцены фильма «Меланхолия» Ларса фон Триера) Библиотека будет хранить все, что относится к тургеневскому наследию и непреходящим ценностям нашей культуры.

Примечания

¹ *Баборыкин П.Д.* Тургенев дома и за границей // *Новости и биржевая газета.* 1883. 27 сент. (№ 177).

² *Островский А.Г.* Тургенев в записях современников. М., 1999. С. 41.

³ Там же.

⁴ Из письма В.П. Тургеневой И. Тургеневу // И.С. Тургенев и мировая литература (К 190-летию И.С. Тургенева). М., СПб, 2011. С. 506. (Новые исследования и материалы. Т. 2).

⁵ Из «Литературных воспоминаний» П.В. Аннепкова. Цит. по: *Островский А.Г.* Указ. соч. С. 41.

⁶ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 6. С. 46.

⁷ «В нем также умерла от вас частица» (нем.).

⁸ «Я чувствую это. Я на полпути своей жизни; мои лучшие ученики, мои питомцы умирают – а я остаюсь жить!» (нем.).

Г.Н. Павлова

ЗАБЫТОЕ СЛОВО О ТУРГЕНЕВЕ

Уход И.С. Тургенева из жизни был воспринят его современниками как тяжелая утрата, понесенная русской и мировой культурой. Как известно, писатель умер в пригороде Парижа в Буживале в 2 часа пополудни 22 августа/3 сентября 1883 года, и по его завещанию был похоронен на Волковом кладбище Санкт-Петербурга.

Со дня смерти Тургенева до дня его похорон прошло почти пять недель. Всё это время имя Тургенева не сходило со страниц светской и церковной периодической печати. Чествование памяти Тургенева, проходившее в течение августа-сентября 1883 года во всех уголках России принимало разнообразные формы: учреждались стипендии имени Тургенева, присваивалось имя писателя улицам, учебным заведениям, библиотекам, собирались средства на установку памятника, выпускались фотопортреты Тургенева, устраивались народные чтения и церковные панихиды. Правительственные органы зорко следили за всем происходящим, связанным с похоронами Тургенева, боясь каких-либо политических эксцессов, подобных тем, что происходили ранее в связи с похоронами Некрасова и Достоевского. Единственное, что было неподвластно правительству, это панихиды и речи, произносимые во многих храмах России.

После 1917 года политическая ситуация в стране изменилась. На первый план выдвинулось общественно-историческое значение деятельности писателя, свободолюбивые прогрессивные идеи его произведений. Духовная, а уж тем более религиозная составляющая творчества Тургенева была надолго отодвинута на второй план и даже оставалась запретной для исследователей. Многочисленные речи отцов церкви, произнесенные на панихидах по Тургеневу, в большинстве своем остались незаписанными и неопубликованными.

А те, что публиковались в провинциальной и столичной периодике, со временем были преданы забвению и никогда не учитывались советскими библиографами. Из речей, произнесенных орловскими священниками в дни траура по великому земляку, в опубликованном виде нам удалось обнаружить пока лишь одну. «Речь перед панихидою об упокоении души И.С. Тургенева» была произнесена в Анненской церкви Александринского института благородных девиц ее священником А. Вознесенским и опубликована в ноябре 1883 г. в «Орловских Епархиальных ведомостях»¹ (см. Приложение).

Сведения об авторе речи, почерпнутые нами в документах Государственного архива Орловской области, увы, очень скудны. Огромную помощь в поиске материалов оказал нам потомок рода Вознесенских Сергей Владимирович Туманов, ныне проживающий в Москве. В 1886 году студент-выпускник 4 курса Московской духовной академии Алексей Вознесенский был освобожден «от обязательной службы по духовному ведомству без взыскания денег, следующих с него за казенное содержание в Академии»² с тем, чтобы поступить «на место законоучителя Александровского Орловского реального училища и настоятеля домового церкви при училище».³

Спустя пять лет он был перемещен на место законоучителя и священника церкви Св. Праведной Анны при Орловском Александринском институте благородных девиц. Как свидетельствуют записи в метрической книге Анненской церкви, с 1882 по 1887 годы о. Алексей совершал в этой церкви все положенные обряды. Сохранились записи о крещении его дочерей, рожденных в браке с супругой Александрой Ивановой: Ольги (р. 7 июня 1883 г.) и Надежды (р. 17 декабря 1885 г.). В обоих случаях таинство крещения совершал священник Крестовоздвиженской церкви г. Орла Иоанн Вознесенский, вероятно, брат о. Алексея. Восприемниками Надежды были ее старшая сестра Анна Алексеевна и «воспитанник VII класса Александровского реального училища Иван Иванович Вознесенский».⁴

Весной 1885 г. о. Алексей Вознесенский исповедовал и причащал перед кончиной мать начальницы института С.К. Оболенской – Елизавету Петровну Шеншину, умершую 1 апреля 1885 г. «в возрасте 60 лет от водяной болезни».⁵ Погребение тела покойной совершал Пресвященный Симеон, епископ Орловский и Севский в Орловском Введенском женском монастыре. Е.П. Шеншина – жена Капитона Шеншина, двоюродного брата поэта Афанасия Фета.

В 1880–1885 гг. Алексей и Иван Вознесенские являлись законоучителями в Николаевской женской гимназии, совмещая эту работу со своим служением в Анненской и Крестовоздвиженской церквях. За службу в Анненской церкви А.И. Вознесенский был награжден камилавкой.

В 1880-е годы «Орловские Епархиальные ведомости» часто публиковали на своих страницах проповеди и наставления, произнесенные о. Алексеем перед воспитанницами института, а в 1888 году в приложении к нескольким номерам была опубликована его книга «Руководство к домашнему и религиозно-нравственному воспитанию детей» для курса 8 класса женской гимназии. В том же году книга вышла в Орле отдельным изданием в типографии В.П. Матвеева. К сожалению, своей книги, которая, пожалуй, и в наши дни не утратила актуальности, о. Алексей уже не увидел. Он ушел из жизни весной 1887 года.⁷

Его «Речь перед панихидою об упокоении души И.С. Тургенева» хоть и содержит ряд неточностей, которые может заметить всякий, знакомый с биографией писателя, потрясает искренностью и является своеобразным документом того времени. Тургенев в речи священника предстает как писатель, который «был наша честь и наша слава среди других народов, как хранитель русских идеалов и выразитель русской жизни в художественной форме».⁸ Особо подчеркивается доброта и отзывчивость тургеневского характера ко всем, кто нуждался в его помощи и поддержке. В качестве примера сообщается об участии Тургенева в сборе средств на нужды Орловской женской Николаевской гимназии. Не найдя среди своих произведений «ничего подходящего для прочтения» на благотворительном литературном вечере, писатель, уже будучи тяжело больным, «счел своим долгом прислать свою приличную денежную лепту в пользу бедных учениц».⁹

Своеобразно, по-своему наивно, может быть в расчете на учениц, объясняет о. Алексей причину, по которой Тургенев подолгу жил за границей: «... недуги телесные вынуждали его проводить свое время вне пределов Отечества, в более благоустроенном климате Франции».¹⁰

Особо священник подчеркивает в своей речи то, что «Иван Сергеевич был искренний христианин по душе своей», указавший в своем романе «Дворянское гнездо» на «значение христианской религии в деле домашнего первоначального воспитания»¹¹ (глава о воспитании Лизы).

Несколько лет тому назад на конференции, посвященной 190-летию И.С. Тургенева, нами было представлено «Слово пред панихидою по И.С. Тургеневу», произнесенное в 1908 году Преосвященнейшим Серафимом (Чичаговым), Епископом Орловским и Севским, в котором также выражалась уверенность в том, что Тургенев прожил жизнь как «истинный христианин».¹²

Вопрос об отношении Тургенева к религии и вере по-прежнему является одним из самых сложных и тонких для его биографов. Ко-

нечно, наивно считать всё сказанное на панихидах однозначным ответом на этот вопрос. Однако, слова, произнесенные в свое время священниками в память о писателе, свидетельствуют о том, что при всей неоднозначности религиозных исканий самого Тургенева, для русского православного мира он всегда был и остается без всяких сомнений «христианином, и притом верующим». Именно этим объясняется благосклонное отношение к Тургеневу церкви нынешнего времени.

Когда в 1990-е годы сотрудники Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева обратились в Орловскую епархию с просьбой о возобновлении не проводившихся десятки лет поминальных служб по писателю-земляку, эта просьба была встречена с большим пониманием. Первые панихиды были отслужены протоиереем Иоанном Троицком (1930-2010). И с тех пор ежегодно 3 сентября в день памяти Тургенева под сводами орловских храмов Иоанна Крестителя или Михаила Архангела звучат слова, обращенные к Господу об упокоении души великого сына земли русской.

Приложение

РЕЧЬ

**перед панихидою об упокоении души И.С. Тургенева,
27 августа 1883 года**

И сотвори ему вечную память!

Вчера в Париже, в православной посольской церкви, совершено погребение Ивана Сергеевича Тургенева. Кто из нас не слышал о нем, кто не читал с увлечением его прекрасных художественных произведений, исполненных неподкупной правды и сердечной теплоты? Всякий знает, что это был маститый русский поэт, имя которого покрыто бессмертною славой не только в его отечестве, но и у всех просвещенных народов. Произведения его переведены на все европейские языки; им отведено одно из почетных мест во всемирной современной литературе; они изучаются в наших школах и служат любимым чтением грамотных людей; ими воспитывалось и воспитывается возмужалое и молодое наше поколение. Их чарующая прелесть и верность действительности, сердечная теплота и возвышенность идеалов, художественность языка и общедоступность до простоты — суть те неотъемлемые и нецененные свойства, которые неотразимо действуют на душу читателя, оживляют ее, успокаивают, освежают. Таковы в общих чертах произведения Тургенева. В них веет дух пририяющей любви ко всему чистому, прекрасному, идеальному; он

ощущается в каждой фразе, в каждом слове нашего писателя; в них чувствуется его теплое сердце и отражается чистая душа. Вот почему Иван Сергеевич стал всемирною звездой первой величины в области поэзии и изящной литературы. Он, следовательно, был наша честь и наша слава среди других народов, как хранитель русских идеалов и выразитель русской жизни в художественной форме, как один из звеньев, соединяющих Россию с Западною Европою.

Дорог нам Иван Сергеевич и потому, что он, несмотря на то, что большую часть своего времени провел за границею, был русский душою и сердцем. Он любил свое отечество и предан был ему всецело; он вносил в нашу жизнь лучшие идеалы и старался примирять существующие, но неизбежные ея противоречия; он всегда с живым интересом следил за всеми явлениями нашей общественной жизни, отзывался самым делом на все доброе и готов был сделать всё, что мог, для блага отечества и для всякого кто только обращался к нему, и своими связями и своим влиянием, и своим пером. Об этом свидетельствуют его бесчисленные письма к друзьям и знакомым, к деятелям на литературном поприще, и ко множеству частных лиц. Кому нужна была его помощь, покровительство, совет, тому он никогда не отказывал своим участием, даже в то время, когда своими немощами он был прикован к одру болезни. Позволю себе привести пример из множества частных случаев. Прошлый год в пользу здешней женской Гимназии устраивался литературный вечер. Обратились к Тургеневу с просьбою, не пришлет ли он из своего портфеля что-либо для прочтения? И маститый старец был настолько добр и внимателен к провинциальному учебному заведению, что на имя Начальницы прислал из Парижа письмо, в котором выражая свое искреннее сожаление, что у него не имеется ничего подходящего для прочтения, счел своим долгом прислать свою приличную денежную лепту в пользу бедных учениц.

В особенности должна быть незабвенна память почившего Ивана Сергеевича для нас – орловцев. Здесь, в Орле, он родился; во Мценском уезде здешней губернии, в имении отца своего – Спасском-Лутовинове провел свое детство и юность, и сюда нередко приезжал отдохнуть от своих громадных литературных трудов. Хотя недуги телесные и вынуждали его проводить свое время вне пределов отечества, в более благоприятном климате Франции, но своими мыслями и чувствами он всегда жил в России, стремился в отечество свое и умереть желал на родине. В последнее время все, кому дорог и известен был Тургенев, следили за состоянием здоровья Ивана Сергеевича, ибо стали получаться тревожные известия; но едва ли не все питали надежду, что оно восстановится, и сам он ждал минуты, когда можно бы вернуться в дорогую Россию. Но, увы! Проведение

судило иначе. Только бранные останки почившаго поэта найдут покой в родной земле.

Наконец, помянем Ивана Сергеевича как человека – христианина, и притом верующего. Ничего иного не желал он в последние дни свои, как скорее уснуть вечным сном; ни к чему так спокойно не готовился он, как к своей кончине. Не то бывает с людьми иного сорта: они страшатся смерти. Значит, Иван Сергеевич был искренний христианин по душе своей, ибо только христианину свойственна такая кончина. Да иначе и быть не могло; иначе он не был бы тем, чем стал в действительности. Если говорят, что произведения писателя отображают его убеждения, мысли и чувства, то для уверенности в образе религиозных воззрений Тургенева, мы отослали бы читателя к произведению «Дворянское гнездо», к главе «воспитание Лизы». Там наш поэт мастерскою рукою обрисовал и указал значение христианской религии в деле домашнего первоначального воспитания. Если бы в таком значении сам он не был лично убежден, то не имели бы мы такой прекрасной главы художественного произведения и не могли бы судить о Тургеневе как о верующем христианине.

В заключение позволю себе выразить общую скорбь и сожаление о невознаградимой утрате, понесенной на сих днях нашим отечеством, литературою и всеми, кому дороги честь и слава родной России, верным сыном которой всегда был Иван Сергеевич Тургенев. Но, отдавая долг признательности человеку, вполне ее заслуживающему, мы сделаем то, что можем сделать, по случаю его мирной кончины, а именно: помолиться об упокоении в селениях праведных его чистой, доброй и верующей души. Теперь он ни в чем ином так не нуждается, как в молитвах к Богу о нем его соотечественников, близких друзей и знакомых, и вообще всех, кому он приносил и будет приносить неоценимую пользу своими произведениями. Он создал себе самый лучший нерукотворный памятник, который навсегда останется неизменным, пока стоит Русь православная, пока раздается русская речь, пока существует русская художественная литература. А нам он оставил свое драгоценное наследство, которым уже давно пользуемся, и потому мы обязаны чтить его незабвенную память и усердно помолиться. Да упокоит Господь его душу в селениях праведных, *иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная!* Аминь.

Священник А. Вознесенский.

Примечания

¹ Орловские Епархиальные ведомости. 1883. № 21. С. 1351-1355.

² Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 99. Л. 64-64 об.

³ Там же. Л. 65.

⁴ ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3118. Л. 26 об.–27.

⁵ Там же. Л. 43-44 об.

⁶ Орловские Епархиальные ведомости. 1888 г.

№ 13, приложение, с. 1-16

№ 16, приложение, с. 17-31

№ 19, приложение, с. 33-48

№ 12, приложение, с. 46-49

№ 22, приложение, с. 65-94

⁷ Орловские Епархиальные ведомости. 1887 г., № 5, 1 марта, с. 294.

⁸ Орловские Епархиальные ведомости. 1883 г., № 21, с. 1352.

⁹ Орловские Епархиальные ведомости. Там же, с. 1353.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 1354.

¹² И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.-СПб.: 2011. С. 378-382. Пресвященный Серафим (Л.М. Чичагов). Слово перед панихидою по И.С. Тургеневу. Публикация Г.Н. Павловой.

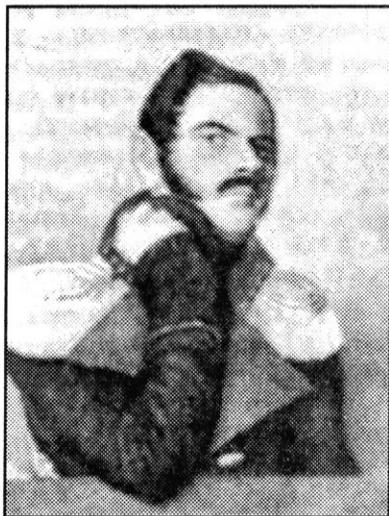
¹³ Орловские Епархиальные ведомости. 1883 г., № 21, с. 1354

II.

*Вокруг Тургеневской
энциклопедии*

М.П. Вронченко

В.И. Гаевский

«ПОЧЁТНОЕ ИМЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» (И.С. Тургенев и М.П. Вронченко)

Михаил Павлович Вронченко (1801 или 1802-1855) – переводчик, поэт, военный геодезист, автор географических сочинений.

Первые юношеские стихи в романтическом духе Вронченко стал писать ещё в стенах Могилёвской гимназии. В 1832-34 гг. в Вильне он познакомился с поэтом Адамом Мицкевичем, чьё творчество оказало влияние на становление Вронченко как стихотворца. Другая знаковая встреча с литератором Н.М. Языковым стала для Вронченко стимулом заняться поэтическим переводом Байрона, Шекспира, Мура, Мицкевича, тем более что он был одарённым лингвистом, владеющим десятком языками.

В целом Вронченко удавалось передать художественное своеобразие подлинника, но стремление к абсолютной точности делало его переводы при всех их достоинствах трудными для чтения. Недаром А.С. Пушкин писал о них: «Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своём, но та беда, что к каждому стиху Вронченко подвешена гирька».¹

Несмотря на противоречивые отзывы современников, работы Вронченко стали появляться на страницах авторитетных изданий. Журнал «Московский телеграф» опубликовал перевод стихотворения Байрона «Сон» (1827, № 17), затем последовали переводы отрывков из драматической поэмы Байрона «Манфред», трагедии Шекспира «Гамлет» («Московский телеграф», 1827, № 18–23; 1828, № 9) и др.

Воодушевлённый успехом, Вронченко признается в письме к В.В. Измайлову: «<...> Всё ещё словесность моё любимое занятие».²

Взросшую актуальность переводческой деятельности Вронченко и подъём читательского интереса к ней определила публикация отдельных изданий «Манфреда» и «Гамлета» в его переводе. «Гамлет» был высоко оценён критикой, о чём свидетельствовал подробный разбор текста перевода В.Г. Белинским.

Не только В.Г. Белинский, но и И.С. Тургенев высоко оценили переводческий талант Вронченко. Тургенев, в те годы молодой, набирающий силу талант, литературный универсал, с ранней юности имел склонность к переводческой деятельности, к сопоставительному литературному анализу. Недаром в письме к дяде Н.Н. Тургеневу он очень точно подметил особенности журнальной «полемики», сравнив оценки творчества двух литераторов-переводчиков М.А. Дмитриева и А.Г. Ротчева критиками двух журналов: «Телеграф» и «Телескоп».

«Я начал читать “Телескоп”, журнал которого взял от студента Никанор и нам дал. Я сличил его с “Телеграфом”. Смешно видеть, как один хвалит то, что другой порицает. Вот пример:

О Дмитриеве, Михайле

“Телеграф”

“Телескоп”

Принуждённо, вяло, сухо

Чисто, сильно, без принуждения

О Ротчеве

“Телеграф”

“Телескоп”

Виден талант большой

Очень худо.

Посуди, кому верить?»³

Не в свою пользу сравнил юный Тургенев собственные переводческие опыты с переводами Вронченко. В письме к А.В. Никитенко от 27 марта/7 апреля 1837 г. он признаётся: «Прошедший год был посвящён переводу – Шекспирова “Отелло” (который я не кончил – только до половины 2-го акта), “Короля Лира” (с большими пропусками) и “Манфреда”. Первые два перевода мною истреблены – мне они показались слишком дурны после переводов Вронченко».⁴

С подлинным энтузиазмом воспринял Тургенев последнюю работу Вронченко – перевод «Фауста» (1-й части и изложение 2-ой части, СПб., 1844).

Этот перевод ожидался читающей публикой с огромным интересом. В.Г. Белинский отметил в февральской книге «Отечественных записок» за 1843 г.: «Говорят, Вронченко перевёл первую часть “Фауста”. Приятная новость: можно ожидать, что переводчик... прекрасно передаст нам великое творение Гёте».⁵

Тургеневым сначала была написана информационная заметка о выходе «Фауста», являвшаяся своего рода прологом к развёрнутой статье, посвящённой новому переводу. В заметке Тургенев писал: «Самым отрадным и утешительным фактом русской литературы прошлого года был, без сомнения, бескорыстный и огромный труд г. Вронченко. Этот, можно сказать, подвиг нашего почтенного литератора лучше всего доказывает, что любовь и страсть к искусству могут существовать во всякое время».⁶

В последовавшей вскоре обширной статье Тургенев обстоятельно и глубоко проанализировал достоинства и недостатки перевода Вронченко. Тонкое художественное сопоставление немецкого подлинника и русского перевода было одним из главных намерений Тургенева-критика, которое он безукоризненно осуществил.

Статья показывает последовательность и объективность Тургенева в анализе текста и высочайшую требовательность к литературному ремеслу. Обобщая свои мысли, Тургенев отдаёт «полную справедливость добросовестной отчётливости, терпеливому трудолюбию Вронченко: он переводил “Фауста”, как говорится, с любовью – и многое, в особенности роль Мефистофеля, ему удалась.

Сцена у ведьмы, сцена в “Доме соседки...” очень хорошо переведены».⁷

Заканчивая статью, Тургенев подводит итог вышесказанному: «Всё, что мог только сделать добросовестный и трудолюбивый переводчик, исполнено г. Вронченко. Его переводы всегда приносили большую пользу: они знакомили публику с произведениями замечательными».⁸

Обстоятельный анализ перевода Вронченко в статье Тургенева не случаен: молодой писатель почти в то же время сам осуществил перевод «Фауста» (последнюю сцену 1-ой части). Как переводчик он будет неоднократно возвращаться к размышлениям об эстетических и стилистических критериях искусства перевода.

В своё время на перевод «Фауста» Вронченко появились положительные рецензии во многих периодических изданиях. Например, И.В. Киреевский похвалил Вронченко за то, что он «предпочёл бесцветность стиха ложному колориту».⁹

Честность, добросовестность и талант Вронченко оценили и после его смерти. Лучший журнал тех лет, «Современник» в лице И.И. Панаева почтил память литератора такими словами: «Имя г. Вронченко как переводчика Шекспира, Гёте, Байрона, Мура, Мицкевича останется почётным именем в русской литературе».¹⁰

Примечания

¹ Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь / Редкол.: П.А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1 (А-Г): М.: Сов. энциклопедия, 1989. (Русские писатели 11-20 вв.). С. 495.

² Там же. С. 494.

³ *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Письма. Т.1, С. 122-123.

⁴ Там же. Письма. Т. 1, С. 133.

⁵ ПСС и П (2). Соч.. Т.1, С. 494.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Там же. С. 228

⁸ Там же. С. 235.

⁹ Цит. по: *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 1. С. 497.

¹⁰ Русские писатели 1800-1917. С. 494.

Л.М. Александрова

«ВАШ ТАЛАНТ НЕИСТОЩИМ, КАК САМА ПРИРОДА». (И.С. Тургенев и Е.А. Ладыженская)

Переписка И.С. Тургенева со второстепенной писательницей второй половины 19 века Екатериной Алексеевной Ладыженской, стоявшей по своему духовному развитию выше большинства женщин своего круга, позволяет, в какой-то мере, судить о том, как воспринималось творчество Тургенева русским обществом 1850-х годов.

Е.А. Ладыженская, рождённая Дюклу, во втором браке Палтова (1828-1891) – автор рассказа «Лето в Гапсале», посвящённого Тургеневу («Русский вестник», 1856 г., № 4, кн. 2), повести «Неудавшаяся жизнь» («Русский вестник», 1858 г., № 4, кн. 1), сборника «Рассказы и очерки» (1859). Печаталась под псевдонимом С. Вахновская. Большинство её сочинений вызвало негативную оценку критики. Д.И. Писарев в статье «Схоластика XIX века» назвал её имя в одном ряду с именами «литературных посредственностей» типа Е. Нарской (Н.П. Шаликовой), Н.А. Основского.¹

В отрицательном тоне написана и рецензия Н.А. Добролюбова на сборник «Рассказы и очерки». И только рассказ «Современные толки», изображавший деятельность комитетов по крестьянскому делу, как пишет Добролюбов, «<...> доказывает нам, что у госпожи Вахновской есть и талант, и очень светлый взгляд на некоторые явления жизни».²

Знакомство Ладыженской с Тургеневым состоялось по её инициативе: осенью 1854 года она написала Тургеневу и предложила переписку; 10(22) или 17(29) января 1855 г. в Москве в их общих знакомых Ховриных они познакомились. Писатель несколько раз побывал у неё. По просьбе Тургенева с Ладыженской знакомится и В.П. Боткин, охарактеризовавший её в письме к Тургеневу от 3(15) февраля 1856 г. как «<...> несколько странную – но в сущности очень хорошую женщину <...>», перед которой «с уверенностью можно поставить +, а не -», заметив однако, что «... в натуре её нет поэтического, а головного раздражения немало».³

Тургенев находит эту характеристику верной. Писательница неоднократно обращалась к Тургеневу за литературными советами, в частности, по поводу рассказа «Из записок лекаря», повести «Три женщины» и др. И.С. Тургенев, в свою очередь, писал ей о работе над романом «Два поколения», посылал рукопись повести «Переписка», рассказывал о цензурных затруднениях в связи с её печатанием.

Они обсуждали литературные новинки: «Детство» и «Отрочество» Л.Н. Толстого, повести Д.В. Григоровича, повесть А.Ф. Писемского «Винювата ли она?», первую главу поэмы А.М. Жемчужникова «Мой знакомый», статью Е. Тур «Жизнь Жорж Санда».

Но в основном письма Ладыженской посвящены произведениям самого Тургенева, её любимого писателя. В первом письме Тургеневу, подписанном Муму, Ладыженская причисляет себя к тем читателям, которые «радуются появлению всякого нового творения» Тургенева, «как рождению ребёнка в семье родной». Обладая литературным чутьём, она высоко оценивала повести «Бретёр», «Постоялый двор», «Два приятеля», «Переписка», «Затишье», пьесе «Месяц в деревне», ценила «оригинальность» произведений Тургенева, которые «... постоянно напоминают нам действительность, но уж никак не другую книгу. <...> Ваш талант неисощим, как сама природа».⁴

Улавливая своеобразие поэтической манеры Тургенева, Ладыженская писала ему осенью (сентябрь-декабрь ст. ст.) 1854 г.: «Лучше Вас писать пельзя. <...> в “Записках охотника”, в “Муму”, в

“Двух приятелях”, в “Затишьё” Вы вывели множество типических лиц. Одним взмахом пера Вы изобразили их характеры, наружность, положения; Вы сняли дагерротип с их души и представили его читателю».

Понимала она и то, что писатель подготовлен для перехода от рассказа к роману: «Вы должны идти вперёд. Вы теперь достаточно подготовлены для большого труда», – писала она Тургеневу 23 марта (4 апреля) 1855 г.

Сохранилось двадцать писем Ладыженской к Тургеневу, написанных в период с сентября-декабря 1854 г. по июль 1856 г. (ИРЛИ 5807 ХХХ б. 97). 10 из них опубликованы. Ответные письма Тургенева неизвестны. Писатель упомянул о Ладыженской в письме к М.М. Стасюлевичу, редактору ж. «Вестник Европы» 28 января/9 февраля 1877 г. в связи с просьбой Ладыженской помочь опубликовать её рукопись «Л.И. Кропотский»: «Заговорив о дамах-писательницах, должен предуведомить Вас, что Вы, может быть, в скором времени получите от одной госпожи Палтовой (из Твери) продукт её музыки для помещения в “Вестнике Европы”. Я эту барыню некогда знал под именем Ладыженской, она пописывала и даже печатала нечто – кажется, в “Русском вестнике”, но ничего другого о ней сказать Вам не могу».

Рукопись опубликована не была.

Примечания

¹ Писарев Д.И. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1955-1956. С. 117.

² Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 5. М.-Л., 1961-1964. С. 208.

³ Никонова Т.А. Е.А. Ладыженская // Тургеневский сб. Вып. II. М.-Л., 1966. С. 354-356.

⁴ Там же. С. 360.

Л.М. Александрова

«ЭТО ЗНАМЕНИТОСТЬ И ВЕСЬМА АВТОРИТЕТНАЯ ЛИЧНОСТЬ» (И.С. Тургенев и В.П. Гаевский)

Гаевский Виктор Петрович (1826-1888), юрист, историк русской литературы, один из основателей Литературного фонда, с 1888 – его председатель, сотрудник ж. «Современник» и других периодических изданий.

В.П. Гаевский служил в Министерстве народного просвещения, но должен был оставить службу из-за сношений с А.И. Герценом. Позднее он был присяжным поверенным и несколько лет членом совета присяжных поверенных округа петербургской судебной па-

латы. С 1849 по 1859 гг. В.П. Гаевский принимал постоянное участие в критическом отделе «Журнала Министерства Народного Просвещения», сотрудничал в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 1860-х годов. Ему принадлежат статьи о сочинениях Е.И. Кострова («Современник», 1850 г.), о Сумарокове («Журнал Министерства народного просвещения», 1854 г.). Особенно занимался он Пушкиным и его эпохой и посвятил им несколько ценных статей: «Библиографические заметки о сочинениях Пушкина и Дельвига» («Отечественные записки», 1853 г.), разбор анненковского издания сочинений Пушкина («Отечественные записки», 1853 г.), «Дельвиг» («Современник», 1853-1854 гг.), «Заметки для биографии Гоголя» («Современник», 1853г.), «Празднование лицейских годовщин в Пушкинское время» («Отечественные записки», 1861 г.), «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения» («Современник», 1863г.), «О влиянии лицея на творчество Пушкина (Сборник «В память 50-летия кончины А.С. Пушкина», издание Лицея СПб., 1887 г.), «Пушкин и Кривцов» («Вестник Европы», 1887 г.), «Перстень Пушкина», «Заметки о Пушкине» (Там же, 1888 г.).

Некоторые принадлежавшие ему автографы Пушкина находились в Пушкинском музее при лицее, часть его бумаг хранилась в Императорской Публичной библиотеке.

Имя В.П. Гаевского было известно Тургеневу уже в 1853 г., когда в ж. «Современник» начали печататься его статьи «Дельвиг»; о первой из них Некрасов 20 января ст. ст. 1853 г. сообщал Тургеневу: «Гаевский написал прекрасную статью о Дельвиге» (Некрасов, т. 10, с. 187).

6/18 марта 1853 г. Тургенев из Спасского писал И.И. Панаеву: «Получил <...> 2 № “Современника” <...> весьма любопытная статья Гаевского о Дельвиге». В письме П.В. Анненкову от 25 мая/6 июня 1853 г. Тургенев одобряет его отзыв о статье Гаевского о Дельвиге: «Очень умно Вы говорите о статье Гаевского».

Личное знакомство Тургенева с Гаевским состоялось, по видимому, после возвращения писателя из ссылки. 27 декабря 1853 г./8 января 1854 г. Тургенев обедает у И.И. Панаева, где присутствуют Д.В. Григорович, А.В. Дружинин, В.П. Боткин, В.П. Гаевский, И.Ф. Михайлов, М.А. Языков, А.Я. Брянский. В начале 1854 г. Тургенев часто встречается с Гаевским: 3/15 января 1854 г. на вечере у И.И. Панаева в присутствии М.А. Языкова, С.М. Воробьёва, А.А. Фета, А.А. Потехина, А.В. Дружинина, С.С. Дудышкина, А.Я. Брянского. 14/16 января 1854 г. – на «четверге» у А.А. Краевского, где были также А.А. Фет, С.С. Дудышкин, Е.Ф. Корш, С.А. Левицкий с женой, В. Зотов, Т.Н. Грановский; 27 февраля/

11 марта 1854 г. – на вечере у Е.Н. Ахматовой в присутствии А.В. Никитенко, Н.А. Некрасова, В.В. Стасова, О.И. Сенковского; 28 февраля/12 марта 1854 г. – на обеде у И.И. Панаева, где были П.В. Анненков, Д.В. Григорович, А.А. Фет, М.Н. Лонгинов, Н.А. Краснокутский.

Осенью 1854 г. В.П. Гаевский ведёт переписку с А. Видертом, первым переводчиком рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» на немецкий язык, о его переводе 1-й части «Записок охотника», которые вышли в Берлине в начале октября 1854 г.

Тургенев и Гаевский были участниками обеда 17 февраля/11 марта 1855 г. в честь П.В. Анненкова, на котором его участники преподнесли П.В. Анненкову 1-й том изданных им «Сочинений А.С. Пушкина», а также труд Анненкова «Материалы для биографии А.С. Пушкина» с надписью: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта Павлу Васильевичу Анненкову от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17-го февраля 1855 г.» Подписи: Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Николай Некрасов, Александр Дружинин, Михаил Михайлов, Алексей Писемский, Аполлон Майков, Виктор Гаевский, Евгений Корш, Михаил Языков, Алексей Жемчужников, граф Алексей Толстой, Николай Гербель, Иван Арапетов, Яков Полонский.

2/14 февраля 1864 г. на общем собрании членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным (Литературного фонда) Тургенев и Гаевский были избраны в Комитет Общества вместе с Е.П. Ковалевским, Г.А. Щербатовым, Ф.М. Достоевским, Н.А. Некрасовым, К.Д. Кавелиным, И.С. Аксаковым и др.

Весной 1870 г. Тургенев посетил Гаевского в Петербурге вместе с В. Рольстоном, 13/25 марта 1872 г. в день приезда в Петербург писатель обедал у Гаевского. Тургенев часто общается с Гаевским весной 1879 г. в связи с литературными вечерами в пользу Литературного фонда. Они встречаются на литературном вечере 9/21 марта 1878 г., на литературном вечере в Петербургском Благородном собрании, где Тургенев выступил с чтением рассказа «Бурмистр». 30 марта/11 апреля 1880 г. в том же зале Благородного собрания Тургенев читал рассказ «Малиновая вода», отрывки из романа «Дворянское гнездо». Они встречаются также дома у Тургенева и у Гаевского, в Шахматном клубе.

24 апреля/6 мая 1880 г. Тургенев рекомендовал г-ну Комманвилю, своему парижскому знакомому, через Г. Флобера В.П. Гаевского в качестве адвоката в его коммерческих делах в России. «Это знаменитость и весьма авторитетная личность», - писал он о Гаевском Г. Флоберу.

15/27 февраля 1880 г. в записке В.П. Гаевскому Тургенев пишет о своём уважении к нему. 27 апреля/9 мая 1880 г. Комитет Литературного фонда избрал Тургенева и Гаевского вместе с А.А. Краевским, Д.В. Григоровичем, А.А. Потехиным депутатами «Общества» на Пушкинские торжества, посвящённые открытию памятника Пушкину в Москве. Торжества проходили в Москве с 5/17 по 8/20 июня 1881 г.

Тургенев встречался с Гаевским 15/27 июня 1880 г. в Буживале. 1/13 ноября 1880 г. Тургенев из Буживаля посылает Гаевскому для организованной им Пушкинской выставки в Петербурге (выставка проходила с 19/31 октября 1880 г. по 8/20 января 1881 г.) автограф А.С. Пушкина, принадлежавший семье Н.И. Тургенева. 8 декабря /6 января 1881 г. Тургенев просил Гаевского принять Поля Виардо и представить его у Паскевичей.

Судя по письму Тургенева Гаевскому от 17/29 декабря 1882 г., последний высоко оценил «Стихотворения в прозе» Тургенева: «Ваше одобрение служит мне ручательством того, что их стоило напечатать».

В.П. Гаевский возглавил комиссию по организации похорон Тургенева, о которых оставил свои воспоминания («Красный архив», 1940, № 3); хлопотал о получении от П. Виардо последних произведений Тургенева, обращался к В. Рольстону и другим корреспондентам Тургенева с просьбой передать письма писателя для обнаружения в первом собрании его писем (1884 г.), редактором которого он был.

В.П. Гаевский впервые напечатал стихотворение в прозе Тургенева «С кем спорить?» в книге «XXV лет. 1859-1884 г. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным» (СПб., 1884, с. 272).

Известны 18 писем Тургенева к В.П. Гаевскому (1879-1882) и один конверт несохранившегося письма (ГПБ), а также 2 письма Гаевского к Тургеневу (Сб., ГПБ, 1955, с. 81 и «Литературный архив», вып. 4, с. 304).

Литература

¹ Алексеев М.П. В.П. Гаевский и В.Р. Рольстон о Тургеневе // Т. сб., вып. 1, Л., 1964. С. 335-344.

² Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818-1858) // Составитель Н.С. Никитина. СПб., 1995

³ Дружинин А.В. Дневник. М., Наука, 1986.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. XII₂ Л., Наука, 1967.

ДВОРЯНЕ КАРПОВЫ – ЗНАКОМЫЕ СЕМЬИ ТУРГЕНЕВЫХ

Знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев в течение всей своей плодотворной жизни успел познакомиться (как шапочно, так и достаточно близко) с множеством интересных или совсем незначительных личностей из самых разных слоёв российского общества. Некоторые из них были соседями по имениям его родителей. Вот об одном из таких семейств с очень распространённой на Орловщине дворянской фамилией «Карповы» и пойдёт далее речь.

120 четей в вотчину...

Известный тургенеved Николай Чернов называл их «провинциальными нигилистами» и говорил, что «в Мценске и Орле они пользовались скандальной известностью». Впрочем, на самом ли деле они были скандалистами, или людская молва сделала их такими – об этом история умалчивает. А пока несколько слов скажу о старинном роде дворян Карповых. Приводимую ниже информацию я почерпнул в протоколах Орловского дворянского депутатского собрания за 1827, 1830, 1851 и 1866 годы, когда на его заседаниях рассматривались дела о дворянстве представителей этого семейства.

Оказалось, что предок Карповых Фёдор Афанасьевич имел поместье в деревне Булгаковой и в пустошах Абакумовской и Каравиенки Калужского уезда. За верную службу царь Михаил Фёдорович Романов своей грамотой от 17 января 1622 года пожаловал ему это поместье площадью 120 четей¹ (*четь – 0,5 десятины – А.П.*) в вотчину. На всякий случай объясню разницу: поместье как земельное владение давалось за службу и могло быть отобрано с её прекращением, а вотчина – это наследственное земельное владение.

Кроме калужского имения уже через два года за Фёдором Афанасьевичем Карповым значилось поместье и в Болховском уезде – «...пустошь, что была деревня Вязовая»², в котором насчитывалась 201 десятина земли (в том числе – 67 десятин пашни). Потомки Ф.А. Карпова продолжали верно служить царям: сын Андрей Фёдорович – «на коне с саблею», внуки Андрей Андреевич и Иван Андреевич – числились по «московскому списку». И потому понемногу

увеличивались в размерах карповские земельные владения: в XIX веке их площадь приблизилась к тысяче десятинам.

Деревня же Вязовая Болховского уезда, после постройки в ней Андреем Ивановичем Карповым Богородице-Владимирского храма, превратилось в село (*в большинстве документов оно называлось Вязилки – А.П.*), рядом с которым была выстроена Карповыми усадьба.

Почётный смотритель Болховского училища

После смерти братьев Андрея и Ивана Андреевичей Карповых их имение в 1805 году перешло по наследству к правнуку основателя рода – Дмитрию Ивановичу Карпову. В 1806 году он числился коллежским ассессором, и ему принадлежало в селе Вязилки и близлежащем сельце Каменка (Болховского уезда) 525 крепостных крестьян. Кроме того усадьбу и помещичий дом обслуживало 76 его дворовых людей³. То есть, вопреки мнению некоторых тургеневедов о небольшом богатстве Карповых, это семейство в начале XIX века обладало очень приличным состоянием. Правда, за 10 последующих лет количество крепостных и дворовых людей, принадлежавших Дмитрию Ивановичу, заметно уменьшилось – до 432-ух душ в 1815 году⁴, что говорит или о не слишком умелой хозяйственной деятельности, или о каких-то иных проблемах.

Вполне возможно, что в молодые годы Дмитрий Карпов мало внимания уделял хозяйству – по причине занятости на службе – военной и статской. К 1832 году он получил чин надворного советника (седьмой в «Табели о рангах»), а к 1838 году – уже и коллежского советника (*шестой в «Табели о рангах», что соответствовало званию полковника в армии – А.П.*). Кроме того, Дмитрий Иванович Карпов, несколько лет занимая должность «Почётного смотрителя Болховского уездного училища», вложил в его благоустройство более 40 000 рублей. За такое значительное пожертвование он 22 марта 1835 года «Всемилощивейше был пожалован Кавалером ордена Святого Владимира 4-ой степени»⁵. Орден орденом – но затраты Дмитрий Иванович понёс солидные.

Если же к этим расходам приплюсовать ежегодные балы и праздники, которые давались в имении Карповых по инициативе супруги хозяина Марии Михайловны (*урождённой Шишкиной – А.П.*), и увлечение самого Дмитрия Ивановича картами, то, наверное, можно понять причины некоторого «усыхания» полученного наследства.

Между тем, семья у Дмитрия Ивановича и Марии Михайловны была большая: шестеро детей (Николай, Елизавета, Аркадий, Павел, Наталья, Сергей), на воспитание и образование которых требова-

лись немалые средства. А семейная жизнь родителей дала вначале трещину, а потом и вовсе пошла под откос – они развелись.

«Пена на квасу...»

Но, несмотря на пересуды соседней о Карповых Варвара Петровна Тургенева, у которой у самой не всё ладно было в семье, выделяла среди соседок по имениям именно Марию Михайловну Карпову – как равную, образованную собеседницу, переписывалась с ней, а иногда опекала её детей.

К примеру, старший из сыновей Карповых, Николай (по прозвищу «Мягкий») жил у Тургеневых в Москве и, по всей видимости, обучался у их домашних наставников. Впоследствии Николай Карпов закончил Московский университет, увлекался литературой и любил рассуждать о ней.

В эпоху появления романа «Отцы и дети» Николая и второго по старшинству брата Аркадия Карповых в орловской провинции часто сравнивали с Кирсановыми, персонажами этого популярного тургеневского произведения. Как раз тогда в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии поступил доклад «О распространении нигилизма между молодёжью и дамами в Орловской губернии», в котором сообщалось о Николае Карпове. Якобы он первым в Орле провёл идею о нигилизме. Николай и Аркадий Карповы считались «союзниками Чернышевского» и активно (в меру своего понимания) пропагандировали на Орловщине прогрессивные взгляды. Впрочем, впоследствии они очень быстро от этих взглядов отказались, став яркими критиками «нигилизма».

Иван Сергеевич Тургенев хорошо знал обоих братьев и достаточно точно оценил их «духовные» метания: «... *Все наши так называемые направления – словно пена на квасу: смотришь – вся поверхность покрыта – а там и ничего нет, и след простыл*»⁶.

Старший из двух братьев-нигилистов Николай Дмитриевич Карпов в истории русской литературы известен также дружбой с нашим поэтом-земляком Алексеем Апухтиным. Когда в 1873 году Карпов скоропостижно скончался, то его товарищ откликнулся на эту смерть стихотворением «Памяти Н.Д.Карпова». Я процитирую из него два четверостишия:

*Полвека прожил ты, по каждый день милей
Казалась жизнь тебе, – ты до конца был молод.
Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.*

*Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой я шел на свете,
Что, вылив из души неволью строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!*

Загадки одной вдовы

Отставной поручик Аркадий Дмитриевич Карпов прожил ещё меньше брата и умер в 40 лет, оставив вдовой жену, с пятью несовершеннолетними детьми (*младшему, Дмитрию, шёл только пятый год – А.П.*).

Вот здесь возникает очень любопытный момент. Н.М.Чернов в очерке «Провинциальные нигилисты» пишет (цитирую отрывок): «*Екатерина Никаноровна Шеншина, в замужестве – Карпова, – из болховской ветви рода, скорее однофамильцев, чем родственников Фета. После смерти Аркадия она вышла замуж за Н.П.Барышникова. Также из круга знакомых Тургенева*»⁷. А в своей «Спасско-Лутовиновской хронике» Николай Михайлович сообщал, что Е.Н. Шеншина оставила Н.П.Барышникова и вышла замуж за Карпова⁸.

Но документ, обнаруженный мною в ГАОО, позволяет сказать, что женой Аркадия Дмитриевича Карпова была совсем другая женщина. Итак, цитирую:

«1866 года, февраля 22 дня, по Указу Его Императорского Величества, Орловское Дворянское Депутатское Собрание слушали дело о дворянстве детей умершего поручика Аркадия Дмитриевича Карпова: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия. Обстоятельства дела сего следующие:

*Поручик Карпов, собранием Сим, по определению 20 мая 1829 года внесён в 6-ую часть дворянской родословной книги. В 11-ый день октября 1865 года вдова поручика, **Татьяна Михайловна Карпова** (выделено мною – А.П.), вошла в Депутатское собрание с прошением о внесении в дворянскую родословную книгу детей ея: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия и выдаче им документов о дворянстве, причём, представила Указ об отставке умершего мужа, поручика Аркадия Дмитриевича Карпова, данный ему 5 сентября 1846 года за №5730 и метрические свидетельства Орловской духовной Косистории от 24 февраля 1864 года за №№ 1762, 1763, 1764, 1765 и 1766 о рождении помянутых детей ея»⁹*

Н.М.Чернов, говоря о жене Аркадия Карпова, ссылаясь на доклад «О распространении нигилизма в Орловской губернии»¹⁰, но, видимо, в него (или интерпретации самого документа) вкралась явные

ошибки. И, вполне вероятно, теперь можно реабилитировать вдову покойного поручика.

Полковнику, однако, пишут

Ну и в конце стоит сказать, конечно, о самом младшем из братьев Карповых – Сергее, которого Иван Сергеевич Тургенев также хорошо знал и изредка писал ему письма. Сергей Дмитриевич был известен как журналист и литератор (в 1875 году составил «Начальный курс географии»). Начав со службы статской, он стал профессиональным военным, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, дослужился до полковника. Однако Сергея Дмитриевича, как и старших братьев, ждал ранний печальный конец: тяжело заболел, он был помещён в психиатрическую лечебницу, где и умер.

И, наконец, несколько слов о сёстрах Карповых. Старшую Елизавету, 1822 года рождения, Варвара Петровна Тургенева метила себе в невестки (знала, что сын Иван какое-то время был влюблён в неё), но – не срослось. Елизавета Дмитриевна впоследствии вышла замуж за помещика Николая Никитича Шеншина, жившего в селе Ближнее Волково неподалёку от Мценска, стала образцовой матерью и замечательной хозяйкой.

Младшая сестра Наталья Карпова, связала свою судьбу с выходцем из западных российских губерний Александром Нилусом, сыном генерал-майора. От этого брака родился в 1862 году всемирно известный ныне религиозный писатель Сергей Нилус. Но это – уже отдельная история. Вот такие они были – знакомые семейства Тургеньевых, калужские и болховские дворяне Карповы.

Примечания

¹ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165.

² ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165.

³ ГАОО, Ф.101, оп.1, ед.хр. 330.

⁴ ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.330.

⁵ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.27, л. 18.

⁶ *Тургенев И.С.* Письма, Т. 7. С.10.

⁷ *Чернов П.М.* Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. М., 2003. С. 186-18.

⁸ *Чернов Н.М.* Спасско-Лутовиновская хроника. М., 1999 С. 216.

⁹ ГАОО, ф.68, опись 1, ед.хран.42, л.л.9-10.

¹⁰ О распространении нигилизма в Орловской губернии, РГА, ф.109, оп.5, ед.хр.253.

III.

*По Тургеневским
местам*

г. Мценскъ. № 5
Троицкая улица; Городское училище.

Берлинский университет в наши дни

«МОЙ АДРЕС... ГОРОД МЦЕНСК...»

Тургенев писал 5 (17) июня 1874 года из Спасского Эмилию Золя: «Если у вас есть атлас, отыщите на нем карту России и проведите пальцем от Москвы по направлению к Черному морю; на вашем пути – немного севернее Орла – вы обнаружите город Мценск. Так вот! Моя деревня находится в 10 километрах от этого места с довольно труднопроизносимым, как видите, названием. Это совершенная глушь – тихая, зелёная, печальная».¹ Мценск – старинный русский город с богатой историей, сыгравший важную роль в защите московского государства, имевший в свое время многочисленные памятники архитектуры и культуры, включен в список городов, представляющих историческую ценность.

О Мценске впервые упоминается в Никоновской летописи 1146 года, в период междоусобных войн Новгород-Северского и Черниговского княжеств за овладение землей вятичей, но историки считают, что как поселение город существовал еще раньше. Жизнь и творчество Тургенева неразрывно связаны с этим старинным русским городом, история города Мценска и Мценского уезда освещалась мценскими краеведами, но сведения о Тургеневе во Мценске ещё далеко не полны. В уездном Мценске протекала жизнь нескольких поколений Лутовиновых, В.П. Тургеневой, других родственников писателя. Во Мценске Тургенев бывал почти во всякий свой приезд на родину. Сюда его приводили хозяйственные и имущественные дела, встречи с соседями и знакомыми. Мценские впечатления Тургенева нашли отражение при создании образа уездного города в поэме «Андрей», в повестях «Затишье», «Дневник лишнего человека», «Призраки». В рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» дворовый Поликарп допытывается у двенадцатилетнего внука Васи: «Русский ты? – Не задумываясь, Вася отвечает: «Я амчанин, тятя: в Амченске родился». – «О, глупая голова! Да Амченск-то где?» – «А я почем знаю?» – «В России Амченск, глупый». В примечании к рассказу Тургенев пишет: «В простонародье город Мценск называют Амченском, а жителей амчанами. Амчане ребята бойкие; недаром у нас недругу сулят «амчанина во двор»».²

Одного из героев повести «Постоялый двор» Акима Семенова можно было застать «...вместе с другими странниками, на паперти Николая Чудотворца во Мценске».³

До 1708 года Мценск управлялся восводами. Первым воеводою во Мценске был литовский наместник Григорий Протасьев, а 60е-70е

годы 17 века в истории города связаны с деятельностью предка Тургенева Марка Трофимовича Лутовинова.⁴ Участник войн и походов, отличавшийся храбростью, Марк Трофимович Лутовинов в это время значительно расширил свои владения. Лутовиновы при Марке Трофимовиче получили во владение поместья на Сыче-колодезе и реке Алешне в южной части Мценского уезда. Эти имения сохранились за семьей до тургеневского времени. Видным человеком во Мценском уезде был основатель спасской усадьбы И.И. Лутовинов. Лутовиновская усадьба во Мценске находилась в приходе церкви Воскресения Христова рядом с казенным корпусом через переулочек от дома Н. И Шеншина, владельца села Ближнее Волково, тайного советника, обер-прокурора Правительствующего Сената, библиофила, знакомого В.П. Тургеневой. И.И. Лутовинов умер в своем мценском доме 8 декабря 1813 года, смерть его была засвидетельствована мценским уездным «штаб-лекарем Филипповичем в присутствии исполняющего обязанности стряпчего уездного суда Андреянова».⁵

Во мценском уездном суде решались дела о наследственных имениях И.И. Лутовинова: 19 декабря мценский уездный суд утвердил В.П. Лутовинову наследницей ее дяди И.И. Лутовинова, а 13 марта в связи с возникшими спорными исками подтвердил свое решение об отдаче движимого и недвижимого имущества, оставшегося после И.И. Лутовинова, его племяннице В.П. Лутовиновой. В 1820 году В.П. Тургенева продала мценский каменного строения дом в приходе церкви Вознесения Христова. Впоследствии во Мценске ею был нанят другой дом.

Мценские реалии были неотъемлемой частью жизни Спасской усадьбы и детства Тургенева. В комедии А. Шаховского, поставленной в Спасском, много местных реалий: место действия на почтовом дворе по белевской дороге, неподалеку от Спасского, «белевский откупщик», «немец-эконом из Мценска», диалог «об охоте за Мценском на зайцев» и т.д.

После пожара 1839 года В.П. Тургенева уехала сначала в Петровское, а затем во Мценск, откуда писала И.С. Тургеневу в Берлин 28 мая 1839 года: «Я тебя прошу, ежели только возможно, поспешить своим приездом. Но! куда? В Мценск, в лачужку..Спасского нашего нету, ты найдешь мать в уездном городе, в переулке. Я не бываю в Спасском...»⁶

В письмах мать часто сообщает сыну мценские новости: о волке, ворвавшемся во Мценск, о святочных маскарадах, о Тришке, появившемся в их местах. В 1850 году после долгих семейных неурядиц во Мценском уездном суде В.П. Тургенева передает И.С. Тургеневу во владение деревню Любовшу Новосильского уезда, ве-

роятно, тогда же сыновья были введены во владение имением отца в селе Тургенево Чернского уезда.⁷

Тургенев почти в каждый свой приезд в Спасское бывал во Мценске, ходил по старым улицам, встречался с горожанами, бывал в здании городской думы, на пристани, на вокзале, на почте, стоявшей на перекрестке улиц Старо-Московской и Георгиевской. Во время Великой Отечественной войны город был почти полностью разрушен, но некоторые старые здания сохранились и могут помочь хотя бы в какой-то мере воссоздать облик тургеневского Мценска.

Желая дать друзьям представление о местоположении своей усадьбы, Тургенев часто упоминает Мценск. Спасское находилось недалеко от «Орловского шоссе» – дороги, которая вела из Москвы в Тулу, Орел, Курск и далее на юг. С шоссе сворачивали в двух местах: либо на станции Богослов (Богуслово), либо во Мценске. Об этих дорогах Тургенев писал Анненкову: «...сообщение с Москвою по шоссе очень легко – мы от нее всего в 280 верстах. Ко мне сворачивают от Богословской станции – между Чернью и Мценском – стоит спросить Спасское-Лутовиново – все ямщики знают здешнее место, от Богослова до нас 6 верст».⁸ «Найти меня очень легко. Спросить во Мценске Спасское или, еще лучше Лутовиново, и всякий Вас доведет. Я от Мценска в 9 верстах».⁹

В 1868 году было открыто движение по железной дороге от Москвы до Тулы. Впервые по железной дороге от Москвы до Мценска Тургенев проехал в июне 1874 года, а 5(17) июля 1874 года Тургенев писал Ю.П. Вревской о том, как можно было добраться от железной дороги до Спасского: «На всякий случай скажу Вам, что на Орловско-Курской железной дороге между Мценском и Чернью есть полустанок Бастыево – и мое Спасское-Лутовиново от него в 4-х верстах., но в Бастыеве лошадей нет и надо знать, когда гости приезжают и высылать к ним лошадей; от Мценска же Лутовиново в 10 верстах., и в Мценске лошади всегда есть, и Спасское-Лутовиново *est connu comme le loup blanc*» (известно как белый волк).¹⁰

С начала 70-х годов 19 века дорога Мценск – Спасское стала основной дорогой, связывавшей усадьбу писателя с остальным миром. По ней Тургенев часто проезжал, когда еще не было железной дороги и существовало только «Орловское шоссе». По этой же дороге он добирался до Спасского с железнодорожного вокзала Мценска в 1870, 1872, 1874, 1878, 1880 и 1881 годах. Таким же путем приезжали к Тургеневу Л.Н. Толстой, А.А Фет, Ю.П. Вревская, М. Г. Савина, Я. П. Полонский с семьей и другие гости.

16 мая 1880 года Тургенев прибыл во Мценск для встречи с проехавшей на юг М.Г. Савиной и сопровождал ее до Орла. 14 июля

1881 года Тургенев встречал Савину во Мценске, а 18 июля провожал ее с мценского вокзала.

Как вспоминал Я.П. Полонский, летом 1881 года Л.Н. Толстой в телеграмме, сообщавшей о его прибытии во Мценск, перепутал дни. «Граф, по железной дороге приехав во Мценск, – писал Полонский, – разумеется не нашел тургеневских лошадей и нанял ямщика свезти его в Спасское. Ямщик долго ночью плутал и только к часу ночи кое-как добрался до Спасского».¹¹

Из окон прибывающего поезда Тургенев и его гости видели уездный город Мценск примерно таким, каким его описал в начале 20 века А. Фирсов: «... поезд вынырнул из выемки и пробежал по мосту через реку Зушу. Налево, впереди, виден красивый городок, утопающий в садах, и среди зелени резко белеют его одиннадцать храмов. Направо виден повышенный берег реки – он весь зеленый, с своими церковками и уютными дачками, слегка окутанный дымком, далеко уходит на запад. У семафора громкий свисток быстро мчавшегося дотоле паровоза. Налево у железнодорожного полотна – большое здание элеватора, построенное в памятный голодный (1891) год на средства комитета Наследника, а за элеватором – товарный пакгауз и пассажирская платформа приличного двухэтажного каменного вокзала».¹²

Железнодорожный вокзал находился в заречной части Мценска, носившей название Балчуг. Здание вокзала, выстроенное в 1868 году, сохранилось во Мценске до наших дней. На нем установлена мемориальная доска с надписью: «На мценском вокзале останавливались писатели И.С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А.А. Фет». О предстоящих приездах в Спасское-Лутовиново писатель заранее уведомлял своего управляющего, и тот высылал на мценский вокзал экипаж. Если же Тургенев приезжал с гостями, то высылались несколько экипажей, а также телега для багажа. Покинув вокзал, Тургенев отправлялся к переправе через Зушу. В 19 веке Зуша была судоходной рекой. Ширина ее в пределах Мценского уезда достигала 50 метров. Важным объектом в жизни города была пристань. Сюда доставляли товары из Чернского, Новосильского, Болховского, Малоархангельского и других уездов Орловской губернии. Из Мценска вывозили большое количество хлеба, скота, масла, кож, меда, воска, заводские и кузнечные изделия. В городе работали сукновальные, кожевенные, прядильные, мукомольные, бумажные, свеклосахарные и другие заводы, которые отправляли свою продукцию с пристани в Серпухов, Москву, Коломну и другие города. Вдоль реки, рядом с причалами пристани селились лоцманы, бурлаки, грузчики, поселение впоследствии было названо улицей Набережной (ныне улица И. Но-

виков). Паромная переправа через Зушу предназначалась для людей и подвод. А.А. Фет, совместно с И.П. Борисовым посещавший Н.Н. Толстого в Никольско-Вяземском, упоминает мценскую переправу: «Оказалось, что Новоселки в недалеком расстоянии от Никольского, куда, однако, надо было ехать по довольно фантастической дороге, начиная с переправы через р. Зушу вброд, бывавший большею частью по колено лошади, но доходивший иногда и до груди, а иногда и совершенно подтопленный мценскою городской мельницей, что, впрочем, бывало редко и на короткий срок при наборе воды под барки».¹³ Сохранилась фотография 1910 года, на которой запечатлен Л.Н. Толстой на паромной переправе через реку Зушу во Мценске.

После открытия в 1868 году участка железной дороги от Орла до Москвы, торговые связи стали осуществляться другим путем, и пристань постепенно утратила свое былое значение. Тургенев въезжал в город по Троицкой улице, которая носила также еще название Белевской.

М.А. Щепкин, автор «Воспоминаний об И.С. Тургенева и селе Спасском», писал: «...При выезде из города по Троицкой улице дорога поднимается на Виселевскую гору, с вершины которой развевается красивая панорама города Мценска. Дорога идет большим Белевским трактом, вдоль правого берега реки Зуши; по тому же берегу также идет и линия железной дороги, пересекающая Белевский тракт <...>. Первая подгородная деревня на этом тракте – Нижняя Зароща...»¹⁴ На Троицкой улице Тургенев мог видеть здание уездного училища, построенное почетным смотрителем Тиньковым в 1842 году и переданное казне. Впоследствии здесь учились выдающийся математик А.П. Киселев и писатель И.А. Новиков. Здание училища сохранилось до наших дней, теперь в нем располагается средняя школа №3. Неподалеку от училища находится церковь Живоначальной Святой Троицы (Троицкая), построенная в 1770 году на средства Мценского купца А.И. Иноземцева (по другим источникам – в 1774 году Филиппом Иноземцевым). Колокольня при церкви построена в начале 19 века. В 1841 году рядом с церковью на средства купца О.И. Солпякова была открыта богадельня. Тургенев часто проезжал мимо Троицкой церкви, поднимаясь на Висельную гору. Она возвышается на правом берегу Зуши. Вид с горы навсегда запечатлелся в сознании писателя и возбуждал в его душе особые по глубине и силе переживания. Отвечая на письмо И.П. Борисова, Тургенев писал из Парижа: «Оно (письмо) возбудило во мне желание побывать опять в наших некрасивых и неудобных – но почему-то привлекательных местах. – Кто мне растолкует то отрад-

ное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного – а мне весело. Это и есть чувство родины».¹⁵

В наше время эти слова Тургенева широко цитируются при описании Мценска, а Висельная гора стала литературной достопримечательностью города.

Интерес Тургенева к землякам и Мценску был постоянным. Мценск звучит в переписке Тургенева, названия сел, деревень, роц, дворянских усадеб Мценского уезда встречаются на страницах многих его произведений. В письме к Фету от 18 (30) июня 1859 года Тургенев просит известить его «обо всем на свете»: о «мценском соборе», «о количестве грачей, о том продолжают ли они играть над кручью Висельной горы», «о пароме на Зуше», «об обгрызенных раритах по дорогам».¹⁶

6(18) октября 1853 года Тургенев писал П.В. Анненкову из Спасского: «А я здесь – ...сделал множество знакомств – и почти все интересных – с какой-нибудь точки зрения. Живу, батюшка, провинциальной жизнью, во всю ее ширину. Впечатление подобное тому.., но и не приищешь сравнения. И не потому, чтобы оно было душно – а потому, что оно действительно ни на что другое не похоже».¹⁷ На некоторых улицах города уцелели здания, которые мог видеть Тургенев. Так на улице Старо-Московской (ныне улица Ленина) сохранилось несколько строений, определявших архитектурный облик города. Дом С.Н. Шеншина отличается интересной архитектурой и высоким качеством штукатурки стен, сохранявшейся вплоть до наших дней такой, какой она была при строительстве здания. Об этом доме упоминает А.А. Фет: «Семен Николаевич Шеншин... занимал лучший во всем городе двухэтажный дом с жестяными львами на воротах. Львы эти и по сей день разевают на прохожих свои пасти, выставляя красные железные языки».¹⁸ На этой же улице сохранилось здание, в котором ранее находился постоялый двор. Описывая свое возвращение с сестрой Н.А. Шеншиной из-за границы, Фет писал: «...Но вот опять пришлось пускаться по океану снегов и ухабов. Наконец добрались мы до родимого города Мценска, и здесь тарантас наш остановился против постоянного двора с вольными ямщиками, так как приходилось сворачивать с почтового тракта за 7 верст в Новоселки. Пошла так называемая вольная ряда... Вокруг тарантаса поднялся неописанный шум и перебранка...».¹⁹ Как во многих русских городах, во Мценске имелись торговые ряды. Они были построены в середине 19 века по проекту архитектора Попова на Торговой площади города Мценска и сохранились до наших дней. В 60-е годы 20 века при восстановлении разрушенных во время во-

йны рядов был надстроен второй этаж, который не нарушил исторического облика здания, и они по сей день украшают центральную площадь города. Улицы Старо-Московская и Ново-Московская были когда-то административным центром города. Мценский краевед В.Ф. Аниканов пишет о том, что в 1878 году к приезду Екатерины Второй недалеко от центра на Троицкой улице было построено двухэтажное здание из кирпича, где Императрица провела ночь.²⁰ Позже в этом здании разместили присутственные места. В 1870 году, когда в Спасском гостил английский филолог Рольстон, Тургенев возил его во Мценск, знакомил с русской уездной жизнью, возможно, в одном из зданий Старо-Московской улицы они присутствовали на съезде мировых судей и посредников, сидя на местах для публики, о чем упоминает А.А. Фет: «Я приехал...к мировому съезду и был очень удивлен, увидавши Тургенева на скамьях, предназначенных для публики. Нетрудно было догадаться, что сидящий с ним рядом средних лет мужчина – англичанин Рольстон, которого, показывая ему разного рода русские диковинки, Иван Сергеевич привел на мировой съезд».²¹

В правобережной части города сохранилось немало старых домов, построенных в 18-19 веках, принадлежавших, в основном, мценским купцам: Свечкиным, Половневым, Юдиным, Иноземцевым. В здании бывшей мужской гимназии находится современная гимназия г. Мценска. В доме, принадлежавшем купцам Иноземцевым (постройка 18 века), по легенде произошли трагические события, давшие Н.С. Лескову сюжет для его повести «Леди Макбет Мценского уезда». В настоящее время в здании расположено городское Управление внутренних дел. В 1856 году в уездном Мценске насчитывалось 11 церквей, 1459 домов, 248 лавок. Одним из старейших памятников архитектуры является расположенная на высоком берегу Зуши церковь Петра и Павла, построенная в 17 веке. Она была соборным храмом Мценского мужского Петропавловского монастыря. В 1694 году монастырь был переведен на новое место, а церковь обращена в приходскую. В 30-е годы 20 века церковь была закрыта. Вновь открыта как действующая в 1947 году. Несмотря на длительную и сложную историю Петропавловская церковь хорошо сохранилась, она расположена на высоком холме и придает городу своеобразие и узнаваемость. Во Мценске сохранилось и еще несколько храмов, которые видел И.С. Тургенев. На высоком холме у устья реки Мецны расположена церковь Вознесения (Михаила Архангела). Когда-то она была церковью Михайло-Архангельского женского монастыря, закрытого в 1764 году, после чего церковь стала приходской. В сентябре 1744 года, возвращаясь из Киева с богомолья, во Мценске по-

бывала императрица Елизавета Петровна, пожаловавшая обители денежное пособие на постройку колокольни. Церковь Вознесения была закрыта в 1938 году. В годы войны она очень пострадала, а после ремонта 1949 года, в ходе которого разобрали руины алтарной апсиды, расчистили задний портал, а само здание накрыли крышей сложной формы, она стала походить на жилую постройку 17 века и под названием «Дома боярина» вошла в краеведческую литературу и в обиходную речь жителей Мценска. С 1995 года церковь Вознесения стала, как и прежде, одним из действующих храмов, встречающих гостей города.

На левом берегу Зуши за железной дорогой находилась церковь Святого Кукши, рядом с нею – Георгиевская, на Балчуге – церковь Михаила Архангела, на правой стороне реки – Никитская церковь, один из лучших памятников классицизма в Орловской губернии. В Никитской церкви с 23 по 25 января 1826 года находилось тело императора Александра I на пути из Таганрога в Петербург.

На базарной площади стоял Пятницкий храм, на старом кладбище Харлампиевская церковь, на Старо-Московской улице – церковь Кирика и Улиты.

Отдельного упоминания заслуживает удивительный по красоте и величию знаменитый мценский кафедральный Николаевский собор, взорванный в 1930-е годы. «Главной святыней собора являлся чудотворный деревянный образ Святого Николая Чудотворца... к которому ежегодно приходили поклониться сотни тысяч паломников со всей России. Предметом почитания был также и камень в виде креста, на котором образ, по преданию приплыл во Мценск в 1415 году против течения реки Зуши. Собор упоминают в своих воспоминаниях, проезжавшие через город путешественники, среди которых были поэт и драматург И. М. Долгоруков, славист и этнограф И.И. Срезневский и другие».²² Поклониться чудотворному образу во Мценск идут герои рассказа Н.С. Лескова «Левша»: «Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию...шли к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше, икона эта вида «грозного и прешрашного» – святитель Мир-Ликийский изображен на ней «в рост», весь одет в серебropозлащенную одежду, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч «военное одоление».

Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться».²³

Тургенев хорошо знал уездную среду: мценские Шеншины, Матвеевы, Сафоновы, Инозцевы, Половниковы, Тенишевы, Бееры и многие другие представители дворянских и купеческих родов были знакомы Тургеневу. О мценских впечатлениях и событиях Тургенев упоминает в письмах к своим корреспондентам, но особенно часто Мценск звучит в переписке Тургенева с И.П. Борисовым, близким Тургеневу человеком, уроженцем Мценска. Борисов, тесно общавшийся с Фетом, часто бывавший во Мценске, сообщал Тургеневу уездные новости, отклики на литературные и общественные события, писал о соседях и родственниках писателя. В 60-е годы между Фетом, Толстым и Борисовым образовался дружеский круг общения, и Тургенев был неотъемлемой частью этого круга. От «больших, милых и умных», по словам Тургенева, писем к нему Борисова веяло «таким родным орловски-степным воздухом», что ему, невольному парижанину, на чужбине оставалось только «благодарить да дышать поглубже».²⁴ После писем Борисова перед Тургеневым возникал и родной пейзаж, и неодолимое желание «побывать в наших некрасивых и неудобных, но почему-то привлекательных местах».²⁵

Многие дворяне мценского уезда гордились знакомством со своим знаменитым земляком. В доме предводителя мценского дворянства В. Н. Шеншина Тургенев встречался с П.А. Матвеевым, представителем известного мценского рода Матвеевых, юристом, этнографом и дипломатом, литератором, написавшим историко-литературный очерк «Гоголь и его переписка с друзьями», воспоминания о Тургеневе, статью «Тургенев и славянофилы».

Тургенев, вероятно, знал и Н.А. Матвеева, племянника П.А. Матвеева, предводителя Мценского дворянства, женатого на родственнице А.А. Фета, знакомого Л.Н. Толстого.

Мценское общество – Кутлеры, Шеншины, Бееры и многие другие обитатели мценской округи были частью жизни и творчества Тургенева. Истории их семейств, события, происходившие в ближайшем окружении писателя, местные легенды и предания нашли воплощение в произведениях писателя.

Сведений о Тургеневе во Мценске сохранилось немного; сейчас даже небольшой эпизод, связанный с пребыванием писателя во Мценске приобретает большой интерес. К одному из таких эпизодов относится посещение Тургеневым летом 1881 года мценской больницы. Об этой больнице упоминается в 4-м номере журнала Министерства внутренних дел за 1847 год: «В городе имеется больница на 12 кроватей, в нее поступает до 80 больных в год; содержание ее стоит городу до 2500 рублей в год».²⁶

В последний приезд в Спасское летом 1881 года Тургенев лечился у мценского врача К.И. Метелицина. В малоизвестных воспоминаниях Ф.Л. Щепетова описаны посещение Тургеньевым мценской больницы и встреча с ним автора воспоминаний. «... Больница была небольшая, всего на 15-20 кроватей. Размешалась она в светлом здании и стояла на окраине городка, на берегу речки Зуши, из окон ее открывался прелестный вид на орловские дали... Однажды в больницу заехал И.С. Тургенев. ... Раздался звон бубенцов, и в ворота больничного двора сдерживаемая молодцеватым в красной рубахе, черной бархатной безрукавке и шляпе с павлиньим глазком кучером въехала тройка прекрасных орловских рысаков, запряженных в легкую, почти городскую коляску... Откинувшись назад, кучер отстегнул парусиновый фартук, и из коляски вылез пожилой седобородый мужчина. Он скинул с себя пыльник и оказался в сером костюме, с брюками, заправленными в сапоги. На голове у него был белый картуз, который он снял, отряхивая осевшую на нем пыль. Это был И.С. Тургенев.

“... Благодаритель вы мой, – обратился он к Метелицину, – чем мне отплатить вам? От вашего лечения я просто воскрес. Вы кудесник! Я специально заехал, чтобы поблагодарить вас...”, – говорил Иван Сергеевич, пожимая обеими руками руку Метелицина.

За чаем Иван Сергеевич рассказал о французском народе, о дружбе с Густавом Флобером, Эмилем Золя и другими французскими литераторами. “Наверное, я порядком надоел вам своими разговорами. Не посетуйте на это. Старость словоохотлива... особенно, когда вспоминаешь дорогих и любимых людей. Спасибо вам за угощение – чай с ватрушками был чудесен. Вам, Константин Иванович, еще раз моя глубочайшая благодарность за лекарство. Это бесценный подарок..., разрешите мне откланяться и отправиться восвояси”». ²⁷

Здание больницы не сохранилось, но память о ней осталась. Улицы, где стояла больница, и сейчас носит название Больничный переулок.

Примечания

¹ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т. 13. С. 94.

² *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 186-187.

³ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 319.

⁴ *Чернов Н.М.* Подпочва Тургеньевского творчества. В кн.: *Провинциальный Тургенев.* Москва: Центрполиграф, 2003. С. 176.

⁵ *Чернов Н.М.* Спасско-Лутовиновская хроника. В кн.: *Провинциальный Тургенев.* Москва: Центрполиграф, 2003. С. 176.

⁶ Письмо В.П. Тургеньевой И.С. Тургеньеву от 26-28 мая 1839. В кн.: *Твой*

- друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844). Тула, 2012. С. 208.
- ⁷ *Чернов Н.М.* Спасско-Лутовиновская хроника. В кн.: Провинциальный Тургенев. Москва: Центрполиграф, 2003. С. 243.
- ⁸ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 2. С. 225.
- ⁹ Там же. С. 144.
- ¹⁰ Там же. С. 94.
- ¹¹ *Полонский Я.П.* Тургенев у себя в его последний приезд на родину (Из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. С. 386.
- ¹² *Фирсов.* Исторический вестник. Май, 1916 г.
- ¹³ *Фет А.А.* Мои воспоминания. В кн.: Фет А.А. Воспоминания. Москва, 1983. С. 350.
- ¹⁴ *Щепкин М.А.* Воспоминания о Тургеневе и селе Спасском // Исторический вестник, 1916, № 2. С. 552.
- ¹⁵ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 2. С. 390.
- ¹⁶ Там же. С. 57.
- ¹⁷ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 2. С. 255.
- ¹⁸ *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. В кн.: *Фет А.А.* Воспоминания. Москва, 1983. С. 162.
- ¹⁹ *Фет А.А.* Указ. Соч. С. 315.
- ²⁰ *Аниканов В.Ф.* Город на Зуше. Орел, 1993. С. 49.
- ²¹ *Фет А.А.* Указ. соч. С. 432.
- ²² Камеральное описание генеральному плану города Мценска и уезда. 1832 г.
- ²³ *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 12 т. Т. 2. Москва, 1989. С. 199.
- ²⁴ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 5. С. 160.
- ²⁵ *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т. 4. С. 390.
- ²⁶ *Аниканов В.Ф.* На древней земле вятичей: Рассказы старого краеведа о Мценском крае и о Мценске. Мценск, 2000. С. 58.
- ²⁷ Там же. С. 57-58.

Е.И. Клочкова

БЕРЛИНСКИЕ АДРЕСА И.С. ТУРГЕНЕВА

Данное сообщение является попыткой представить «берлинский сюжет», вошедший в книгу «Тургенев в Германии», идея которой зародилась на одном из уроков немецкого языка.¹ Школьный проект был назван «Малоизвестные страницы из жизни И.С. Тургенева в Германии» и позволил как учащимся, так и руководителям заглянуть за страницы книг о писателе и его произведениях и узнать много нового о человеке, которым двигала жажда познания окружающего мира во всех его проявлениях.

В процессе работы над проектом выяснилось, какую важную роль сыграл наш земляк в европейской культуре, в распространении русской литературы в Европе, каким неутраченным ее просветителем он был.

И.С. Тургенев недаром снискал себе в истории культуры титул «посла от русской литературы в Европе». Его бесчисленные связи с европейским миром были и остаются предметом пристального внимания специалистов. Стать вровень с этой миссией писателю позволила его осознанная позиция просветителя, его уникальная эрудиция и еще его природная страсть к познанию другой страны, ее народа, истории и культуры. В глазах современников Тургенев был и остается «гениальным романистом», объездившим всю Европу, знавшим всех великих людей Европы, «прочитавшим все, что только в силах прочитать человек и говорившим на всех языках Европы, так же свободно, как на своем родном». Так считал французский писатель Ги де Мопассан.²

Искушенный ценитель музыки, живописи, театра, мыслитель, оратор, фехтовальщик слова, общительный и вдумчивый собеседник, шахматист, страстный охотник, полиглот, который с детства говорил на нескольких иностранных языках – таким знала Тургенева современная ему Европа. По воспоминаниям современников Тургенев лучше, чем другие русские литераторы был знаком с произведениями иностранной литературы, прочитав их в подлиннике.

Путешествовать по Европе Тургенев начал еще в очень юном возрасте, когда ему было всего 4 года. Его семья совершила поездку по ряду городов Европы в 1822-23 годах.³

Это путешествие началось с Берлина, в дальнейшем этот город стал тем магнитом, который притягивал писателя к себе и через который проходили дороги Тургенева в Россию и вели обратно в Германию. Берлин он позже называл «Афинами на Шпрее». Отправляя письма в Берлин, он не забывал передавать привет своим немецким друзьям, живущим в этом городе.

Тургенев уже в девятнадцать лет был убежден в необходимости продолжить образование за границей и познакомиться с Европой не только по книгам. Местом учебы был избран Берлин.

Берлинский университет слыл тогда настоящей достопримечательностью. Лучшие умы Германии преподавали в нем в разное время: Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг, Вильгельм и Александр Гумбольдты, Вильгельм и Якоб Гриммы и другие.

По его собственным воспоминаниям, Тургенев увлеченно слушал лекции ряда профессоров университета, особенно Карла Готтлоба

Цумпта, филолога, издавшего латинскую грамматику, записи лекций которого о римских древностях (в количестве пяти тетрадей) и об «Анналах» Тацита (одна тетрадь), сделанные рукой Тургенева, хранятся в фондах музея писателя в Орле. В 1840 году в Берлине Тургенев близко сошелся с Михаилом Бакуниным. Какое-то время они даже вместе снимали квартиру на Миттельштрассе, 60.

В Берлине он завел обширный круг знакомств с самыми передовыми людьми того времени. Один из них – Карл Август Фарнгаген фон Энзе. Как известно, к нему обращено стихотворное послание Тургенева, в котором слышатся отголоски «Оды к радости» Шиллера:

Теперь, когда Россия наша
Своим путем идет одна
И, наконец, отчизна Ваша
К судьбам другим увлечена –
Теперь, в великий час разлуки,
Да будут русской речи звуки
Для вас залогом, что года
Пройдут – и кончится вражда;
Что, чуждый немцу с колыбели,
Через один короткий век
Сойдется с ним у той же цели,
Как с братом, русский человек; <...>
Всему, чем ваша грудь согрета,
Всему сочувствуем и мы;
И мы желаем мира, света,
Не разрушенья – и не тьмы.⁴

В берлинском салоне Н.Г. и Е.П. Фроловых Тургенев познакомился также и с Александром фон Гумбольдтом, встречался с представителями искусства, например, с известной певицей Генриеттой Зонтаг. В 40-е годы 19 века он вместе с М.А. Бакуниным бывал у писательницы Беттины фон Арним.

В Берлине Тургенев облюбовал гостиницу «Hôtel de St-Petersbourg, Unter den Linden», в которой он останавливался во время своих визитов.

Посещения Берлина, несмотря на то, что они в последующие годы были непродолжительными, Тургенев старался использовать для встреч со своими немецкими друзьями: Ю. Шмидтом, Ю. Лессингом, А. Грефе, К. Брауном, Ю. Роденбергом, супругами Эккерт, Р. Бегасом, Г. Мюллером-Штрюбингом, Б. Ауэрбахом. Одна из встреч с Б. Ауэрбахом в 1868 году продолжалась довольно долго, т.к. тот

читал Тургеневу свой роман «Дача на Рейне» «битых три часа». Роман русскому писателю понравился, летом того же года Тургенев написал предисловие к нему и опубликовал в сентябрьском номере журнала «Вестник Европы».

Тесная дружба в течение нескольких десятков лет связывала Ивана Сергеевича с Людвигом Пичем (1824-1911). Они не только постоянно переписывались (известны свыше ста писем), но и встречались то в Берлине, где жил Пич, то в Баден-Бадене или в Париже, где продолжительное время жил Тургенев. Пич вспоминал, что в один из вечеров ноября 1847 года произошла его мимолетная встреча с Тургеневым. Они встретились в Берлине «<...> на лестнице старой газетной читальни Юлиуса, на углу улиц Обервальдштрассе и Егерштрассе. Спускаясь по лестнице, я остановился как бы очарованный видом могучей фигуры и лица молодого иностранца <...>. Мог ли я тогда предвидеть, какое сильное влияние будет иметь этот человек несколько лет спустя на вторую половину моей жизни?» – вспоминал Л. Пич.⁵ Само же личное знакомство состоялось несколькими днями позже в пивной Шейбле на пересечении улиц Францёзишер и Маркграфенштрассе. «Русский гость с первого же вечера стал центром нашего кружка: все его слушали с благоговением, как очарованные», – отметил Пич в своих воспоминаниях.

В «Письмах их Берлина» Тургенев упоминает о некоторых достопримечательностях немецкой столицы: «... Тиргартен, Бранденбургские ворота, университет, собор, музей, театр, кабинет для чтения. Bier-Lokale (пивной зал – Е.К.) – комнаты, где пьют, как писал Тургенев, «этот недостойный и гнусный напиток». В «Путеводителе» К. Бедекера обнаруживаем, что особенно по вечерам пивные были переполнены, там подавали (например, на Беренштрассе 23/24) баварское пиво. Привлекательны были и сами здания, в которых располагались пивные, они напоминали «пивные дворцы», где собирались теологи, философы, художники, поэты разных национальностей.

Представляет немалый интерес визит Тургенева в Берлин в 1880 году. Это пребывание ознаменовалось глубоким впечатлением от посещения Берлинского музея, которые писатель изложил в статье «Пергамские раскопки». Из груды обломков пристальный взгляд Тургенева выхватывал то «прелестное плечо, то часть руки или ноги». Переполненный возвышенными чувствами от увиденного, писатель передал свой восторг словами: «Как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!»⁶

Тургенев намеревался отправиться в Россию 1 мая 1882 года. В связи с ухудшением состояния здоровья поездку пришлось в оче-

редной раз отложить. Я.П. Полонскому он с сожалением писал, что поездка в Россию не состоится, и положение его, по сути, безнадежно.

Тургеневу больше не посчастливилось побывать в его горячо любимом Спасском. В Россию он вернулся 2 октября 1883 года – в траурном поезде, проездом, как и всегда, через Берлин. Газета «Берлинер Бёрзен-курир» писала в те дни: «Весь образованный мир стоит со скорбью у гроба писателя, заменить которого теперь некем».⁷

Примечания

¹ Ключкова Е.И. И.С. Тургенев в Германии. Хроника путешествий. Орел, 2013.

² Мопассан Ги де. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1958. С. 176.

³ См.: Чернов Н.М. Тургеневы в чужих краях в 1822-1823 годах // Спасский вестник. Вып. 7. Тула, 2000. С. 80-89.

⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч и писем в 30 т. Соч. Т. 1. М., 1981. С. 322.

⁵ Пич Л. Из воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 244.

⁶ Тургенев И.С. Указ. соч. Т. 10. С. 330.

⁷ Литературное наследство. Т. 76. С. 691-692.

Л.Н. Иванова-Преснова

«ОРЛОВСКИЕ ЗОРИ»

«Действительно, в наших краях знают толк в пени, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом...»

И.С. Тургенев. «Певцы».

Село Сергиевское, деревня Колотовка... Где-то здесь Тургенев слушал чудное пение крестьянского парня Якова Турка.

Эти названия из тургеньевского рассказа уводят нас мысленно в те далекие времена. И хотя село, названное по имени церкви Сергия Радонежского, и деревенька Колотовка есть и в Тульской области, и, вероятно, еще где-то, но для нас, орловцев, звучат они именно здесь, во Мценском «уезде», где в родовом имении матери писателя селе Спасском-Лутовинове возрастал, трудился, написал большинство своих произведений и стал поистине великим писателем Земли Русской Иван Сергеевич Тургенев. И об этой земле написал рассказ «Певцы».

Ранним летним днем, пока жара еще не успела сковать своим зноем землю и всё живое на ней, при въезде с большой орловской дороги во Мценский район, возле указателя «Агрокомбинат», мы свернули влево, и вскоре, оставив позади пруды и видимую отсюда деревню, остановились возле низеньких ворот.

Юный дежурный «вратарник», вежливо поздоровавшись, впустил нас - и вот мы на территории детского оздоровительного лагеря «Орловские зори».

Но если это детский лагерь, то где же здесь дети – эти двести ребят и подростков, живущих и отдыхающих здесь? Вокруг зеленые поляны и газоны, могучие старые деревья на «белых ножках», то есть заботливо снизу побеленных, и множество деревянных домиков-дач, где живут дети – голубых, зеленых, оранжевых, солнечно-золотистых. Но всё же – где же дети? И, приглядевшись повнимательнее, видим: обитатели этого райского уголка здесь повсюду.

Мы вошли в старинную аллею и долго-долго стояли, вдыхая дурманящий медовый аромат из солнечных роскошных соцветий.

Эти высокие стройные деревья, устремленные ввысь, казалось, в самое поднебесье, живо напомнили тургеневское Спасское, с такими же стройными рядами липовых аллей – и всколыхнули в памяти дорогие воспоминания о писателе. Но если Спасское существует как музей, то здесь...

Вот в тени раскидистого цветущего дерева на поролоновых голубых матах расположилась группа ребят. Здесь, по всей видимости, идет «шахматный турнир», все они – полны внимания, и мы отходим подальше, оставаясь незамеченными.

Вот в конце аллеи завиднелось что-то радужно-яркое. Оказалось, что это просторная детская площадка со множеством скамеек и качелей, здесь играют 7-8-летние малыши, все в разноцветных маечках и шортиках, чистенькие и аккуратно подстриженные, в косичках у девочек – цветные ленточки, у иных бантики, будто не в школе-интернате круглый год живут они, а у любящей заботливой матери, внимания которой многие из них лишены уже с самого дня рождения.

А дальше...

Вот на специальной площадке тренируются разновозрастные дзюдоисты. Форма на них самая настоящая, и тренер – настоящий. Это «домашние» дети, которые уже не первый год живут и тренируются здесь.

Волейбольная площадка, футбольное поле, а чего стоит Дом детского творчества с сотнями детских поделок и музеем, созданным руками самих ребят.

Мы приехали в «Орловские зори» в тот день, когда страна отмечала День медицинского работника, и оказались гостями праздника, устроенного взрослыми и детьми в честь своих медиков. Узнали, что главврач 1-ой детской поликлиники г. Орла Светлана Николаевна Крестова детям и подросткам «Орловских зорь» «отдала» своих ведущих специалистов: одного из лучших детских врачей города Ольгу Ивановну Аболмасову и опытнейшую медицинскую сестру Светлану Алексеевну Герасимову. Им-то и посвятили взрослые и дети свои выступления.

Открытая с трех сторон крытая ажурная веранда заполнена ребятами: каждый из девяти отрядов по сторонам веранды расположился автономно, у всех своя собственная программа конкурса «36,6 градусов». Малыши устроились на матах на полу.

Тема конкурса: «Кто лечит» (нужно назвать какие болезни лечат врачи – терапевт, окулист, невропатолог, кардиолог, стоматолог, логопед, хирург). Ребята должны знать и рассказать, кто из этих специалистов что и как лечит.

Дети, одетые во врачебные халаты поликлинических врачей, в униформы больничных медиков и врачей «Скорой помощи» отвечали на вопросы, проигрывали сценки из медицинской жизни, «оказывали» скорую помощь друг другу, пели, танцевали. Поздравляли своего доктора Ольгу Ивановну и медсестру Светлану Алексеевну, дарили им цветы, и нужно было видеть, как не раз за этот вечер светлая слеза готова была скатиться из глаз «именинниц».

На выходе из усадьбы, в самом начале старинной липовой аллеи, ведущей в крестьянское село Сергиевское, всё еще стоит старый двухэтажный дом, деревянный на каменной подклети, похожий на дом Калитиных в Орле на Дворянском гнезде, также когда-то принадлежавший Сафоновым.

Балконов и входных крылец на нем давно нет, окна заколочены металлическими щитами, и о прежней значимости строения здесь напоминает лишь чудом уцелевшее над бывшим входом фигурное обрамление-подкова, похожее на герб старинного дворянского рода.

Это строение – то, что сохранили время и люди на сегодняшний день. Здесь родились и из поколения в поколение жили сами Сафоновы. Здесь принимали они дорогих гостей, среди которых были и их соседи Шеншины, и, как утверждали хозяева, сам Иван Сергеевич Тургенев, который имел с Сафоновыми личные отношения, и как сосед по имению, и в связи с наделением крестьян землей в годы отмены крепостного права. А о судьбе усадьбы и дома вскоре расскажет нам сельский житель, но об этом чуть позднее.

Как это бывает еще и теперь, наведается в лагерь кто-то из известных людей – артистов, поэтов, писателей – и вокруг сразу собирается толпа ребятшек. Вот и нам повезло: вначале дети повели нас в Дом детского творчества, где неожиданно заговорили о Тургеневе, о родственнице и наследнице его Ольге Васильевне Галаховой и ее дочери Ольге Николаевне. В 1918 году, когда был национализирован орловский дом Галаховых (ныне это музей писателей-орловцев), их приютила в Сергиевском семья Сафоновых, а Ольга Николаевна и упокоилась в 1921 году здесь, в Сергиевском, и похоронена на местном кладбище.

Здесь же в рабочих кабинетах мы осмотрели и поделки ребят, посетили музей, созданный ими вместе со взрослыми. Настоящий классический музей, состоящий из нескольких разделов. Здесь стенды, книги, старинные карты по истории этой земли, самого дворянского гнезда Сафоновых и их необычного окружения и села Сергиевского. Здесь и крестьянская тема, ведь село Сергиевское славилось на Руси не только своими песнями и певцами, но и народными промыслами, необходимыми в крестьянском быту.

Война не обошла эту землю стороной. И ей, Великой Отечественной, уделено здесь особое внимание.

Посетили мы вместе с детьми и Сергиевское.

Неширокая нижняя липовая аллея привела нас в село, лежащее у самого подножия холма, где расположился лагерь, и вначале показалось, что оно нежилое. Первый дом оказался сгоревшим, другой, неухоженный, в диких зарослях – всё, как в большинстве сегодняшних уходящих российских деревень: ни петух не прокукарекает, ни залает собака.

Но вот слева на горке в зелени и цветах внимание наше привлеч красивый, с широкой верандой, просторный дом, а из распахнутых настежь ворот хозяин как раз в это время выгонял отару овец на пастбу, к речке. И нам удалось с ним побеседовать. Ребята внимательно слушали, ведь нам, по счастью, встретился не простой человек, а учитель, пусть и бывший, теперь пенсионер Александр Васильевич Бубанов.

– Нет, деревня жилая, – отвечает он на наши вопросы. – Здесь, в Сергиевском, сразу после Великой Отечественной войны я и родился, и рос. Тогда в усадебном доме Сафоновых располагалась школа, и я в ней учился. Но к 60-м годам деревня поредела, учеников стало мало, школу закрыли, и нас перевели в Отраду. После окончания средней школы я в Туле окончил пединститут. И в своей же школе проработал всю жизнь. Теперь вот на пенсии. До Отрады здесь 3 километра 800 метров. (Линейкой мерял, – смеется учитель). Как под-

ниметесь наверх, выйдете в поле, посмотрите налево – Отрадинский сахарный завод отсюда виден, как на ладони.

Помолчали...

Вдруг учитель встрепенулся, вспомнив, видимо, что-то важное:

– Отрадинский завод стоит на месте деревеньки Колотовки.

На другой день мы покидали эту благодатную землю и ее чудесных обитателей. Прощались с коллективом сотрудников, с детьми. Провожала нас Марина Владимировна Соколова, педагог-психолог, выпускница двух госуниверситетов – в Орле и Санкт-Петербурге, ныне директор оздоровительного центра:

– «Орловским зорям» уже 47 лет, – рассказывает она. – Основан лагерь Сталепрокатным заводом. Несколько десятилетий существовал как пионерский – и вот теперь ...

Двенадцать лет тому назад в детском оздоровительном центре она начинала как воспитатель детей трудных, ослабленных и не совсем здоровых, живущих и учащихся во вспомогательных школах-интернатах Орловской области. Дальнейший ее путь – труд детского психолога, заместителя директора центра, и вот уже второй год Марина Владимировна возглавляет летний оздоровительный центр «Орловские зори». Труд, на первый взгляд кажущийся неподъемным, – ведь она, и в первую очередь она, директор, ответственна за жизнь, здоровье и благополучие двухсот этих разновозрастных (от 7 до 17 лет) детей и подростков.

Я приеду сюда еще, но эту, первую свою поездку в «Орловские зори», в это удивительно сохранившееся и любовно, заботливо сохраняемое взрослыми, пахнущее стариной «Дворянское гнездо» никогда не забуду, и глубоко благодарна всем этим людям в этом нашем, таком непредсказуемом и мятущемся, таком неустроенном мире, не растерявшем самое дорогое – чувство родины и любовь к ее маленьким гражданам.

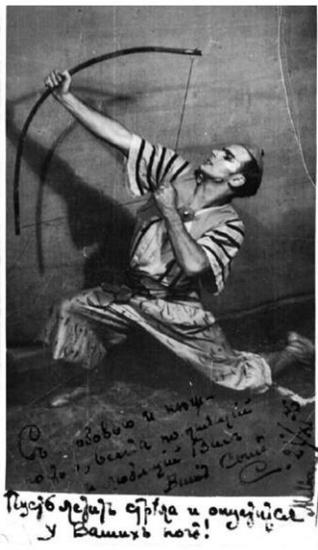
IV.

*Публикации
и сообщения*

О.В. Галахова. 1880-е гг.

Савва Андреев. Мельбурн. 1936 г.

О.В. и Н.П. Галаховы в день золотой свадьбы в кругу родных. Париж. 1932 г.

НАБРОСКИ К ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

От редакции

Юрий Александрович Трубников родился 28 августа 1935 г. в Париже в семье А.Г. и М.П. Трубниковых. О своём детстве вспоминал, что до того, как попал во французскую школу, не говорил ни слова по-русски и затем читал книги – от Пушкина до Виктора Гюго. Видный деятель русского зарубежья. Мы почерпнули некоторые сведения о нём в биографическом словаре «Русское зарубежье во Франции 1919-2000».

Ю.А. Трубников закончил в Париже Институт политических наук и Институт искусствоведения. Служил в десантных частях военно-морского флота Франции. Капитан III ранга, награждён Крестом Военной доблести. Экономист, организатор производства французской нефтеперерабатывающей промышленности, а также в СССР и в социалистических странах. В этой области Ю.А. Трубников – международный консультант. В 1990-е гг. возглавил организацию ряда промышленных предприятий в России, в т.ч. по линии Всемирного банка.

В течение двадцати лет является Президентом Совета директоров парижского Российского земско-городского комитета (Земгор). Председатель Фонда помощи семьям русского происхождения, возглавлял Петербургский клуб, Федерацию русских организаций во Франции; членом Правления этих организаций является и поныне. Член Дворянского собрания. Входит в Приходской совет Свято-Троицкого храма.

Знарок русской литературы Серебряного века, Ю.А. Трубников является также членом Правления Фонда Серебряковой. Вот ещё строчка из воспоминаний Ю.А. Трубникова о недавнем прошлом: «В августе 1991 года был в Ленинграде и, видя, как спускается красный флаг и поднимают трёхцветный, решил посмотреть на родину предков: шесть лет провёл в России, из коих полтора года – в сибирской глубинке». Участник Международной конференции «Соотечественники» (2008). Оказал помощь в восстановлении церкви в с. Клейменово (Орловской области) на родине предков. В 2001 г. за содействие в развитии экономической, социальной, культурной и общественной жизни города Алексина (Тульская область) удостоен звания «Почётный житель достославного града Алексина».

Печатался в газете «Русская мысль» и в других периодических изданиях. Автор предисловий к русскому изданию книги А.А. Трубинова «От Императорского музея к Блошиному рынку» и к изданию книги Т.И. Полнера «Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова» (М., 2001)

Писать Историю семьи?

Термин «история семьи» здесь, очевидно, не совсем точен. Присутствие тут и там местоимения «я» служит тому доказательством. Я попытался собрать из разных источников некоторые сведения о наших предках. Прочёл то, что писали на сей счёт мои сёстры, порылся в бедной моей памяти и в Интернете, мне помогли и русские, живущие в России.

Чтобы удостоиться чести именоваться Историей, надо иметь настоящие знания Истории вообще и истории края в частности. Мало написать, что, скажем, некий Родион является нашим предком в 8-м колене, и что он родился, положим, в 1772 году в Рязани... Но что представляло собой общество, к которому он принадлежал, бытовавшее в том краю, в ту эпоху? Положим, он был владельцем 2000 гектаров земли под Киевом. Много это или мало? Как использовал он те земли: может быть, на них паслись стада коров или лошадей, а может, отсюда отправлялись мешки с пшеницей в Одессу, а оттуда – в Европу, оставляя по дороге немалый доход?

Источники

Всё, что последует далее, представляет собой генеалогические древа четырёх моих бабушек и дедушек с материнской и отцовской стороны, сведения, дополненные мною, или, вернее сказать, украшенные многими воспоминаниями и рассказами моих сестёр и теми крохами, что удалось добыть из разных источников. Я храню большую часть подлинных документов, послуживших мне в моих разысканиях.

Итак, речь пойдёт о четырёх семействах моих дедушек и бабушек: Трубниковых (со стороны отца), Эрдели (по линии матери), Галаховых (по линии бабушки со стороны отца) и Весёлкиных (моя бабушка по материнской линии).

Ведём ли мы своё происхождение от Юпитерова ребра? Был ли император нашим кузеном? Возделывали ли мы русские земли?

Всякий в свой час бывает немного снобом. Принадлежали ли наши предки к сильным мира сего? Были ли они близки ко двору? Были ли среди них знаменитости?

И да, и нет, как это обычно бывает. Очевидно, мы не обрабатывали землю, не разводили скот. Мы не были ни крепостными, ни вольноотпущенными, не принадлежали к мещанскому сословию, не были ни ремесленниками, ни купцами. В нашей семье не было священников, если не считать моего отца (но в эмиграции духовенство представляет все сословия: родовитое дворянство, военных, кого угодно). В общем, мы принадлежали к провинциальному дворянству, не слишком богатому, но старинной беспримесной крови, к роду, упоминания о котором восходят к концу XVI – началу XVII веков. С течением времени, в XVIII-XIX веках, мы занимали всё более значительные должности на государственной службе. Что давало нам право на отличия при дворе. Из четырёх моих предков трое были губернаторами, четвёртый приходился роднёй губернатору. Среди них были камергеры и шталмейстеры. Зато в роду по прямой линии среди наших бабушек не было ни придворных дам, ни фрейлин императрицы.

В начале прошлого века, до Революции наши семьи, безусловно, входили в петербургское светское общество и бывали при дворе. Они заканчивали престижные учебные заведения, Пажеский корпус, Лицей и поступали на службу в доблестные гвардейские полки.

Были ли в роду именитые предки? Несомненно. Вот первое, что приходит на ум: Св. Владимир, Св. Ольга, Св. Александр Невский, не говоря уже о легендарном Рюрике. Короли Швеции, Польши, Венгрии. Гарольд, король англо-саксов, потерпевший поражение при Гастингсе и погибший от руки Вильгельма Завоевателя – всякий английский мальчик знает дату: 1066. Недавно я узнал, что по женской линии мы состоим в родстве с Екатериной II. Я упомянул об этом в качестве курьёза, но со временем надеюсь получить доказательства. Однако не стоит слишком уж задирать нос. В любом семействе стоит только кому-нибудь заключить престижный брак, и вот уже мы считаем себя роднёй всем земным владыкам. В нашем роду таковых было лишь двое – не более.

Предки наши брали в жёны девушек своего круга, из своей местности и прежде, чем попасть ко двору, они были помещиками. Разумеется, все они принадлежали к старинному родовитому дворянству, вписанному в VI часть Дворянской книги, куда записаны фамилии, чьё начало теряется в глубине веков. За исключением рода Эрдели; они были выходцами из Венгрии, но это случилось в середине XVIII века. У нас в роду были также известные поэты и писатели, наша ближняя родня – Фет, Лермонтов, Тургенев...

Дабы облегчить чтение, мы используем в тексте следующие условные обозначения:

◇ Дата рождения

† Дата смерти

S.p. (sans posterité) не оставил(а) потомства.

16/10 – первая цифра обозначает порядковый номер, вторая – номер, под которым означен отец данного лица.

Галаховы (Семья моей бабушки со стороны отца)

Некоторые сведения о родословии Галаховых имеются в генеалогическом словаре Руммеля, изданном в 1886 году; его-то я и положил в основу своей «Истории». Лишь в одном я изменил его методе: в ту эпоху доминировало мужское начало – сегодня дело обстоит иначе. У Руммеля лишь мужчины отмечены номером, женщины упоминаются только в связи с мужьями. Не пора ли восстановить равноправие?

По-видимому, род Галаховых существовал ранее того Павла [Галахова], что упоминается в документах XVIII века. Его сын не мог бы поступить в Преображенский полк, один из самых привилегированных гвардейских полков, если бы не принадлежал к родовитому дворянству. По некоторым источникам в VI части Дворянской книги Рязани за XVII век указаны двое Галаховых; вероятно, замечает автор, они принадлежали к одному корню: Фаддей Владимирович – в 1681 году и Емельян – в 1690-м!

Перечитывая биографию Фета, я обратил внимание на некоего А.Д. Галахова, который включил в свою хрестоматию стихи поэта, напечатанные в 1843 году. Кто был этот А.Д. Галахов – загадка!¹

Итак, поиски продолжаются.

В 1-м колене

1/X Павел Галахов, живший в середине XVIII века.

Во 2-м колене

2/1 Александр ◇ 1739, капитан Преображенского полка. Командовал конвоем, сопровождавшим Пугачёва в Москву (1774). Ушёл в отставку в звании полковника. В 1775 году он получает в удел земли близ Пскова (Себежский уезд). Его жена, Надежда Ивановна Юрлова, дочь генерала Ивана Фёдоровича Юрлова. Юрловы, с которыми мы, таким образом, состоим в родстве, принадлежат к старинной дворянской фамилии, известной в Нижегородской губернии с XVI века. Указ Екатерины II, согласно которому Юрлов был произведён в генерал-майоры, почему-то ныне хранится в Государственном архиве Орловской области.

Кто-то из читателей, возможно, не знает, кто такой Пугачёв. Я не стану здесь рассказывать историю этого донского казака в царствование Екатерины II; ему удалось взбунтовать народ на юге России, провозгласив себя императором Петром III. Он кончил жизнь <...> на эшафоте, в Москве. Пушкин поведал эту историю в повести «Капитанская дочка», которую я советую вам перечитать, как я сам это недавно сделал. Когда Пушкин работал над повестью, он, будучи добросовестным летописцем, не только обращался к исследованьям по русской истории этого периода, но посвятил ему специальный труд, озаглавленный «История пугачёвского бунта». Там он упоминает нашего предка Галахова, а также его внука Александра Павловича, которого он благодарит за переданные ему документы о тех событиях, участником которых был его дед. Упоминается там и генерал Юрлов.

В 3-м колене

3/2 Павел ◊ 9 августа 1776 г. в Москве; † в Мангейме 30 января 1838 г. Действительный статский советник. Награждён орденом Св. Владимира. Женат на Варваре Фёдоровне Васильевой.

В 4-м колене

4/3 Александр ◊ 10 сентября 1802 г. во Франкфурте-на-Майне; † 29 ноября 1863 г. Адьютант генерального штаба и свитский генерал-майор, петербургский полицмейстер в 1847-1856 гг. Женат на Прасковье (в некоторых источниках указано: «София» вместо «Прасковья») Петровне Мятлевой. Благодаря этому браку мы породнились с родом Салтыковых и, стало быть, состоим в более или менее близком родстве со всем Петербургом. Салтыков, с которым мы оказались в родстве, женился на Трубецкой; из чего следует, что в наших жилах течёт несколько капель (а вовсе не литров, будем скромны) рюриковой крови.

5/3 Сергей ◊ 5 августа 1806 г.; † ранее 1878 г. Закончил Императорский Александровский лицей (выпуск 1823 г.). Камергер, действительный статский советник. Помещик Пензенской губернии. Служил в Почтовом управлении. Женат на Н.А. Пехтуровой.

6/3 Иван – офицер Измайловского полка. Был близок к Герцену, который упоминает о нём в своих воспоминаниях «Былое и думы».

7/3 Варвара

8/3 Надежда, в замужестве фон Плец; муж – камергер Саксонского двора.

9/3 Мария – замужем за англичанином по фамилии Кенни.

Замечу, что с начала XIX века дамы из рода Галаховых выходят замуж за иностранцев!

В 5-м колене

10/4 Павел ◊ 16 февраля 1827 г.; † 17 июля 1890 г. Статский советник, служил при дворе Императора. Капитан кирасирского полка. Женат на Марии Павловне Олферьевой.

11/4 Александр ◊ 16 апреля 1834 г.; † 14 апреля 1891 г. Женат на Марии Рахмановой.

12/4 София ◊ 13 сентября 1837 г.; † 8 ноября 1866 г. Муж – Карл фон Приттвиц и Гаффрон.

13/4 Надежда ◊ 1842 г.; † 1880 г. Вышла замуж 28 июля 1865 г. за Ивана Александровича Половцева.

14/4 Алексей ◊ 26 августа 1842 г. Камергер. Странно, что он упоминается у Руммеля, но отсутствует у Феррана.

В 6-м колене

15/10 Александр ◊ 17 октября 1850 г.; † 9 июня 1897 г. Женат на княжне Антонине Алексеевне Кропоткиной. Её брат, знаменитый князь Кропоткин, чьё имя до недавнего времени носил один из Московских бульваров, был революционером-анархистом, мечтателем и, несомненно, далёким от реальной жизни человеком. Живя в Швейцарии в конце XIX века, он вступил в 1-й Интернационал. Вернувшись в Россию после февральской революции 17-го года, он встречает там своих друзей-революционеров. Умер в 1921 г. Его памятник можно видеть в самом начале Пречистенского бульвара, неподалёку от храма Христа Спасителя.

У Александра Галахова и его жены, кажется, были сын Павел и дочь Татьяна, о которых нам ничего не известно.

16/10 Николай ◊ 3 июля 1855 г.; † 20 января 1936 г. в Париже. Камергер, действительный статский советник. Вице-губернатор в Орле, затем губернатор Витебска. Служил в Семёновском гвардейском полку.² Женат на Ольге Васильевне Шеншиной; ◊ 14 июня 1862 г.; † 24 декабря 1947 г. в Сен-Женевьев де Буа.³ Это моя прабабушка, которую мы навещали по большим праздникам, и которую я прекрасно помню. В последующих примечаниях к этой главе содержится больше подробностей о моих дедушке и бабушке Галаховых. Я лишь решился поделиться семейными воспоминаниями. В этих заметках упоминается портрет Н.П. Галахова, кисти Казем Бека. Отныне этот портрет находится в Спасском-Лутовинове, рядом с недавно обнаруженным знаменитым камергерским ключом. В связи с прибытием портрета в июне в заповеднике состоялась торжественная встреча.

17/10 София – замужем за Н. Львовым.

18/10 Мария ◊ 1875; † 1947.⁴ Замужем за Сергеем Николаевичем Шенигом, действительным статским советником и Орловским

предводителем дворянства.⁵ Через них мы породнились с Дервизами, поскольку их дочь Марина⁶ вышла замуж за Сергея Павловича,⁷ сына знаменитого П.Г. Дервиза, которого знали не только как известного меломана, но также как деятеля, стоявшего у истоков строительства железных дорог в России, благодаря чему он приобрёл значительное состояние. На его «вилле» в Ницце сегодня располагается тамошний университет. Портрет той, которую тётя Оля называла тётей Мариной, можно видеть в музее Шерэ города Ниццы. Тётя Оля и мой отец многим обязаны ей: она помогала им, когда они жили в Каннах в первые годы их пребывания во Франции.

19/10 Елизавета, замужем за князем Алексеем Алексеевичем Кропоткиным. Брат и сестра Галаховы вступили в брак с сестрой и братом Кропоткиными. Подобным образом поступят и их племянники.

20/10 Ирина. Её муж – Николай фон Штемпель. S.p.

В 7-м колене

21/16 Александр ◊ 8 декабря 1883 г. † 21 ноября 1928 г. Похоронен в Сен-Женевьев де Буа, в могиле Галаховых. Мой отец сохранил почтовую открытку с известием о смерти дяди. В 1915 г. во время войны он поступил в Кабардинский полк, тот самый, в котором сражался его бывший деверь, мой дедушка. Они участвовали в походах славной Дикой дивизии.⁸ Семьи Трубниковых и Галаховых были очень дружны в Орле, и юный Александр ежегодно отправлялся в путешествие по Франции вместе с губернатором Трубниковым: в Париж, Биарриц или на Лазурный берег.

Первым браком был женат на Марии Вырубовой († 1941), сестре Василия Вырубова, за которого вторым браком вышла замуж Ольга Галахова, моя бабушка.

Вторично он женился на баронессе Грете фон Гебель (s.p.). И, поскольку она звалась Гретой, ей ничего не оставалось, как быть красавицей (я напоминаю о Грете Гарбо), и она была ею. Именно она организовала выезд из СССР Галаховых и детей Ольги Николаевны. Я храню письмо, написанное по-немецки и адресованное «российско-советскому правительству», с просьбой разрешить въезд в Германию Николаю и Ольге Галаховым, м-ль Кире Галаховой, Ирине, Василию и Николаю Галаховым, а также их няне. Тогда дети жили под девичьей фамилией матери, так как фамилия Вырубовых была слишком известна не только из-за Вырубова, который был членом Временного правительства, но особенно из-за Анны Вырубовой. На документе множество подписей, а также печать консульского отдела представительства РСФСР в Германии, подтверждающая подпись Министерства иностранных дел Германии. Дело было в 1923 г.,

и Советского посольства ещё не существовало! На документе о пошлине указана сумма 63.525, из коих 10% взимались в пользу Российского Красного креста. Неизвестно в какой валюте бралась пошлина, по-видимому, сумма была немалая.

В третий раз Грета вышла замуж за графа Бориса Сергеевича Шереметева. В конце войны, в 1945 г., они, кажется, жили в Вис-Бадене и очень нуждались. Дядя Коля [Н.В. Вырубов – ред.] рассказывал, что ему удалось разыскать их и помочь материально.

22/16 Кира ◊ 5 марта (или января) 1886 г. † 9 октября 1967 г. в Париже. В своё время она считалась одной из красивейших женщин своего круга. Когда я узнал её – она заходила к нам иногда: поболтать с моей матерью, починить детскую одежду – она и тогда была ещё очень величественна. Её портрет, писанный неким Стольпиным,⁹ возможно, кем-то из её родни со стороны бабушки по материнской линии, находится теперь в Орле, в музее Тургенева, рядом с домом Галаховых. В конце жизни, потеряв зрение, она передвигалась, опираясь на большую белую трость.

Во время [1-й мировой] войны она, как многие петербургские дамы, работала сестрой милосердия, неподалёку от линии фронта.

Тётя Кира так и не вышла замуж; в молодости она была помолвлена (официально или только шли разговоры о предполагаемой свадьбе, не знаю) с генералом графом Ильёй Леонидовичем Татищевым, тем самым, который сопровождал императора и его семью в Тобольск, затем в Екатеринбург, где он был расстрелян за несколько дней до убийства царской семьи в июле 1918 г.¹⁰ Тётя Кира передала моему отцу книгу, которую в своё время послала Татищеву в Тобольск – роман Поля Бурже «Смысл смерти», изданный в 1915 г. Назовите это совпадением, во всяком случае, тут есть над чем поразмышлять... Вещи Татищева были отосланы в Данию императрице-матери после взятия Екатеринбурга Белой армией и затем вернулись к тётке Кире. В книжке между страниц мы нашли снимок генерала. Этот том хранится теперь у моей сестры Мани.

Во время революции имущество Галаховых было национализировано, и они вынуждены были уехать в Петербург, тогда ставший Петроградом.

Когда в 1921 г. умерла моя бабушка, её сестра тётя Кира поехала в Сергиевское и забрала троих детей Вырубовых (дяде Коле было тогда всего 6 лет!), и все они поселились в Петрограде.

Тётя Кира нашла работу в Эрмитаже – что-то вроде составителя картотек, и это как-то позволило семейству выжить. Таким образом, трое представителей нашей семьи трудились в Эрмитаже: мой двоюродный дед Саша Трубников, разумеется, тётя Кира и моя дочь Александр.

Мальчики Вася и Коля старались пополнить скудное семейное меню из того, что «плохо лежит».

23/16 Ольга ◊ 27 июля 1888; † 11 июня 1921 г. в Сергиевском (Орловская область, СССР). Первым браком замужем за Юрием Трубниковым. Вторично вышла замуж за Василия Васильевича Вырубова.¹¹ Умерла в возрасте 33 лет, была замужем дважды и от этих браков имела пятерых детей. Бедная бабушка! Она тоже была красавицей. Во время революции она нашла приют в с. Сергиевском у своих друзей Сафоновых, живших неподалёку от Клеймёнова; там она вынуждена была жить под чужой фамилией; там она и умерла от тифа; кажется, она заразилась от больного, за которым ухаживала. Я пытался отыскать место, где она была похоронена, но кладбище было уничтожено во время войны 1939-45 гг. (В России принято говорить о войне: 41-45). Тогда под Орлом и Курском шли страшные бои. В честь освобождения Орла в Москве, в августе 1943 г. прогремел первый салют.

Мы установили крест на Сергиевском кладбище, на предполагаемом месте захоронения моей бабушки. В тот день я позвонил с кладбища в Париж дяде Коле и сказал, что память его матери увековечена. *Mémoire éternelle!* Вечная память!

В 8-м колене

24/21 Евдокия ◊ 22 октября 1910 г. в Орле; † 14 ноября 1942 г. в Париже. Была замужем за светлейшим (*sérinissime*) князем Андреем Волконским (по прозвищу Анди), который был не то администратором, не то художественным руководителем в Балете Маркиза де Куэва. Она скончалась в лечебнице для душевнобольных.

25/21 Николай ◊ 14 ноября 1911 г.; † 31 июня 1965 г. (или 1 августа?). Первым браком женат на Марии Штоффель де Отфор, развёлся в 1953 г. Его жена вторично вышла замуж за Н. Шварца; он же вторично сочетался браком с Даниэлкой Грангийом, которая во второй раз вышла замуж за Н. Лekoанэ. Инженер-геолог, объехавший всю Африку, он долго работал в Камеруне. У нас есть несколько «африканских» картин, которые он привёз из своих путешествий. Позже, получив назначение в Афганистан, он встретил там ту, что станет его женой; она была преподавателем французского языка в Кабуле. Я завтракал с ним раз в месяц или около того будучи студентом Института политологии. Ему я обязан появлением в моём гардеробе первого костюма и первого плаща; я этим очень гордился в Институте, и вероятно с того времени у меня появился вкус к хорошо пошитой одежде.

26/23 Александр ◊ 23 марта 1908 г. в Царском селе (см. примеч.: Трубниковы).

27/23 Ольга ◊ 30 января 1910 г. в селе Клеймёново (см. примеч: Трубников).

28/23 Ирина ◊ 5 августа 1911 г. (см. примеч: Вырубовы).

29/23 Василий ◊ 15 августа 1913 г. в Пензе (см. примеч: Вырубовы).

30/23 Николай ◊ 25 января 1915 г. в Орле.; †13 августа 2009 г. (см. примеч.: Вырубовы).

В 9-м колене

31/24 Мария Волконская, прозванная Татам; ◊ 18 декабря 1931 г. в Париже; †1 сентября 2003 г. в Лозанне. S.p.

32/25 Михаил Галахов ◊ 18 декабря 1946 г.; † 5 июля 2009 г. в Касабланке.

33/25 Герард Галахов ◊ 23 марта 1948 г. в Париже. Женат.

34/25 Наталья Галахова. Замужем за Владимиром Прихненко.

35/25 Тереза Галахова ◊ 19 апреля 1959 г. в Кабуле (Афганистан).

36/25 Симон [Семён] Галахов ◊ 8 июля 1963 г. в Люксембурге.

37/26 Юрий Трубников ◊ 29 августа 1935 г. в Париже; женат на Беатрис Гомишон де Гранж.

38/26 Мария Трубникова ◊ 24 августа 1937 г. в Париже; замужем за Роже Мурэ.

39/26 Ольга Трубникова ◊ 1 июля 1949 г. в Париже; замужем за Жераром Андреоли.

40/26 Павел Трубников ◊ 18 августа 1950 г. в Париже; † 5 сентября 2005 г. в Туре. Женат на Софии Удэ.

41/28 Никита Лобанов-Ростовский ◊ 6 января 1935 г. в Софии (Болгария). Женат первым браком на Нине Жорж-Пико, вторым браком – на леди Джун Ранкин.

42/29 София Вырубова ◊ 7 января 1962 г. в Буэнос-Айресе. Замужем.

43/29 Наталья Вырубова ◊ 11 июня 1963 г. в Буэнос-Айресе. Замужем.

44/29 Мария Вырубова ◊ 17 июля 1964 г. в Буэнос-Айресе. Замужем.

Примечания

¹ Галахов Алексей Дмитриевич (1807-1852), историк литературы, составитель известной «Хрестоматии».

² Галахов Николай Павлович (3 июля 1855 - 20 января 1936).

С 1874 г. состоял на военной службе в лейб-гвардии Семёновском полку. В отставке с 1884 г.

1877-1878 – участник русско-турецкой войны.

1884-1889 – почётный мировой судья во Мценском уезде Орловской губернии.

- 1889-1890 – действительный член Комитета по крестьянским делам.
 1885-1893 – почётный смотритель Мценского городского училища.
 1891-1893 – земский начальник участка Мценского уезда. Мценский предводитель дворянства.
 1906-1907 – Новосильский предводитель дворянства.
 1907-1915 – Орловский вице-губернатор.
 1915-1916 – Витебский губернатор.
 1908 – камергер Императорского двора.
 1910 – действительный статский советник.
- ³ Галахова Ольга Васильевна (урод. Шеншина; 1858-1947), помещица Орловской, Курской, Воронежской губерний, наследница И.С. Тургенева и А.А. Фета (Шеншина). Её бабка, Прасковья Алексеевна Мансурова – троюродная сестра В.П. Тургеневой, отец, Василий Афанасьевич Шеншин – родной брат А.А. Фета.
  - ⁴ Шёниг Мария Павловна (урожд. Галахова; 1875 (?)-1918 – здесь, как и в случае с датой рождения О.В. Галаховой – разночтение с текстом публикуемых Воспоминаний).
  - ⁵ Шёниг Сергей Николаевич (1837-?), гвардейский поручик, почётный мировой судья Оровского уезда, действительный статский советник, губернский предводитель дворянства (1883-1886; 1887-1895); владелец имения в с. Философове Орловского уезда.
  - ⁶ Шёниг Марина Сергеевна (в замужестве фон Дервиз; † 30 октября 1947 года в Каннах).
  - ⁷ Дервиз фон Сергей Павлович (27 мая 1863-7 ноября 1947, Канны), действительный статский советник (1905), камергер Императорского двора, директор Общества Рязанско-Козловской железной дороги (с 1887), создатель усадьбного комплекса в с. Кирицы Спасского уезда Рязанской губернии (архитектор Ф.О. Шехтель). В 1908 г. поселился с семьёй в Каннах, где прожил до конца дней на вилле «Медитерране».
  - ⁸ Галахов Александр Николаевич – окончил Орловский кадетский корпус. После гражданской войны в составе Дикой дивизии переехал в Югославию, затем переехал в Германию; умер в Париже.
  - ⁹ Столыпин Александр Аркадьевич (1863-?), публицист, член партии октябристов. Прабабушкой Ю.А. Трубникова со стороны матери была Матильда Валерьяновна Веселкина (урожд. Столыпина), которой при крещении было дано имя Мелетина. Похоронена вместе с мужем на кладбище Донского монастыря. Могила не сохранилась, но имена имеются в некрополе. В Тарханово находится полная генеалогия Столыпиных, куда занесено и имя моей прабабушки. Будучи на месте, я сумел дополнить семейную родословную. Так что мое родство со Столыпиными то же, что с Шеншиными (примечание Ю.А. Трубникова). (См.: Краеведческие записки. Орёл, 1998. С. 136-137).
  - ¹⁰ Татищев Илья Леонидович (1859-1918), граф, генерал-адъютант свиты Николая II (1905), генерал-лейтенант, числился по гвардейской артиллерии. Расстрелян большевиками в Екатеринбурге 10 июля 1918 г.
  - ¹¹ Галахова Ольга Николаевна (28.08.1888-11.06.1921), в первом браке замужем за Г.А. Трубниковым (1884-1925), сыном Орловского губернатора;

вторым браком – за В.В. Вырубовым (8 февраля 1879-1963, Париж), помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, председателем общественной организации Земгор (организация помощи фронту в годы 1-й Мировой войны, позднее – помощи русским эмигрантам за рубежом). См. примечания о Трубниковых и Вырубовых в последующих публикациях Воспоминаний.

Примечания к настоящей главе подготовила Л.М. Маричева. Перевод с франц. Л.А. Балыковой.

ПИСЬМА ИЗ БЕРЛИНА И В БЕРЛИН. **Вадим Андреев, Владимир Сосинский и Даниил Резников** **в переписке 1922-1923 годов**

Публикация Л.Н. Кен. Санкт-Петербург

Авторы публикуемых писем три молодых человека, три русских эмигранта. Один из них – Вадим Андреев – жил в это время в Берлине, двое других – Владимир Сосинский и Даниил Резников – в болгарском городе Шумене, позднее в Софии. Все трое тосковали по России, строили планы возвращения на родину, а пока учились, боролись с нуждой, много читали, делали первые самостоятельные шаги в литературе.

Вадим Леонидович Андреев, согласно записи, сделанной его отцом, знаменитым русским писателем Леонидом Андреевым, «первый свой крик <...> издал на первый день Рождества 1902 г. в 11 часов 20 минут вечера, в среду». ¹ По новому стилю – 7 января 1903 г.

Родители обожали первенца, давали ему ласковые имена (Дим-Дим, Диди, Дидишка), по очереди вели записи в «Дневнике о Димискине». По признанию счастливого отца, во время работы над «Жизнью Василия Фивейского» летом 1903 года он после трех-четырёх фраз бегал целовать сына. В свою очередь мать, рассказывая о разных происшествиях в жизни малыша, подробно описала обстоятельства, при которых он назвал ее на свой лад: «Шурой-Дамой он меня прозвал и, вероятно, удачно, так как это прозвище установилось за мной довольно прочно». ²

Жизнь Вадима Андреева непоправимо изменилась после смерти Александры Михайловны. 18 июля 1907 года в «Дневнике о Димискине» Л. Андреев сделал одну из последних записей: «Милый мой Дидишечка! Твоя мама, которая так любила тебя, умерла. Это было почти 8 месяцев тому назад – в Берлине 28 ноября <19>06 г. в 9

часов утра, во вторник. Это огромное горе и для меня и для тебя — хотя сейчас ты его не чувствуешь. Теперь я еще не могу об этом писать».

Спустя годы о детстве без матери, об отце, его славе и его смерти (12 сентября 1919 г.), об учебе, годах скитаний Вадим Андреев рассказал в книгах «Детство», «История одного путешествия», «Возвращение в жизнь».³

В апреле 1922 г. стараниями американского профессора Д. Уитмора, проявлявшего большой интерес к России и русской культуре, Вадим Андреев оказался в Берлине. Первое время он жил у мачехи Анны Ильиничны Андреевой, по странному стечению обстоятельств поселившейся в том самом предместье Берлина Грунвальде, где осенью 1906 г. Вадим Андреев лишился матери. Возможно, именно это совпадение сыграло свою роль в неприятии Берлина как города, в котором он особенно сильно почувствовал свою неприкаянность. «Вначале мне казалось, — писал он позднее, — что Берлин окружил меня каменным молчанием. Я не чувствовал в себе силы войти в жизнь, и был полон смущения перед собственной душевной неустроенностью. Бродил по улицам, всматривался в лица прохожих, изредка знакомился с новыми людьми, но сразу же начинал их сторониться, и люди уходили, нисколько не заинтересованные моей смуростью и отчужденностью» (Возвращение в жизнь. С. 247).

Вера Андреева, дочь Л. Андреева от второго брака, сохранила в памяти портрет старшего брата той поры, когда они встретились в Берлине после продолжительной разлуки: «У Вадима была густая грива темно-каштановых волос, красивыми волнами обрамлявшими высокий лоб, небольшие усики, оттенявшие матово-бледное лицо, и даже его крупный нос, служивший источником семейных шуток в его подростковом возрасте, теперь нисколько не портил его. Брат стал изящным, я бы даже сказала, элегантным. Особенно хороши были у него глаза — темно-серые, почти черные, именно такие, как у отца».⁴

Подобно Вадиму Андрееву, многие русские, жившие в Берлине начала 20-х годов, смотрели на свое положение как на временное. Одни оказались в эмиграции случайно и надеялись на быстрое возвращение домой. Кто-то верил в быстрый крах советской власти, кто-то думал о переезде в другую страну, но и те, и другие прилагали немало усилий для сохранения русской культуры на чужбине.

«Не знаю, сколько русских было в те годы в Берлине, — писал И. Эренбург, — наверно, очень много — на каждом шагу можно было услышать русскую речь. Открылись десятки русских ресторанов — с балалайками, с зурной, с цыганами, с блинами, с шашлыками и,

разумеется, с обязательным надрывом. Имелся театр миниатюр. Выходило три ежедневных газеты, пять еженедельных. За один год возникло семадцать русских издательств; выпускали Фонвизина и Пильняка, поваренные книги, труды отцов церкви, технические справочники, мемуары, пасквили».⁵

Здесь жили или подолгу бывали, писали и печатались А. Белый, А. Ремизов, Б. Зайцев, Саша Черный, М. Цветаева, А. Толстой, Н. Минский, В. Ходасевич, К. Бальмонт, В. Шкловский, В. Набоков, М. Алданов. Из советской России приезжали В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пильняк. Русский Берлин вбирал в себя и пытался примирить представителей разных политических и художественных лагерей.

Широкое распространение получило издательское дело. Полные собрания сочинений Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тютчева выпустило издательство «Слово». Русская классика выходила и в издательстве «Мысль», русская поэзия – в «Скифах». В сотрудничестве с А. Белым издательство «Геликон» публиковало литературный ежемесячник «Эпопея». Одно из центральных мест среди эмигрантской периодики занимал журнал «Русская книга», позднее – «Новая русская книга». Кроме того, выходили альманахи и журналы «Грани», «Жар-Птица», «Сполохи», «Медный всадник». Как правило, издатели печатали авторов, находившихся по разным сторонам границы; не делили литературу на советскую и эмигрантскую; тем самым удовлетворяли спрос читавших на русском языке повсеместно, а литераторам, жившим в России, открывалась возможность быть напечатанными в тех случаях, когда публикация на родине была просто невозможна.

Оказавшиеся в Берлине выдающиеся деятели науки, высланные в 1922 г. из России, а также многочисленные творческие работники создали Русский Научный Институт, Религиозно-философскую академию, Союз сценических деятелей, Дом Искусств, Клуб писателей, «Веретено» и другие общественные и культурные организации.

Как следует из публикуемых писем, Вадим Андреев довольно быстро вошел в интенсивную жизнь тогдашней столицы русской эмиграции и сразу же стал знакомить с ней своих друзей. Кроме того, зная, как велико увлечение поэзией его корреспондентов, переписывал массу своих и чужих стихов.

Старший из собеседников Вадима Андреева – Владимир Сосинский (настоящее имя и фамилия: Бронислав-Рейнгольд-Владимир Брониславович Сосинский-Семихат, 1900 г. рождения); младший – Дода (Даниил Георгиевич Резников, родился в 1904 году). Начало их знакомства – 1921 год, Русский константинопольский лицей.

Сближению способствовала общая любовь к литературе – все трое много читали, пробовали писать. «Володя Сосинский, – вспоминал Вадим Андреев, – сел на мою парту, и часа два мы проговорили с ним о стихах. Вначале он меня экзаменовал, соображая, что нового я смогу внести в их поэтическую группу, потом увлекся. Имена русских поэтов взрывались, как ракеты: Фет, Баратынский, Бальмонт, Волошин, Анненский, Ахматова, Мандельштам; о Пушкине и Лермонтове не говорили – это были имена школьной программы и подразумевались сами собой» (Возвращение в жизнь. С. 203). Аналогичное признание сделал и Даниил Резников: «Потом он <Сосинский> поступил в Лицей, и в первый же день мы приступили к изданию журнала. С этого началась наша дружба. Мы вместе думали, вместе грезили и мечтали и, безусловно, любовь к искусству, которая для него так же, как и для меня стала религией, больше всего сроднила нас».⁶

Некоторое представление о том, насколько цельным в своей одержимости литературой был Владимир Сосинский, дает дневниковая запись, сделанная им 26 января 1922 г., накануне переезда из Константинополя в Болгарию: «Пришла одна из рождественских девочек.

“Значит уезжаете? Отчего вы, как старик какой-то, все за книгой; не выйдете развлечься?”

Говорили о “серьезном”. А когда уходила:

“Вы мне позволите еще раз прийти?”

Мне хотелось взять ее руки и сказать:

“Вчера, когда вы бросали в меня снег, лицо у вас было пунцово-розовое, красивое, а волосы – медно-золотые”.

Но вспомнил свой уродливый пиджак, свой звериный образ, – смолчал, да только посмотрел на две капельки грязи на ее чулках.

Эти дни, последние дни в родной Турции, я занимался хорошо, плодovито. Передо мной прошли Леопарди, Шатобриан, Диккенс, Теккерей, Санд, Бальзак, Гюго, Готье, Бодлер, Гейне, Зола, Гауптман, Пшебышевский, Ибсен, Метерлинк. К новым дням иду бодро и весело. Завтра еду в Болгарию. Каждая минута, каждая минута – тебе, искусство. Жить и жить в тебе. Какой восторг – так жить уметь! Меньше общения с толпой, больше – с людьми, стоящими ступенью выше» (Тетрадь первая. Л. 42-43).

Переписка друзей прервалась осенью 1923 г., когда В. Сосинский приехал в Берлин. Город, с которым молодой человек связывал столько планов, разочаровал его, ибо в это время уже начался исход русской интеллигенции в Париж, Прагу, Лондон, в Америку, и Берлин терял статус столицы русского зарубежья. В своем дневнике, обращаясь к Даниилу Резникову, он писал о том, что следует

противопоставить случившемуся: «Нужно уйти в книги и догорать одиноким факелом в полях России. Эмиграция уже спит. Россия уснет на днях <...> Пусть она спит. Нужно спасти искусство <...> Искусству надо выдержать собственный бунт. Мне с тобой уйти в искусство, сберечь пафос, догореть до конца — перебросить мост в вечность. Поэтам и всем горящим слиться в один костер и ждать пробуждения России. Но я боюсь, что сон будет долог и мы не донесем огня» (Тетрадь вторая. Л. 41-42).

Спустя несколько месяцев в том же дневнике тема обмельчания берлинской эмиграции усиливается, становится объектом язвительной критики: «Скучна, как заспанная физиономия ночного кондуктора, жизнь русской эмиграции в Берлине. Каждый новый день — приятно сдержанный зевек. Хрустя тысячами колес о рельсы и шинами об асфальт — как челюстью, шелкая всеми звонками и гудками, — как пломбированным зубьем, — зевает огромной зевотой огромный Берлин» (Там же. Л. 90).

Во взрослой жизни друзья не потеряли друг друга. Переехав в Париж, познакомились с семьей Ольги Елисеевны Черновой-Колбасиной, женились на ее дочерях Ольге, Наталье и Ариадне... Позднее, оказавшись в разных странах, продолжали переписываться и встречаться.

Первым ушел из жизни Д. Резников. В. Сосинский сохранил письмо от 12 июля 1970 г., в котором В. Андреев рассказал ему об утрате: «Вчера, 11 июля, мы приехали с Олей в Париж. Дода умер накануне, 10 вечером, мы уже не застали его в живых. Он лежит в своей комнате, аккуратно одетый, прибранный и удивительно изменившийся, совсем чужой. Маленькая голова, обострившийся нос, крепко сжатый рот. Прекрасный разлет бровей над запавшими глазами. И, конечно, ощущение недоговоренности, разговора, оборванного на полуслове, сознание, что “уже не перекинешь слова туда, в тот мир”. Последние дни Дода почти не приходил в сознание. Иногда брал Наташину руку, гладил. Но сознание было совсем замутненное. Никто не знает, насколько реально было в нем ощущение ухода. Еще три недели тому назад он все еще думал о том, что он будет делать, когда выздоровеет». Письмо кончается горестной фразой, возвращающей к началу дружбы: «Старик так и не дожил до нашего пятидесятилетия».⁷

В 1976 году не стало В. Андреева. В некрологе, опубликованном в «Литературной газете», отмечалось, что «Вадим Андреев прошел большой и многотрудный жизненный путь. Но где бы он ни жил, он всегда оставался сыном великой страны. Глубокой любовью к Родине проникнуто все его творчество».⁸

В. Сосинский, многие годы бережно хранивший папку с письмами 20-х годов, умер в 1987 году в Москве. Незадолго до смерти он передал собрание писем Александру Вагину, двоюродному племяннику В. Андреева. На титульном листе папки зеленым фломастером крупными буквами была сделана надпись: «В архив Вагина от Владимира Сосинского». Ныне письма находятся в Отделе рукописей Орловского объединенного государственного музея И.С. Тургенева.

---

¹ *Андреев Л.* Вполне достоверный рассказ о первых шагах Димискина на жизненном пути // Леонид Андреев: материалы и исследования. Выпуск 2. М., 2012. С. 31.

² *Андреев Л.Н., Андреева А.М.* Дневник о Димискине. Там же. С. 45.

³ *Андреев В.* Детство: Повесть об отце. Париж: Русские записки, 1938; М., 1963; М., 1966. Андреев В. История одного путешествия. Возвращение в жизнь. Через двадцать лет. М., 1974. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием страниц в тексте.

⁴ *Андреева В.* Старший брат // Орловская правда. 1976, 14 ноября. № 270 (16433). С. 3.

⁵ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 3 // Эренбург И. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М., 1966. С. 407.

⁶ Страница из дневника В. Сосинского, озаглавленная «Дода обо мне» // Бронислав-Рейнгольд-Владимир Сосинский. Тетрадь первая. От забвения. Константинополь-София-Шумен. 1921-1922-1923. — ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. № 580. Л. 9. В Рукописном отделе ИРЛИ (Р. I. Оп. 25. № 581) находится еще одна тетрадь дневника, на которую будут ссылки в тексте настоящей публикации: Бронислав Сосинский. Тетрадь вторая. Забвенное. София-Берлин. 1923-1924.

⁷ Домашний архив А. Вагина, Л. Кен.

⁸ Литературная газета. 1976, 9 июня. С. 4.

---

1. Вадим Андреев – Даниилу Резникову и Владимиру Сосинскому.

<5 сентября 1922>
в / Falkenstein.
Schützenstr. 37.
Berlin

Додка и Володя!

Да, все кажется издали лучше, чем оказывается вблизи. И Берлин тоже не составляет исключения. И напрасно ты, Володька, завидуешь мне. Нет пустыни худшей, чем пустыня многолюдья. То же одиночество и тоска, как в Софии. Даже хуже, ибо больше некуда ехать.

Разве только на Сомалийский берег стрелять слонов? Здесь в Берлине нет живых людей. По улицам ходят какие-то куклы, все мысли которых вертятся вокруг дорожающей жизни, Гретхен и кружки пива. Если бы только послушал, о чем говорят в пивных! Исключительно сплетни. Русских в городе мало. Очень много русских евреев, занимающихся по большей части игрой на бирже. Где же тут «высокие мгновения» переживать.

Единственный крупный поэт, с которым я тут познакомился, Саша Черный. Полная противоположность Мейеру¹. Робок, тих, говорит очень мало, как будто стесняясь. И странно – то, что услышал от него, когда наконец мне удалось его «разговорить», было очень «детско». Приблизительно то же, что мы когда-то говорили Мейеру. Разочаровал он меня окончательно. Правда, он очень мил, бесконечно мил как «обыкновенный человек». Но ведь не это же я искал в нем!

Собственно интересных знакомых тут только двое. Ильин и некто Шерман – оба наши стипендиаты. Но оба, вы сами это понимаете, опять-таки не то, что я ищу. Ну да что переливать из пустого в порожнее. Одним словом мне никогда не вернуть тех переживаний, которые были в Константинополе, когда мы жили вместе. Поэтому я даже Таксимскую шамалку² вспоминаю с любовью.

Скажу несколько слов о себе. Я очень изменился. Тот душевный процесс, о котором я говорил еще в Софии, продолжает развиваться. Это процесс интуитивного познания Бога. И отсюда, от приятия Евангелия, конечно, полная переоценка ценностей. Но процесс этот еще не закончился, и рано мне о нем распространяться. Хотя, вот маленький пример – раньше я не знал, почему я не люблю Рафаэля. А теперь знаю. Помните в «Идиоте» – «Католичество хуже атеизма. Атеизм ноль, а католичество минус»³. Теперь я почти не пишу стихи. Главным образом работаю над прозой.

Из книг, которые мне пришлось прочесть, самая интересная «Эпопея»⁴ – журнал под редакцией Белого. А в нем самое лучшее – воспоминания Белого о Блоке. Хотя эти воспоминания смахивают немного на автобиографию, но в них все же неисчерпаемая масса ценного. Жалко, что нет сейчас этой книги под руками, – я многое бы процитировал вам. Затем И. Эренбург «Хулио Хуренито» и «Все-таки она вертится». Правда, публицистика, но все же любопытно. Вот как он кончает книгу «А все-таки...»: «Искусство – это создание вещей (пусть не грубо утилитарных, но всегда необходимых). Художники – рабочие. Вот почему победа идеологии производителей – победа искусства». Писаревщина XX века. Кроме того, неизвестно зачем перечел массу говна вроде Пшебышевского⁵ (вот многослов-

ный осел!). Итак, кончаю письмо. Не сердитесь, что написал мало. Как настроение (чтоб ему лопнуть!) изменится, напишу еще. И вы мне пишите. Здесь в Берлине единственная живая радость (хорошая книга, пережитая в одиночку, радость мертвая) – это ваши письма. Пишите как можно больше, насколько позволят финансы.

Ваш В. Андреев.

«Девушка из Spoleto» («Строен твой стан, как церковные свечи») кончается так:

Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.
Блок.

Равенна.

Все, что минутно, все, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик,
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожжет.

Военной брани и обиды
Забит и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди – все гроба.
Лишь медь торжественной латыши
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

А. Блок. Итальянские стихи.

В поле Куликовом.

А. Блок.

1.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2.

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: “Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!”

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

Затем еще 3 стих<отворения>. Они в след<ующем> письме.

На исходе.
Ходили в мире лже-Мессии, –
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам их в литургии
И речь – бряцающий кимвал.

Своекорыстные пророки,
Лжецы и скудные умы!
Звезда, что будет на востоке,
Еще среди глубокой тьмы.

Но на исходе сроки ваши:
Вновь проклят старый мир – и вновь
Пьет Сатана из полной чаши
Идоложертвенную кровь!
И.Бунин.

Россия.
Пылай, огневая стихия,
В столбах громового огня:
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, –
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда – в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез –
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе – и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро, –
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, громовая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия –
Мессия грядущего дня!
Андрей Белый
1917 г. Август.

Устал переписывать. Да, между прочим, интересное явление — здесь в гостиных процветает Маяковский. И вместе с ним так же усиленно декламируют Блока. Ослы.

Ну, пока, еще раз, всего хорошего. Пишите чаще. Мой привет сердечнейший Аракси, Арам Емельяновичу, Жорке, Орлову, Браховичу, Моисееву, Мунтяну⁶.

Ваш В. Андреев.
Мой точный адрес.
Wadim Andrejew.
в / Falkenstein.
Schützenstrasse. 37.
Berlin .
(Германия?)
5-го сентября

¹ Мейер Георгий Андреевич (1894-1966) — поэт, публицист, философ, историк литературы. Автор статей о Гоголе, Достоевском, Гончарове, Салтыкове-Щедрине. Гражданскую войну провел в Белой армии при генерале Карповиче. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, в 1923 г. переехал во Францию. В Константинополе зарабатывал на жизнь преподаванием русского языка и докладами о русской поэзии для эмигрантов. «Встреча с Георгием Мейером дала нам многое,— писал Сосинский.— Мы любили с тобой Бунина, Волошина — и боролись с Мейером за Блока» (Бронислав Сосинский. Тетрадь вторая. Забвенное. София-Берлин. 1923-1924. Л. 18).

² Таксимская шамалка. — В книге «Возвращение в жизнь» В. Андреев несколько раз упоминает столовку (шамалку) на площади Таксим в Константинополе, где по карточкам лицейстов можно было получить жиденькое какао или похлебку с кусочком хлеба. «В тех случаях, когда погода была особенно скверной, — рассказывает Андреев, — пить какао на площади Таксим отправлялись только особенно голодные ученики. Они собирали карточки у всех лицейстов с условием выпить только какао и принести владельцу его долю хлеба. Не раз я возвращался, сквозь ветер и мокрый снег, с раздувшимся животом, в котором переливалась, как в раскачивающемся ведре, выпитая жидкость...» (С. 200).

³ Пересказ следующего фрагмента из «Идиота» Достоевского (часть четвертая, глава VIII): «...католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного!»

⁴ «Эпопея» (Берлин, 1922-1923. № 1-4). Литературно-художественный журнал под ред. А. Белого, четвертый выпуск вышел с подзаголовком «литературный сборник». Публиковались эмигранты и писатели из советской России, в творчестве которых редактор находил элементы «эпопейности», а также поэты разных школ и направлений: Ю. Балтрушайтис, С. Клычков, М. Цветаева, Г. Иванов, А. Кусиков. В. Ходасевич.

⁵ Пшебышевский. – Пшибышевский Станислав (1868-1927) – автор множества романов и пьес. В начале XX века пользовался мировой известностью, был одним из наиболее читаемых в России польских писателей.

⁶ В повести «Возвращение в жизнь» В. Андреев вспоминает о «замечательном учителе математики и превосходном педагоге» Араме Емельяновиче Варганьянсе, впоследствии назначенном директором русской гимназии в городе Шумен (Болгария). Аракси, Жорка, Орлов, Брахович, Моисеев, Мунтян – общие знакомые авторов писем по Шуменской гимназии.

2. Владимир Сосинский, Даниил Резников – Вадиму Андрееву

Шумен.

25-ое сентября 1922.

Дима!

Да конечно, тысячу раз лучше на Сомалийском берегу! Если Ты свое «многолюдье» называешь пустыней, то чем же можно назвать нашу помойную яму?! Ведь вокруг Тебя живые люди (Черный и др.), Ты можешь, по настроению, тонуть в толпе, по настроению, уединяться в своем тереме («Свобода только в одиночестве!») – Ты можешь искать высокие ощущения в новых книгах (О, великое счастье иметь новую книгу!), низкие ощущения в переулках Берлина – Ты можешь ЖИТЬ! Пусть вокруг Тебя потные, красивые лица бюргеров, как гоголевские свиные рыла, – пусть пиво и Гретхен, но жить хоть каким-нибудь, хоть пародируя жизнь, ведь можно?

Ну, а мы? Представь себе четырехугольный скотный двор (бывший двор для сумасшедших), куда загнали бичом условий жизни со всех концов земли стадо баранов и заставили жить вместе. Почтенные пастыри стада не могут дать ничего, кроме двух-трех до пустоты изжеванных мыслей. Дни проходят в вечных буднях, в мелочных терзаниях друг друга, в обоюдном уничтожении человеческого облика. Мы, Дода и я, все больше и больше поддаемся напору помойных волн и все неизбежней и безысходней погружаемся в серую тьму.¹ Ждем с нетерпением последнего дня, когда можно будет уйти. Если бы не один, последний, шаг к «клочку бумажки», аттестату, – мы давно бы бросили все. Тоска большая и, казалось бы, единственная (для настоящих дней) – это тоска по книге. Димка! – нет благодарностей за прекрасные стихи, за некоторые мысли, которые плескают в нас животворными каплями счастья. Сделай усилие и, если не можешь прислать какие-нибудь книги, то, Бога ради, выпишывай все ценное и дорогое. Ведь это оживит и Тебя, как и нас, ибо мы, в нашей тихой серой пристани, «научились» много чувствовать,

много думать, и можем многое дать Тебе. Счастье такой совместной работы — разве оно не зовет к себе, не манит Тебя?

— * —

Твоя душевная новая жизнь — слишком большое, чтобы можно было сейчас что-нибудь сказать. Но, если Ты скажешь многое о ней, если Ты хоть радио своим попытаешься изложить ее на бумагу, мы постараемся почувствовать ее. В многосложности и великой разнообразности жизни — ведь это так важно! Да поможет Тебе Бог!

О Саше Черном. Дима, во-первых, скажи о нем как можно больше, до мельчайших мелочей расскажи о нем, все, все (кончая костюмом), во-вторых, выслушай несколько слов об уже сказанном. Черный — немного дитя? Когда я думал о нем, мне казалось, что он нежен, задумчив, до безумия любит детей. Ты добавляешь: робок, тих, говорит очень мало, как будто стесняясь. Да вот таким должен быть Черный! Ты помнишь слова Ницше: «Зрелость мужа: это значит, что он снова нашел ту серьезность, которой он обладал ребенком во время игр». То, что человек (конечно, высшего порядка) достигает пыткой, чистилищем целой жизни, — иррациональность переживаний, — то ребенку дано рождением до первого произнесенного слова. Черный? Не принадлежит ли он к этим зрелым мужам?

Н. Минский вновь в Берлине? Андрей Белый? А. Ремизов? Есенин, Маяковский? Пиши о них.

Не могу без улыбки вспомнить две строчки из Spoleto. (Память у Тебя сильная!) Они уже вписаны в то место моих тетрадок, которое несколько месяцев ждало их. Спасибо.

Скорее присылай стихи «На Куликовом поле» (смотри все!) и еще тысячу других. Пришли обязательно выписки из «Эпопеи» (о Блоке). Сейчас (эти дни) у нас тревожное время: подготовка к экзаменам. Так что не взыщи за короткое письмо. Арам Емельянович свирепствует со своей высшей математикой, директор с физикой².

Почему Ты ни слова не пишешь о своем житье-бытье. Мы даже не знаем, в каком Ты высшем учебном заведении и живешь ли Ты у матери³. Пиши.

Илью Эренбурга мы любим, но читать приходилось мало. Это прямо какое-то проклятье: безтабашье и безкнижье! Почему Ты не прочел следующие книги: А. Белый: 1) Глоссалоллия, 2) После разлуки, 3) Путевые заметки, 4) Первое свидание, 5) Котик Летаев. А. Ремизов: 6) Мара, 7) Шумы города, 8) Огненная Россия, 9) Россия в письменах, 10) Ахру, 11) Лалазар, 12) Повесть о Стратилатове. Ф. Сологуб: 13) Чародейная чаша, 14) Небо Голубое, 15) Пламенный Круг. И. Эренбург: 16) Шесть повестей о легких концах, 17) Золотое сердце, 18) Тринадцать трубок, 19) Отреченные стихи, 20) Восторг.

К. Чуковский: 21) Книга о Блоке, 22) Книга о Леониде Андрееве (Блока, Чуковского, Белого и др.). Рерих: 23) Цветы Морни, 24) Собачья доля (Ремизов, Замятин). Экстер (25) Тугендхольд⁴ и десятки других. Мы мечтаем прочесть эти книги.

Библиотеки, театры и пр. Берлина тебя до сих пор интересовали? Пиши.

Привет Тебе от Арама Емельяновича и от всех наших ребят.

Отвечай скорей и жди моего нового письма, когда на свободе я смогу много сказать о наших мастерах, обо всем том, что нам дает жить. Пиши подробнее о своих настроениях, о своих новых знакомствах.

Твой Володька.

<Далее пишет Д. Резников>

Я не знаю, что можно добавить к тому, что уже сказал Володька, но скажи, Вадим, где же жизнь? И не лежит ли в тебе причина, которая отравляет твою жизнь в Берлине? – Ты взгляни, что делается у нас. Комната, в которой мы живем, напоминает Селимы⁵; город – провинцию времен Алекс<андра> II. Ну да что об этом. Знаю, что живем во лжи, с ложью слились и ложью подменили истину. Только душа еще не хочет смириться, – рвется, стонет, а как помочь?

В конце-концов так свыкнешься с этой трясинной и бездельем, что примешь как исход чьи-то слова «идти от лжи ко лжи». Ну, пока. Ты не обижайся, что пишу так мало; – нет настроения.

Д. Резников.

<Далее пишет В. Сосинский>

P.S. Имеешь ли Ты возможность увидеть «Жар – Птицу»⁶ за все месяцы? Если да – не затруднит ли Тебя написать нам, какие интересные вещи помещены в журналах (как из живописи, так и из прозы и поэзии). Если нельзя увидеть все самому, то, понимаешь, хочется услышать хоть что-нибудь. Также расскажи побольше про «Эпопею», «Сполохи»⁷ и др.

Мы слышали, что в Берлине устраиваются поэто-футуристами литературные вечера. Посещаешь ли Ты их? Там, кажется, подвизаются В. Каменский, Маяковский и др., приехавшие из Москвы. Слышали мы и о вечерах А. Дроздова⁸. Расскажи, что знаешь.

Осмотрел ли Ты Берлинские музеи живописи, скульптуры и посещаешь ли осенние выставки современников? Интересно, можешь ли Ты увидеть Штука⁹. Смотри, в общем, Дима, чтобы не получилось, как с нами в Константинополе. Мы все прозевали.

Потом: спектакли Московской Студии. Неужели и о них Ты ничего не сможешь сказать. Ведь я бы, кажется, продал всю свою дре-

бедень, чтобы купить билет на один из их спектаклей. Напрягай все усилия, чтобы Берлин не ушами, по-собачьи, прохлопать.

У нас тут пустота, и жаловаться на нее мы имеем право, а Ты на мертвенность Берлина — не совсем. Ждем с нетерпением Твоего письма. Как Твой немецкий язык? Что Ты можешь сказать о современной немецкой литературе?

Привет пр - доц. Ильину В. Н.¹⁰

¹ Гайто Газданов, учившийся в гимназии в это же время, считал, что его литературные симпатии определились здесь, в Шумене. Будущего писателя особенно поразил Валентин Валентинович Рашевич, человек энциклопедических знаний, обладавший талантом безошибочно и непогрешимо толковать русских классиков. По словам Газданова, «обычные критические статьи казались беспомощным лепетом по сравнению с его объяснениями» (Цит. по: *Федякин С.Р.* Газданов // Литература русского зарубежья. 1920-1940. Вып. 2. М., 1999. С. 216).

² Директор с физикой. — Директором Русской эмигрантской гимназии, образовавшейся в Константинополе и переехавшей потом в Шумен, являлся Анатолий Аполлонович Бейер. О том, каким он был замечательным учителем физики и воспитателем, рассказано в двух статьях-некрологах, вырезанных из газет и вклеенных Сосинским в первую тетрадь своего дневника. Один некролог подписан Гайто Газдановым. Автором другой статьи памяти А. А. Бейера стал Сосинский. Он писал: «Психология гражданской войны ("все дозволено"), память о погибших друзьях и родных, зачерствелость душ, испорченность характеров — все, что искверкал в русской молодежи шквал революции, — все это стало тяжелым материалом, который был призван обработать А. А. Бейер. Без улыбки нельзя вспомнить, как бывшие солдаты и офицеры превратились в примерных школьников, зубрящих камень науки; как вместо военных повадок, появились шпаргалки, подсказывания — весь ассортимент школьной жизни. Буйные натуры угомонились: грубый солдатский лексикон сменился математическими терминами; попойки — литературными вечерами и концертами — из безличной серой массы выделились художники, писатели и артисты — и началась настоящая, полная энтузиазма, культурная жизнь. И во главе этого преобразования стоял — руководитель и учитель, вдохновитель и друг, А. А. Бейер, который владел нами не дисциплиной, а ежедневным, неустанным призывом к нашим, долгое время дремавшим, лучшим чувствам...» (Дни. 1938. 30 апреля).

³ У матери. — Речь идет о мачехе — Анне Ильиничне Андреевой (1885-1948), второй жене Леонида Андреева. Приехав в Берлин в апреле 1922 г., В. Андреев первые недели жил у Анны Ильиничны на окраине города, в Грунвальде. Позднее снял комнату в центре Берлина, в двадцати минутах ходу до университета. В «Возвращении в жизнь» подробно описана эта комната и хозяйка квартиры фрау Фалькенштейн (С. 250-251).

⁴ Экстер. Тугендхольд. — Вероятнее всего, речь идет о книге Я. Тугендхольда «Александра Экстер как живописец и художник сцены». Берлин, 1922.

Яков Александрович Тугендхольд (1882-1928) — теоретик, художественный критик. Александра Александровна Экстер (1882-1949) — живописец, сценограф, художник прикладного искусства и педагог. Принимала участие в большинстве выставок русского авангарда, оформила футуристические сборники «Молоко кобылиц» и «Первый журнал русских футуристов» (М., 1914). В 1922 г. участвовала в 1-й Русской художественной выставке в Берлине. В этом же году в Москве вышла книга Я. Тугендхольда «Искусство Дега», обложка которой была выполнена А. Экстер.

⁵ Селимы. — Другие варианты написания: Селемье, Селимен, Селимие. — Русский беженский лагерь, находившийся недалеко от Константинополя и отличавшийся крайне суровыми условиями содержания согнанных сюда эмигрантов. «Селимие была настоящей тюрьмой, — писал Вадим Андреев, — вынужденным сожительством людей, доведенных до последнего отчаяния. Я никогда в жизни не видел большего скопления ненависти ко всему <...> Почти каждый день возникали стычки и драки — из-за неосторожного слова, из-за украденной пайки хлеба, из-за того, что кто-то не дал докурить свою папиросу» (Возвращение в жизнь. С. 227).

⁶ «Жар — Птица» (первые 13 номеров вышли в Берлине, 1921-1925; последний, 14-й — в Париже, 1926) — большеформатный журнал общекультурного направления. Литературной частью заведовал А. Черный (Саха Черный), художественной — Г.К. Лукомский. Быстро завоевал репутацию лучшего русского зарубежного художественного издания. Привлекал внимание читателей и известными именами писателей (А. Ремизов, А. Толстой, Б. Зайцев, Б. Пильняк, Н. Тэффи, К. Бальмонт, В. Ходасевич), и прекрасными репродукциями лучших русских художников: С. Судейкина, Б. Кустодиева, Л. Пастернака, А. Головина, И. Билибина, И. Левитана, Б. Григорьева, М. Шагала, Л. Бакста. В журнале публиковались архивные материалы. Так, в № 2-5 были напечатаны последние страницы дневника Леонида Андреева (сентябрь 1919), письма Л. Андреева к С. Голоушеву (1915), статья Андреева «Держава Периха» (1919), один из последних фотопортретов писателя и снимок его дома в Ваммельсуу.

⁷ «Сполохи» (Берлин, 1921-1923) — иллюстрированный литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал большого формата. Первые 14 номеров редактировал писатель А. Дроздов, 15-21 номера — редактор-издатель Е.А. Гутнов. Официальная программа была сформулирована А. Дроздовым: «Наша прямая задача послужить русской культуре из неласкового и невольного далека». Печатались стихи, проза, драматические произведения, очерки о русском искусстве как эмигрантов, так и тех, кто остался в советской России: К. Бальмонта, И. Бунина, К. Вагинова, Н. Гумилева, М. Волошина, С. Клычкова, А. Ремизова, А. Амфитеатрова. Выпуски журнала сопровождалась репродукциями картин Л. Бакста, М. Шагала, М. Врубеля, Г. Лукомского.

⁸ Вечера Дроздова. — Дроздов Александр Михайлович (1895-1963) — один из самых плодотворных прозаиков в пору расцвета русского Берлина; автор книг «Подарок Богу», «Распятие», «Счастье в заплатах», «Чертополох», «Туная борозда», изданных в Берлине в начале 20-х годов. В конце

1921 г. наладил выход журнала «Сполохи». Весной 1922 г. учредил группу «Веретено», в которую вошли писатели и художники. Объединение подчеркивало свою аполитичность, проповедовало творческие начала жизни, утверждало веру в созидательные силы русского искусства. Советом содружества было организовано несколько литературных вечеров, издано два выпуска журнала «Веретеньш». Осенью 1923 г. группа распалась, А. Дроздов в декабре того же года уехал в Москву.

⁹ Штук Франц фон (1863-1928) — немецкий живописец и скульптор. Испытал влияние А. Беклина и Ф. фон Ленбаха. Для творчества характерно сочетание академического натурализма и югендстиля («Потерянный рай», «Грех», «Люцифер», «Игра кентавров», «Война»).

¹⁰ Ильин Владимир Николаевич (1890-1974) — философ, богослов, психолог. Приват-доцент Киевского университета. С 1919 г. в эмиграции. Как и Вадим Андреев в Берлин приехал в 1922 г. из Константинополя при поддержке того же Уиттмора, преподавал в русских и немецких учебных заведениях. Писал статьи о русской культуре и литературе.

3. Вадим Андреев — Владимиру Сосинскому и Даниилу Резникову

Berlin Schützenstr.
37 в / Falkenstein
16-го октября 1922

Володька и Дода!

В последнее <время> со мной случилось много хороших вещей. Прежде всего, и из них это самое главное — это мое знакомство с Андреем Белым. Во-вторых, стал ходить в Дом Искусств ¹, и там имел возможность слушать И. Эренбурга, В. Ходасевича, Толстого, Минского, Айхенвальда, Пастернака (очень любопытный поэт. Величина определено не заурядная) и др. На днях будет читать Ремизов. В-третьих, перезнакомился с целой плеядой мелочи. Между прочим, существует такая поэтесса Вера Лурье ². У меня определено не <нрзб.>, что Лурье ее настоящая фамилия — по-моему, она родная сестра м-ль Арабей. Ну да все это мелочи. И так об А. Белом. Борисе Бугаеве тоже.

Странное он производит впечатление. Роста невысокого. Немного худ. Лысина во всю голову, только сзади и над ушами космы серых волос. Глаза небольшие, острые, посажены глубоко в глазных орбитах. Более умных глаз, чем у А. Белого я, кажется, никогда не видел. Движения быстрые. Немного крадущаяся, осторожная, косячая походка. Говорит медленно, часто останавливаясь, подыскивая слова. Очень, даже нарочито (напоминает этим немного папу),

любезен. Между прочим, безумно любит танцевать. И главным образом модные танцы.

Читал ему свои стихи. (Хватило-таки нахальства). Ругал. Хвалил. В конце - концов несколько стихотвор<ений> принял в «Эпопею». Я его об этом конечно не просил. Как-то стыдно было. Вообще за последнее время я опять принялся писать стихи. Дрянь. Но лучше, чем раньше. Одно из них привожу — не выдержал. Впрочем, это свойственно всем недопоетившимся поэтам.

Долгий вечер.
Сумерки. Бессонность.
Воет ветер,
Вихрит листья осенние.
На небе тучи —
Серая бездонность.
Может лучше
Нам без Воскресения?

Может радость
Ни во что не верить?
Может младость
Перестать надеяться?
Может надо
Ничего не мерить
Ладаном, нам,
Там, в поле развеяться?

Я не знаю.
Вспоминаю счастье.
Проклинаю
Шорох безысходности.
Покрывалом
Скрыты дни причастья.
В свете алом
Призрак, труп влюбленности.³

Записочку твою, Володя, С. Черному передал и думаю в следующем письме прислать его записку. Но о нем как-то скучно говорить — так он поблек по сравнению с А. Белым. И еще о нем — одевается он самым обыкновенным образом в пиджачную тройку. Только иногда дома подвязывает бант размеров невероятных. Чуть не приписал — ест, как все — до того хочется все его маленькие черточки отметить.

Еще несколько слов об одном «поэте» Кусикове⁴. Хотя о нем можно было бы и совсем не писать — ничтожество он полнейшее. Но он и Есенин возглавляют новое течение имажинизм, последний, впрочем, теперь отрекся. Сущность его заключается в том, что смысл в стихах неважен. Главные образы. И вот они этими образами буквально запичкивают читателя. А вот начало автобиографических стихов Кусикова. Хотя имажинизма там и не много.

Обо мне говорят, что я сволочь,
Что я хитрый и злой черкес,
Что кротость орлиная и волчья
В подшибленном лице моем и профиле резком.

Впрочем, самый яркий образ — это первая строчка. Очень яркий и верный.

О книгах писать невозможно — слишком много их и слишком они заслуживают, каждая по отдельности, очень длинного и тонкого разбора. А я этого, кстати сказать, и не умею. Между прочим Ремизовская Ахру наполовину состоит из статьи его о Блоке. Той самой, что ты, Додка, читал в Константинополе.

Привожу начало замечательнейшей поэмы Белого «Христос воскрес» (читайте по столбцам).

1.

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес
— Да пребудет
Весть:
— "Христос
Воскрес!" —

Есть.
Было.
Будет.

Другой отрывок:

12.

Разбойники
И насильники —
Мы.

Мы над телом Покойника
Посыпаем пеплом власы
И погашаем
Светильники.
В прежней бездне
Безверия
Мы,—
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —

Совершается
Мировая
Мистерия.

И еще один отрывок:

Россия,
Ты ныне
Невеста...
Приемли
Весть
Весны...

Земли,
Прордейте
Цветами
И прозеленейте
Березами:

Есть —
Воскресение...
С нами
Спасение...

Исходит огромными розами
Прорастающий Крест!

Поэма эта по справедливости может быть сравнена с 12 Блока.

Отчаянье

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год.

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: –

Туда, на равнине горбатой, –
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, –

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

А. Белый.

Это стих<отворение> относится к 1908 г.

Куликово поле.

3.

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, –
Разве знала <Ты>?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,

И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клеткот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрявда убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

4.

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

“Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!”
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

5.

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.

Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!
А. Блок. 1908 г.

Три послания

В.

I

Все помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем.

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

А. Блок.

Третье послание в третьем письме.

О себе как-то не хочется писать. Коротко – живу отдельно, комната хорошая. Учю нем<ецкий> яз<ык>. И вот уже полгода как напрасно стараюсь влюбиться, но бесплодно. Дода, пришли мне твои стихи. Если новых нет, то хоть «Крестики»⁵ и Володьке. Но пришли обязательно.

Ваш Вадим Велигорский ⁶.

С мамой живу очень хорошо. Мирно.

¹ Дом Искусств. – В конце декабря 1921 г. в Берлине по образцу Петроградского был основан Дом Искусств; избран Совет из 11 человек, его первым председателем стал поэт-символист Н. М. Минский. В Доме Искусств встречались и общались эмигрантские и советские писатели, как маститые, так и начинающие. С чтением своих произведений выступали А. Белый, И. Эренбург, В. Маяковский, Ф. Степун, С. Есенин, А. Кусиков, Георгий Иванов, А. Ремизов, Г. Адамович, В. Ходасевич, Борис Пильняк, М. Цветаева, В. Шкловский. Собирались еженедельно, сначала в кафе «Ландграф» (Курфюрстенштрассе, 75), потом в кафе «Леон» (Ноллердорфплац). 22 марта 1922 г. Дом Искусств принимал Томаса Манна с докладом «Гете и Толстой». Сбор от вечера было решено отправить на нужды писателей в Петрограде. Существование Дома Искусств прекратилось, когда из Берлина в 1923 г. уехали А. Толстой, А. Белый, В. Шкловский, Н. Минский.

² Вера Лурье. – Вера Иосифовна Лурье (1901-?) – поэт, литературный критик, мемуаристка. До отъезда в 1921 г. из Петрограда в Берлин была участницей кружка «Звучащая раковина», которым руководил Н. Гумилев. Позднее в берлинской газете «Дни» (1923, 17 июня. № 190. С. 9-10) опубликовала воспоминания «Маленькая столовая напротив кухни» о том, как Н. Гумилев читал курс по теории поэзии в петроградском Доме Искусств. В 1922-1923 гг. написала свыше 20 стихотворений, около 50 статей и рецензий. Член берлинского Союза русских писателей и журналистов.

³ Опубликовано в газете «Дни». 1922, 19 ноября. № 19. С. 9.

⁴ Кусиков. – Александр Борисович Кусиков (Кусикян) (1896-1977) – поэт. Известность принесли романсы «Бубенцы» и «Обидно, досадно» (все го на музыку было положено около 20 его стихотворений). Важным для становления Кусикова-поэта стало сближение с С. Есениным и имажинистами. Ему Есенин посвятил цикл «Москва кабацкая». Автор сборников «Зеркало Аллаха» (М., 1918), «Сумерки» (М., 1919), «Поэма поэм» (М., 1920), поэмы «Косвангелиеран» (М., 1920). В начале 1922 г. по командировке Наркомпроса был направлен в Берлин для работы в газете «Накануне» с целью установления контактов между эмигрантами и советской Россией. Р. Гуль так описывает момент прибытия Кусикова в Берлин: «Когда оттуда приехали Борис Пильняк и Александр Кусиков, кафе «Ландграф» вспыхнул огнями. На вечер публика валила валом <...> Кусиков вышел быстро и в черкеске. Он протянул правую руку вперед и убил дам с пудреницами – поэмой: “Обо мне говорят, что я сволочь!”» (*Гуль Р. Жизнь на фукса. М.-Л., 1927. С. 211*). В 1922 г. в Берлине были

изданы сборники стихов «Птица безымянная», «То, чего нет в Коране». В 1925 г. переехал в Париж. Приведенное четверостишие – из поэмы «Искандар-намэ» (1921).

⁵ «Крестики». – Стихотворение Даниила Резникова «Крестики» (с посвящением А. Блоку) переписал во вторую тетрадь своего дневника Владимир Сосинский (Л. 21). Вот этот текст:

В моей тетрадке только крестики
Над именами мудрецов.
В моей тетрадке только песенки,
Созвучья слов моих творцов.

О, как мучительно скрестить две палочки
Над метром наших словословий...
А над могилой вьются галочки,
Сычи кричат у изголовий.

Остановить... Сломать бы лестницу.
О, как мы жалки! О, как пусты!
О, дай мне, Боже, другую вестницу:
В моей тетрадке – одни кресты.

⁶ Велигорский. – Вадим Андреев подписался девичьей фамилией матери Александры Михайловны Андреевой (урожд. Велигорской) (1881-1906).

4. Владимир Сосинский – Вадиму Андрееву

Шумен. 27 октября 1922.

Дорогой Дима,

Ты приводишь нас в состояние дикой радости своими впечатлениями (правда, скудными) о великих мира сего. Неужели Ты не гордишь восторгом от одной возможности ступить по следам, оставленным их шагами? Ты говорил с Андреем Белым! Я не знаю, что было бы со мной, но, кажется, – слово не вырвалось бы из моих уст... Андрей Белый! Столько смысла, столько величия в этом имени! Если бы я видел библейского Моисея, Будду, Конфуция – мне кажется, я был бы менее потрясен, чем под взглядом «умных» глаз Белого. Мне Белый дал больше, тысячу раз больше, чем все они вместе... Разве знает этот великий чародей, что делает волшебством своих слов с бедными детьми своего паства, которых он когда-то из низин призвал к себе на солнечные высоты, и прогнал, побивая камнями, за то, что мы слишком возлюбили его вино? Разве жить так, нынешней жизнью, будешь после «пенного пива» возлюбленных учителей наших? Разве не навеки отравлены мы сладчайшим ядом их творимых легенд? Разве самовар и жена - кухарка в ситцевом платье примирит

меня с жизнью низин? Будь я трижды проклят, трижды сожжен не в горниле страданий, а в пустынях обыденщины, — если когда-нибудь приемлю настоящее! По целым неделям я не знаю неба; одну минуту смотришь на облако, на желтый ковер под желтым, пышным деревом; одну минуту смотришь на строки Андрея Белого, Сологуба, Блока, — и целые часы, целые дни — в скуке, злобе, тишине, постыдном спокойствии. Жду с нетерпением мгновения, когда, вызванный Белым и др. к жизни, брошусь с берега, навсегда простившись с прошлым... Кажется, утону...

Спасибо Тебе, Дима, за стихи... «Куликово поле» (я почти не знал его) — это новое счастье для нас, новая большая радость. Отрывки Андрея Белого говорят о чем-то необыкновенном, но не дают мне ничего. О, если бы, Димка, Ты не поленился прислать всю поэму! И вообще, Дима, побольше, побольше... Мы Тебе сейчас дать ничего не можем... Задолгаемся у Тебя, ну, а потом, поверь, заплатим сторидей. Прости, что я невольно начал считаться! Ведь я на математическом отделении! Расскажи о Пастернаке. Его Эренбург произвел недавно из гениев в мастера. Попались как-то его стихи, повеяло чем-то особенным, новым; но судить было трудно по двум — трем стихам: прошло мимо. Как Ты относишься к Есенину? Некоторые вещи, как «Исповедь хулигана», «Сорокоуст», произвели впечатление, врезались в память. Такие стихи, как «Песнь о собаке», трудно забыть. Так просто, сильно, ново-красочно, звучно — а чувство! Знаю я его мало; сужу только по первому взгляду. Если Ты дашь возможность заглянуть поглубже в его творчество — будем рады.

Давно я видел книгу Бальмонта «Сонеты солнца, меда и луны» (Песня миров), но прочесть удалось недавно. Не знаю, как подходить к ней. Растерялся... Много ненужного (конечно, для Бальмонта), много вымученного, сделанного (правда, искусно сделанного) — но сколько строчек воистину солнечного, медвяного, лунного! Простота стиха подобна стихам теперешнего Вячеслава Иванова (читал Ты изумительные «Зимние сонеты» Иванова?); мудрость поэта вселенского, вневременного, — и все не знаю, все не разберу — хорошо или плохо: вырос Бальмонт или пережевывает чужое, книжное. Экзотика, Китай, снег, весна, кристаллы льдов Севера, золотой мед, паутина — все, переплетаясь, дает чудное полотно, строго законченное, в сонеты вправленное, здание чарующей архитектоники — и все это вместе дает право строкам: «Я был бы равным в стае лебединой». И все же не знаю... Может быть, это ложь, техника, звуки... Пусть... Хорошо быть обманутым... Но не дай Бог — обманувшим.

1-го ноября.

Хочется мне чем-нибудь отблагодарить за стихи. Не знаю, какие Ты знаешь, какие нет. Но вот какие я мог бы Тебе написать: Иван

Бунин: Невольник. Дома. В лесу. Олень. Пастухи. Тэмджид. Тайна (Элиф. Лам. Мим). Змея. За гробом. Каин. Один. Стамбул. Дия. Прокаженный. Вячеслав Иванов: Кочевники красоты («Вам пращуров деревья и кладбищ теснота...»). Гимны Эросу («От кликов ночью лунной оленьего самца...»). Утренняя звезда («Над опаловым востоком в легионе светлооком...»). Андрей Белый: Смерть («Кругом крутые кручи, смеется ветром смерть...»). Путь («Устали дрожащие ноги. В пространстве дорога бежит...»). Твой ясный взгляд: в нем я себя ловлю. – Возврат. А. С. Петровскому («Я вознесен, судьбе своей покорный. Над головой полет столетий быстрый»). Вечный зов («Проповедуя скорый конец, я предстал словно новый Христос...»). Федор Сологуб: («Я испытал превратности судеб...»). Нюрнбергский палац. В райских обителях – блеск и сияние. М. Волошин: На смерть Блока. Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо. И т.д. Есть стихи Гумилева, Кузмина, Клюева, Мандельштама, Балтрушайтиса, Шагинян, Есенина, Брюсова, Эренбурга и др. Если Тебя что-нибудь интересует, скажи... я пришлю. Хотя не думаю. Мы в своем новом «Селемье» мучаемся от недостатка «хлеба», Ты же, кажется, целые дни дышишь чудным воздухом. Во всяком случае имей в виду.

Несколько слов о внешней нашей жизни. Кончился учебный год. Через месяц, два кончим выпускные экзамены. Тогда подумаем о дальнейшем: или на Зондские острова, или в Москву.

Дода месяц назад, ни на что не надеясь, послал в Москву, по старому адресу родным письмо. Сегодня получил оттуда письмо от матери и от среднего брата. Старший брат, по-видимому, убит. Приглашают Доду домой, предлагают деньги.

Старший мой брат, Евгений (Ты его знаешь?) приехал в Болгарию. Наверное, на днях приедет ко мне.

В следующем письме напишу, что мы за все время сделали. (Кого прочли, кого изучили, что восприняли). Расскажи подробнее и Ты.

Дима! Не забудь мою просьбу о девочке и Саше Черном. Жду с нетерпением его записку.

Пришли свои стихи. Этот присланный – Ты таких еще никогда не писал... Поразил меня ритм и размер... Хорошо... Слава Тебе! Рад за Тебя! Впрочем, восторг свой постараюсь поберечь для следующего.

Эх, жизнь! Так скоро становится, когда читаешь у Тебя о Берлине: рефераты, концерты, Белый, Ремизов, Эренбург – все мимо, мимо... Мы, кажется, снимем брюки и пешком придем в Берлин, – хоть краешком уха услышим голоса. Ни одной книги, ни одного журнала! Когда это кончится!

Сейчас прочли вслух «Собачий вальс» Л. Андреева (в «Современных записках») ¹, о котором Ты нам рассказывал в Лицее.

Ждем от Тебя радости. Володя.

Тесен мир. Луна высоко.
Люди – змеи. Слово – яд.
Загляни ко мне с востока,
Где огни Твои горят.

Солнце Ты забросил в горы:
На земле теперь туман.
Дремлют тайны. Гаснут взоры.
Вечность – ложь, и свят обман.

Ты возьми меня с Собою,
Унеси в Свой звездный сад:
Я в Твоем Саду весною
Посажу земных рассад.

* * *

Я здесь приник к Твоей земле.
Спаси, спаси, открой мне двери!
Огонь потух в моей золе.
Здесь душит ночь и воют звери.

Распни на сломанном кресте –
Я не донес его в пустыне –
Я здесь, на мировой версте,
Здесь, на безлюдной мертвой льдине.

* * *

Целый мир у меня незачатых светил,
Жизнь – тайник затаенных желаний,
Но мне страшно бродить среди угасших могил,
Ворожить на золе мирозданья.

Там, где звездная мреет во мраке межа,
Только тень полуночного Града,
Там ночные в молчаньи стоят сторожа
У преддверия звездного Сада.

* * *

С каждым сном мой путь короче,
Дальше веянье Твое.

Я, смежая чутко очи,
Ухожу в небытие.

Было в солнечных заклетьях
Мне и тесно и темно –
Видно мне в Твоих объятьях
Отдохнуть не суждено.

Здесь иль там, не все равно ли,
Догорит огонь стихов.
Выпью чашу сладкой боли,
Разрывая вечность снов.

* * *

Так в ритме жизни бредовой
Зачалася душа
Загадкой, ядом и Тобой*
Навек опьянена.

Но ты под маской огневой
Таишь свой темный лик,
Чтоб я, безумный и больной,
В тайник твой не проник.

Ловлю напев твоих огней
Над омутом болот,
И все безвольней и больней
Душа в огне поет.

P.S. «Genius aeternitatis» — мистерия перехода души от Бога к Сатане. Солипсизм. Помнишь Федор Сологуб? Жаль, что я не могу привести поэму целиком. Написана она полгода тому назад. Мы ее давно переросли... Считаю ученическим эскерсисом.

¹ Одно из программных драматических произведений позднего Леонида Андреева «поэма одиночества» «Собачий вальс» впервые была опубликована после смерти писателя в «Современных записках» (Париж. 1922. № 10. С. 1-66).

Вступительная статья и комментарии Л.Н. Кен.

(Продолжение в следующем выпуске «Ежегодника»).

* Сатаной

ОРЛОВСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В РАССКАЗЕ «АЛЕША-ДУРАЧОК»

Одним из самых «орловских» рассказов писателя Леонида Андреева является рассказ «Алеша-дурачок». Среди главных персонажей рассказа – супруги Трепловы, соседи семьи Андреевых, а одна из них – Акулина. Андреев очень выразительно пишет и о ней, и о ее жилище, которое носило название «кадетского корпуса»: с покосившейся набок крышей, «несколько схожей со швейцарским шале, благодаря обилию набросанных камней и кирпичей, долженствовавших удерживать на месте дрянную настилку», со стенами, которые «господин Треплов, супруг Акулины, по профессии более алкоголик, чем штукатур», поочередно вынимал и поочередно вставлял хворостиновые. «Особенно интересный вид представлял собой «кадетский корпус», когда была вынута стенка на улицу, – пишет Андреев, – и прохожие имели полную возможность наблюдать за течением семейной жизни гг. Трепловых, причем, несомненно, наибольшее количество избранной публики привлекал тот драматический момент, когда Акулина била и укладывала спать своего мужа. В то время я был глубоко убежден, что нет на свете более носатой, более высокой, более сильной, более страшной и громогласной женщины, чем Акулина. Когда по каким-либо обстоятельствам мне нужно было представить себе ведьму, я совершенно удовлетворялся представлением Акулины, останавливаясь перед одним лишь вопросом: каково же должно быть помело, на котором она летает?»

Как выяснилось, Акулина Треплова была выведена в рассказе Леонидом Андреевым под своим настоящим именем. В «Книге записи брачных обысков Успенской (Михаила-Архангельской) церкви города Орла за 1841-1856 годы»¹ нами была обнаружена следующая запись: «11 сентября 1852 г. < венчался > орловский мещанин Никита Данилов Треплов, 26 < лет >, и умершего мещанина Петра Иванова дочь девица Акилина, 17 < лет >». Судя по росписи, Треплов умел писать, невеста его была неграмотной, и за нее расписался жених.

В то время, когда Леонид Андреев, или, как его назвала Треплова, «Мелит Николаевич», начал ходить в гимназию, Акилине Петровне было 46-47 лет, ее супругу – 55. Дом этой супружеской пары – по полицейскому делению под № 7 в 32 квартале – достался от отца Никиты – орловского мещанина Данилы Васильевича Треплова. По оценке имущества 1877 года жилище это стоило 50 р. Тот же дом принадлежал Д.В. Треплову и в 1850 году.² Место, на котором

он стоял, было в собственности его семьи очень давно. По крайней мере, в начале XIX века Трепловы уже проживали тут. Вместе с городом орловское семейство Трепловых пережило грозу 1812 года.

Как и другие жители Пушкарных улиц, Трепловы числились приходом к Успенской церкви, которую чаще называют церковью Михаила Архангела. В этом храме они венчались, здесь крестили детей и отпевали своих родных. Из метрических книг Успенской церкви нам стали известны имена родных братьев – Леонтия и Даниила Васильевичей Трепловых. 16 октября 1811 года орловский посадский Леонтий Васильев сын Треплов венчался первым браком с «надворного советника Стефана Ильина Матвеева с отпущенною его дворовою девкою Екатериною Харитоновною».³ В 1834 году летом 45-летний Леонтий умер, в записи не сказано от чего;⁴ детей судя по всему у него не осталось, и недвижимое имущество, вероятно, в дальнейшем перешло к его брату Даниилу.

Даниил Васильевич и его супруга Фекла Григорьевна стали родителями нескольких детей; почти никто из них не дожил до взрослого возраста. Одним из старших сыновей был тот самый Никита, 1826 года рождения, описанный впоследствии Леонидом Андреевым. Дату крещения Никиты Треплова установить пока что не удалось. Известно, тем не менее, что 24 марта 1834 г. у «орловского мещанина Даниила Васильева сына Треплова» и «законной жены его первого брака Феклы Григорьевой, оба православные», родился сын Гавриил.⁵ Как было принято в те времена, крестили его 25-го марта, то есть на следующий день. Через 2 месяца – 29 мая Гавриил, 9-ти недель, умер «от младенческой» болезни. Незадолго до этого – 1 мая 1834 года – от кори скончалась двухлетняя сестра Никиты Елена.⁶ 1 ноября 1837 г. был рожден, 2 ноября крещен еще один сын Трепловых – Михаил.⁷ 25 августа 1841 года он умер трехлетним, от опухоли,⁸ и был похоронен на следующий день. 11 марта 1841 года в семье родился сын Алексей,⁹ крещенный 12 марта в Успенской церкви города Орла. Но в итоге в старом отцовском доме остался Никита, супругой которого и была та самая Акилина, она же в просторечии Акулина.

Таким образом, в нашем распоряжении оказался почти полностью обозначенным «первый ряд» героев рассказа «Алеша-дурачок», а именно «господа Трепловы» – Никита Данилович Треплов и его жена Акилина Петровна. Сотрудники музея Леонида Андреева еще совсем недавно были знакомы с их потомками. Дом Трепловых, правда, довольно ветхий еще сохраняется на ул. 2-ой Пушкарной (№ 35). Было бы замечательно, если бы он был отреставрирован и обозначен как нерядовая точка в экскурсионном маршруте по литературным местам города Орла.

Данные, найденные в метрических книгах Орла, позволяют нам узнать не только подлинные имена реальных соседей Андреевых, послуживших прототипами его рассказов. Нам важно и интересно и то, что Леонид Андреев, вслед за своим земляком Н.С. Лесковым, иногда просто не мог не назвать своих героев их подлинными именами, столь колоритные фигуры они собой являли, и никакие другие имена, кроме своих собственных, им больше не подходили. Скорее всего, и герой рассказа – Алеша-дурачок – так же существовал в реальной жизни и был выведен автором под своим подлинным именем.

Домовладения соседей Леонида Андреева, живших рядом с ним и описанных им на страницах его произведений, в самом деле составляли контраст с домом Николая Ивановича Андреева. В 1877 году андреевский дом оценивался в шесть раз дороже трепловского и официально стоил 300 рублей. Основную часть населения в этом квартале составляли люди незначительных чинов и состояния. В качестве иллюстрации к сказанному приведем некоторые выдержки из «Списка владельцев усадебных мест города Орла на 1877 год»,¹⁰ проживавших на улице 2-ой Пушкирной. Напомним, что дома тогда имели поквартальную нумерацию, то есть рядом с домом под № 1 стоял дом под № 2; рядом с № 2 – № 3 и так далее. Нумерация шла вокруг всего квартала и возвращалась к № 1.

– Дом № 7. Мещанина Даниила Васильевича Треплова. Место было за ним и в 1850 году.

– Дом № 8. Наследники мещанина Григория Яковлевича Ушакова. Эта городская усадьба принадлежала Ушакову и в 1850 году.

– Дом № 9. Солдатки Евдокии Петровны Минаковой; в 1850 году здесь находилось 2 участка – солдата Мартына Парфенова и мещанина Петра Ивановича Озерова.

– Дом № 10. Одноворцев Сергея и Алексея Дмитриевичей и Настасьи Савельевны Минаевых. В 1850 году место было за государственным крестьянином Дмитрием Михайловичем Аркадовым.

Дом № 11. Землемера Таксатора Николая Ивановича Андреева. По оценке 1875 года – 50 рублей, 1876 – 300 рублей. Деревянный дом со строением и местом достался ему от солдатки Прасковьи Ильиничны Корлевской по купчей, утвержденной 16 августа 1874 г. В 1850 место это принадлежало государственной крестьянке Настасье Гавриловне Федюкиной. 125 сажень у Андреевых занимал двор, 125 сажень – сад. Как видим, деревянный дом солдатки П.И. Корлевской во время его покупки Н.И. Андреевым немногим отличался от жилища Трепловых.

Дом № 12. Мещан Афанасия и Ивана Федоровичей Яковлевых. В 1850 году место находилось в собственности государственного кре-

стьянина Николая Даниловича Макарова, от которого оно перешло во владение к мещанину Ивану Тимофеевичу Суворову.

Дом №13. Солдатки Марии Николаевны Андреевой и ее сестры Матрены Николаевны Петровой. Ранее числился за солдатками Марьей и Матреной Калашниковыми: такой была фамилия сестер Марии и Матрены до их замужества. В 1850 место принадлежало солдатке Марье Калашниковой.

Дом № 14. В 1877 году им владела крестьянка Прасковья Михайловна Бабенкова.

Дом № 15. Унтер-офицер Ерофей Васильевич Лесковский; в эту фигуру следует взглянуть внимательнее. Орловским музейным работником Лидией Валентиновной Ивановой уже высказывалось предположение, что именно унтер-офицер Лесковский стал вероятным прототипом Бергамота.

Этот список можно продолжить. В соседних домах квартала и дальше по улице жили крестьяне, мещане, солдатки – простой городской люд, которых Андреев называл пушкарями. Исследуя их биографии, мы еще не раз можем столкнуться с описанием их характеров и нравов у Леонида Андреева.

Яркие личности жителей Орла, населявших окрестные улицы, были запечатлены также пером Н.С. Лескова. Так, в доме под № 1 в 36 квартале почти что рядом с церковью Михаила Архангела, чей «дом» значился под № 14,¹¹ проживал купец Степан Васильевич Акулов.¹² Его «бедные столы» описаны в лесковском «Несмертельном Головане». В этой повести Акулов тоже был выведен Лесковым под своей фамилией. Архивные находки позволили нам узнать, что благотворительные обеды купец Акулов давал не просто так, а потому что неподалеку от церкви в его собственности находился одноэтажный каменный дом с пивоваренным заводом и постройками.¹³ Тесное соседство пивоваренного завода и храма вызывало постоянное недовольство горожан; чтобы погасить его, Акулов вынужден был прибегать к перманентным актам благотворительности.

В том же 36 квартале, и тоже у церкви Михаила Архангела (Успенской), рядом, буквально через дом, проживал священник Андрей Петрович Казанский (владение № 16), прототип о. Игнатия в рассказе Леонида Андреева «Молчание». Около церкви в те годы имелась маленькая площадь, и ее, «залитую солнцем площадь, мощенную круглыми, ровными камнями, и напротив каменную стену длинного, без окон, сарая», видел в свое окно о. Игнатий. После похорон Веры супруга о. Игнатия, недвижно лежавшая дома, «слышала, как вышли все из церкви, как пели против их дома певичие», ведь дом их был рядом с храмом. Леонид Андреев описывает и орловское Крестительское кладбище, на котором хоронили прихожан Успенской церкви, и «запутанность» дорожек вблизи захоронений, и его невысокую церковь.

Герои произведений писателей-орловцев, местные географические и топонимические ориентиры, описанные ими, стали достоянием всей русской литературы. Дальнейшее изучение истории орловской повседневности и биографий жителей губернского центра и губернии помогут глубже понять замысел их произведений и приоткрыть дверь в творческую лабораторию писателей.

Примечания

- ¹ ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 3424. Л. 198 об.
- ² ГАОО. Л. 72 об. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618. Л. 72 об.-73.
- ³ Метрические книги Успенской (Михаила Архангельской) церкви города Орла за 1810-1823 годы. Ф 101. Оп. 1 Д. 3422.Л. 35 об.
- ⁴ ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 3424. Л. 71.
- ⁵ Метрические книги Успенской (Михаило-Архангельской) церкви города Орла за 1833-1836 годы. ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 3424. Л. 45.
- ⁶ Метрические книги Успенской (Михаило-Архангельской) церкви города Орла за 1833-1836 годы. ГАОО. Ф. 101. Оп.1. Д. 3424. Л. 68 об.
- ⁷ ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3425. Л. 20.
- ⁸ Там же. Л. 131 об.
- ⁹ Метрические книги Успенской (Михаило-Архангельской) церкви города Орла за 1840-1842 гг. ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3426. Л. 86 об.
- ¹⁰ ГАОО. Л. 72 об. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618. Л. 72 об.- 73; 73 об. - 74.
- ¹¹ Там же. Л. 86.
- ¹² ГАОО. Л. 72 об. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618. Л. 83.
- ¹³ Пивоваренный завод и дом были куплены С.В. Акуловым у Ромуальда Петровича Высоцкого; утверждены за Акуловым на основании земской давности Орловским окружным судом 4 января 1874 г, в реестре отмечено свидетельство, совершенной сделки 10 июня 1874 (ГАОО. Л. 72 об. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618. Л. 83).

Е.Н. Коханова

САВВА – СЫН ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

*И смерти – нет.
И быть не может.
Есть только Жизни
Немеркнувший свет.*
Ирина Андреева.

Все дети Леонида Николаевича Андреева, классика русской литературы, были исключительно талантливы. В этой статье речь пойдет о Савве Леонидовиче Андрееве.*

* Достаточно широко известны судьбы 4-х детей Л.Н. Андреева: Вадима (автор книг «Детство», «История одного путешествия», «Возвращение в жизнь»), Даниила (автор философско-провидческой книги «Роза

25 марта 1909 года в семье Андреевых родился сын Савва. Ребенок стал для семьи постоянным источником радости, тепла, нежности. Савва был первым сыном Леонида и его второй жены Анны. Молодые родители души не чаяли в ребенке, возлагали на него огромные надежды. Анна Ильинична мечтала, что Савва станет известным художником, а Леонид Николаевич верил, что его собственное дарование художника, которому он не мог дать окончательного выхода из-за своей литературной деятельности, будет унаследовано и окончательно выражено Саввой. Ребёнок рос избалованным – ему все разрешалось, и родители во многом ему потакали. Он был необыкновенно красив и любил разглядывать себя в зеркало.

Вера Андреева в своей книге «Дом на Черной речке» вспоминает: «Смуглый, черненький, с карими глазами. Незнакомые люди останавливались на улице, завидя его, и даже шли за ним, громко выражая свое восхищение. Избалован он был ужасно. Если кто-нибудь осмеливался перечить его желаниям и капризам, Саввка бросался на пол, предварительно сдернув с кровати одеяло и подушки, валялся, лягая ногами и испуская дикие вопли. Прибегали няньки, гувернантки, толпились вокруг, приговаривая медовыми голосами: «Саввочка, Сапатосик, перестань плакать, скажи, что ты хочешь!» – а Саввочка только визжит и норовит лягнуть как можно сильнее. Один раз Саввка со страшным ревом пришел к папе и пояснил: «Я Верку бью – бью, а она не плачет!»... От огорчения, что я не плачу, когда ему этого хочется, Саввка сам пустился в рев и пришел жаловаться на меня папе. «А ты палкой не пробовал?» - спросил папа и к превеликому Саввкиному возмущению отшлепал его».¹

Будучи известным писателем, Леонид Андреев посещал Орел. Так, в 1910 году, когда Савве исполнился год, писатель привез свою семью в родной город: матушку Анастасию Николаевну, жену Анну Ильиничну, и, конечно, маленького Савву. Квартировавший в то время в доме Андреевых на 2-ой Пушкинской Андрей Готлибович Шиллер вспоминал: «Я жил в то время в бывшем доме отца Леонида Андреева, при встрече с Леонидом Николаевичем предложил ему пойти ко мне посмотреть свое старое пепелище, на что он охотно согласился. При переходе с одной стороны улицы на другую Савва запротестовал и уселся в пыль посреди дороги. По желанию отца

мира», стихотворений и поэм), Веры (написала книгу воспоминаний «Дом на Чёрной речке», роман «Эхо прошедшего», повесть «Когда я была маленькая»), Валентина (технический переводчик). Меньше всего данных публиковалось о Савве Леонидовиче Андрееве. Сотрудники Дома Леонида Андреева на литературном вечере, посвящённом 105-летию со дня рождения Саввы, постарались восполнить этот пробел.

семья прошла мимо сидящего в пыли мальчика, оставив его одного посреди улицы. Мальчуган, почувствовав себя одиноким, перестал капризничать и побежал за ними».²

Все расхваливали вслух красоту и таланты Саввы, и ничего не было удивительного в том, что он так избаловался. В самом деле, он был очень одарённым мальчиком, в особенности проявлял способность к рисованию. Савве было всего пять лет, когда он нарисовал голову лошади. Она была как живая – глаза блестели, ноздри раздувались, вот-вот заржет. Он никогда не врал, не обманывал, не изворачивался, был храбр до безрассудства. И своими проделками Савва напоминал отца в детстве.

У Леонида Николаевича было огромное количество моторных лодок, каждая из них имела свое название. На яхте «Далекий» он на целые месяцы уходил в море, в шхеры. Анна Ильинична сопровождала его повсюду. Они совершали удивительные поездки в шхеры – крошечные безлюдные островки Финского залива. Довольно часто в такие плавания брали Савву – он был старшим и мог более сознательно относиться к увиденному. Один раз, чтобы продемонстрировать свое умение управлять кораблем сестре Вере, Савва решил прокатить её. «Савва влез в лодку, что-то там сделал с веслами и говорит: “Лезь, Пуча!”. Лодка понемножку отъезжает, <... > потом раздался чей-то страшный крик <....>, и уже, взбираясь по лестнице от реки, сзади идет папа с хворостиной. Он равномерно, в такт шагам подхлестывает нас и приговаривает: “Не ходи к реке! Не ходи к реке!”».³

Однажды Савва поймал курицу и трудолюбиво выщипал ей перья на шею якобы для того, чтобы она стала похожа на кондора. Потом он организовал травлю «газетчика» – скромного и невзрачного петуха неопределенно-белого цвета. «Он никому не делал вреда, – вспоминает Вера в своей книге “Дом на Черной речке”, – он старался поскорее стусеваться при нашем появлении, но мы его замечали и сейчас же устраивали травлю. На заднем дворе, под крышей сарая, стояла большая бочка, почти до краев наполненная дождевой водой, мы решили проверить, сможет ли петух, поставленный в условия водоплавающей птицы, употребить свои ноги для плавания, или же он сразу пойдет ко дну. Вопреки ожиданиям, петух и не думал тонуть, – спокойно и с достоинством озираясь, он величественно поплыл вокруг стенок бочки. Восхищаясь таким мастерством, мы дружно закричали “ура!”».⁴

Леонид Андреев любил Савву без перерывов, до самой своей смерти. В своем дневнике он писал: «Савва вчера съел с блюдца кусочек моей творожной пасхи и оставил на клочке записочку: “Я

взял маленький кусочек”. Дурень, дурень, за такую записку и всего мало! Да, дети... А меня они любят, даже до трогательности».⁵

Вместе с Саввой Леонид Николаевич катался на велосипеде, занимался посадкой деревьев в саду на Черной речке, о чем в своем дневнике 23 апреля 1918 г. написал: «Чудесный человек Саввка. Он сказал, когда мы таскались по саду с лопатами: “Вот, всем жить, а снегу умирать!” И добавил: “А может быть, снег не любит себя, не любит своей жизни и зимы не любит?” Я продолжил: “А любит весну, от которой умирает!”».⁶

Смерть Леонида Андреева оказалась не только катастрофой для всей семьи, но и началом испытания сознательной жизни Саввы под непрерывным, все обнимающим руководством Анны Ильиничны. Ему было всего десять лет, когда Леонид Николаевич умер, и это несчастье поразило его навсегда. «Вся Россия будет о нем плакать!» – кричит он.⁷

Подчиняясь безумному желанию Анны Ильиничны уехать куда-то, скрыться подальше от тех мест, где она жила с Леонидом, семья переехала вглубь Финляндии, на Сайменский канал, соединяющий Финский залив у города Выборга с бесчисленным множеством озер, объединенных общим названием озера Сайма. Это была крошечная пароходная станция с красивым именем – Раухаранта. Пристань была установлена только для одного-единственного дома, который возвышался несколько в стороне. В этом доме Анна Ильинична с детьми занимала только 4 комнаты и кухню. Соседями оказались богатые Тумаркины. Гувернантка воспитывала двух детей Тумаркиных – Виталия и Туею. Предполагалось, что они имеют выдающийся талант к живописи, блеск которого, к всеобщему смущению, быстро померк, когда Саввка очень хорошо нарисовал голову Юлия Цезаря.

В своем дневнике Анна Ильинична писала: «Как-то уж очень Савва рассеян. Исключительно он внимателен и остро сосредотачивается на лицах и на рисунке (лиц). Лицо сразу делается осмысленное и зоркое, даже голову наклоняет набок, будто обдумывает виденное и ищет что-то, присматривается».⁸... Сделать Савву человеком и выдающимся художником – это цель моей жизни».⁹

Ее тоска по мужу не проходила, она подолгу уезжала куда-то, гостила у знакомых, занималась какими-то делами. С одним Саввой она гуляла, даже часто брала его в свои поездки – его присутствие успокаивало ее.

Поселившись у некой г-жи Химонен, где-то между Оллила и Куоккала на Териокской дороге, Анна Ильинична стала частой гостьей художника Ильи Ефимовича Репина, который жил неподалеку, в «Пенатах». Анна Ильинична позировала многим художникам, но

ни один портрет не удался, так как репинский (на нем она написана лежащей на кушетке). «Опираясь на локоть, одетая в белое бальное платье, она задумчиво и печально смотрит перед собой. Белая шея, руки, складки платья выписаны с таким мастерством, что кажется, шелк шелестит, приподнимаемый дыханием, а на шее ритмично бьется маленькая жилка. Лицо ее удивительно похоже». ¹⁰ Когда портрет был окончен, состоялось его публичное представление. В ателье собралось много народу. К тому времени Савва уже очень недурно рисовал, и Илья Ефимович наблюдал за ним, поправляя и показывая ему. «Репину очень понравился один Саввин рисунок – он изображал старика сапожника. Савва много раз рисовал его из-за характерного лица. На наброске старик как-то особенно выразительно смотрит из-под густых клочковатых бровей - очки сдвинуты на лоб, в глазах смешливая искринка, как будто сейчас что-то скажет смешное, - Репин даже засмеялся, когда увидел эти глаза. «Хорошо, - сказал он, - из тебя выйдет толк». ¹¹

Савва ошутимо выделялся исключительным к нему отношением Анны Ильиничны. Он сопровождал её в деловых поездках, гулял с ней, разговаривал, вникал в ее заботы, умел как-то разделять их. «Казалось естественным, что Савве многое прощалось, сходило с рук, что не прощалось остальным детям. Он был особенный во всем. «Он был мужчиной в доме, – вспоминает Вера в своей книге “Эхо прошедшего”, - несмотря на свои 14 лет, умел с достоинством держать себя». ¹²

Возможно, все это немного ломало его характер, ведь Савва от природы был очень добрым, общительным и ничуть не надменным. «Сильный, красивый, столь похожий на отца, он мог хотя бы отчасти дать смысл маминому существованию», – писала Вера. ¹³

В него она вложила все свои надежды и чаяния, всю веру в исключительную одаренность, в которой Анна Ильинична видела как бы продолжение личности Леонида Андреева. Ей казалось, что Савва один соединил в себе талант Леонида Николаевича, понимание его философии и смысла человеческого существования и возможность выразить себя в искусстве – пусть не в литературе, но в живописи, которая была его вторым большим талантом.

Анна Ильинична, взяв с собой Савву (он был ее спутником – женой, любознательный, горячий), уехала в Неаполь, в Сорренто, на Капри. И там Савва взбирался на кручи острова, изнюхал все запахи олеандров и глициний, перекупался во всех Лазоревых гротах и «заливчиках» Капри, перепробовал всех жутко наперченных улиток и осьминогов, тушеных и жареных в оливковом масле, съел чудовищное количество дынь и арбузов. Наевшись всего, он зарылся

тяжелейшей марокканской дизентерией. Анна Ильинична привезла его из Неаполя уже больного, с высокой температурой. Три недели он лежал в больнице, и, когда его привезли домой, Анна Ильинична строго следовала предписаниям врачей, и никакие Саввины мольбы не могли разжалобить ее. Голодовка была единственным его огорчением. Он был все время весел и бодр необыкновенно и постоянно требовал есть. Даже сочинил стихи:

*...И вот уже в дверях
Наталья с тарелкой в могучих руках.
В ней дымится душистый бульон,
С разваренной курицей, нежной, как сон.¹⁴*

Страстная, болезненная материнская любовь накладывала свой трагический отпечаток на еще не сложившийся характер Саввы. Ведь он был еще так молод, полон простой, здоровой, веселой радости, неистребимого и эгоистического жизнелюбия. Привязанный к матери ее исключительным отношением к нему, Савва платил ей той же преданностью, той же болезненно напряженной любовью. Эти отношения между матерью и сыном внушали не только восхищение, но и некоторые опасения за мягкую податливую натуру Саввы, которая могла развиваться в некую отталкивающую, влюбленную в самого себя личность. К счастью этого не случилось. Натура Саввы была слишком своеобразна, отличалась известной твердостью взглядов и убеждений, особенно художественной впечатлительностью, позволявшей ему сохранить свое собственное «Я», перед которым сама Анна Ильинична уступала, и в молчании, как бы затаив дыхание, робела перед его мужественным, уже не знавшим никаких компромиссов, прямым характером.

В 1924 году Анна Ильинична уехала во Францию, она хотела отдать Савву учиться в русскую гимназию в Париже, с тем, чтобы окончив ее, он смог бы поступить в Академию изящных искусств – сделаться настоящим художником. «И мечта моя – Савва - художник, но настоящий, конечно, не хуже Серова...», – писала она в своем дневнике.⁵

В 1926 году Савва поступил в Академи де Бо-з-Ар, то есть Академию изящных искусств, он легко выдержал конкурс на отделение живописи. По выражению Саввы, он «ходил на базар», то есть посещал Академи де Бо-з-Ар. Бесконечные эскизы, рисунки голых натурщиц, бюстов известных скульптур, портретов пачками лежали на столах. Постепенно стало проявляться тяготение Саввы к портрету, но он долго выработывал в себе манеру письма, находясь то под влиянием Репина, то Шухаева, стараясь избежать фотографичности. Его рисунки часто вызывали совершенно искренний восторг

учителей: И.Е. Репина – еще в Финляндии, потом его профессоров Художественной Академии в Праге, Архипенко в Берлине, учителей художественной школы в Риме, в Париже и многих других.

«Кульм Микеланджело всегда царствовал в нашей семье, – вспоминал Валентин Андреев, – исключительный гений, перед которым преклонялся отец, навсегда запечатлелся в сознании Саввы. И он унаследовал от Микеланджело внутреннее, и близко переживая, почувствовав и полюбив его способ выражения, его девственную мощь и благородство, величие и отрешение от земной суеты. В музыке первое и исключительное место у него занимал Бетховен, – в живописи, скульптуре и рисунке – Микеланджело».¹⁶

Вот что пишет Вера Андреева в своей книге «Эхо прошедшего»: «Савва оглянулся на меня, и я поняла, почему его глаза так блестящие: они были полны слез... Посередине площади, на пьедестале, гораздо выше человеческого роста, повернувшись лицом к городу, который лежал у его ног, стоял бронзовый Давид... В доме на Черной речке у нас висело множество репродукций этой статуи – вид спереди, сзади, сбоку. Нам с Саввкой было приятно узнать в этом бронзовом исполнине знакомого, ставшего от вечного разглядывания немного домашним и чуть ли не родным Давида. Но здесь он предстал перед нами в новом облике – хранителем родного города. Ведь здесь родился, жил и работал Микеланджело, здесь он создал своего Давида».¹⁷

К сожалению, достигнув исключительного мастерства в рисунке, став любимым учеником высоко одаренных мастеров, закончив Академию изящных искусств в Париже, Савва «променял» свое, вероятно, блестящее будущее художника на ... танец. Другими словами, используя свои природные атлетические способности, свое изумительное телосложение, чувство ритма, музыкальность, – он попытался стать танцором, в чем ему сопутствовала, как обычно, удача!

Действительно, красотой он обладал необыкновенной: широченные плечи, стройный, ловкий, с красивым – иначе не назовешь – правильным лицом, очень похож на молодого Леонида Николаевича. Особенно хороши глаза, небольшие, темно-карие, с очень белыми, даже чуть синеватыми белками. Ничего особенного вроде, но цепкая заинтересованность взгляда, который никогда не был сонным и равнодушным, и милое дружелюбие придавали его глазам удивительную красоту. Четко очерченные брови, смуглые щеки с румянцем, который только угадывался под смуглой кожей, придавая ей чудесный оттенок молодости и здоровья. Белые, как рафинад, красивой формы зубы, блиставшие из-за резко очерченных губ,

освещали его лицо неожиданно теплым, добрым блеском. «Помню на пляже в Понтайаке Саввка выделывал какие-то акробатические прыжки и трюки – залезал на сваи ресторана, прыгал через стулья. Публика с большим восхищением любовалась им... А Саввка, загадочно улыбаясь своей ослепительной улыбкой, предпочел быстро скрыться», – писала Вера Леонидовна.

Савва поступил в хореографическое училище, главным педагогом которого был М.М. Фокин. В училище принимали разных по возрасту и способностям молодых людей, учили классическому балетному танцу, отбирая при этом самых способных. С Саввой занимался тогда сам Фокин, остальные, не теряя надежды пробиться к нему в ученики, занимались с разными преподавателями. С Саввой в одно время занималась Ольга Преображенская, прима-балерина Императорских театров.

«Покорение» Фокина произошло, – пишет Вера в своей книге «Эхо прошедшего». – Конечно, не сразу, но все-таки произошло, и начались для Саввки тяжелые часы тренировок у стенки, с другими. «Я же гибок, как французский ключ!» – сокрушенно вздыхал Саввка, пытаясь встать в пятую позицию или сделать мост. Постепенно ему это стало удаваться, он занимался с увлечением».¹⁹

Хореографическое училище находилось в старых огромных залах в центре Парижа. Никаких уборных для артистов, никаких душей, никаких буфетов. Анна Ильинична решила, что надо устроить буфет. Она раздобыла где-то столики, стулья, купила много одинаковых чашек с блюдцами, большой чайник, необходимые кастрюли. Она уверяла всех в прибыльности своего предприятия.

После относительно недолгого учения у Преображенской, Егоровой, Трефиловой, Князева и других знаменитых преподавателей танцевальная карьера Саввы началась. Ему пришлось объехать в составе различных трупп больше трех раз вокруг света. С успехом он выступал в Новой Зеландии, в Майами, Сан-Франциско, Гамбурге, Монте-Карло... «Эта балетная жизнь нравилась ему, нравилась своим блестящим обликом, с легко дававшимися ему физическими-техническими достижениями. В путешествиях, экзотике и бесчисленных, пьянящих тело и душу ощущениях, еще более оторвала его от реальности».²⁰ Окончив балетное училище, он выступал в концертах, организованных различными русскими организациями. Танцевал в составе Русского балета В.Г. Базиля с 1936 по 1938 г. Уже много лет спустя, в 1936 году, Савва в составе труппы русского балета выехал из Парижа в турне по Скандинавским странам. Балет посетил также Финляндию и дал в Гельсингфорсе несколько представлений. Савва решил воспользоваться счастливым случаем и в

свободный от спектакля день отпросился с репетиции и поехал на Черную речку. Побывал на могиле отца.

«Было темно и тихо. Проваливаясь в снегу, еле разбирая, где тропинка, я шел в тишине среди леса. И вот передо мной белая стена церкви и ее золотой купол. Обошел белую ограду. С тяжелыми шапками снега на ветвях безмолвно стояли сосны. Вот и калитка. Толкнул ее – закрипела и отворилась. Тихо по снегу шел к той стороне, где могила. Темнели кресты, возвышались белые холмики. Но вот то самое место. Безошибочно узнал его. Черный крест, белый холм и занесенные снегом кусты шиповника – их неясный силуэт. У подножия могилы камень. Стал на колени, поцеловал его. Холодный, в снегу. Раскопал снег на могиле, показалась длинная трава. Нагнулся и зарылся в нее лицом. Трава пахла так хорошо, так нежно и приятно. Холодил лицо снег. Стал на могилу, оцупал крест. Стоит твердо. Крепкий, большой. Обошел вокруг могилы, цепляя шипы шиповника. Еще раз приложился к холодному камню.... То, что было перед глазами, – было во много, неисчислимо много раз лучше всего возможного. И мне стало радостно и светло. Так хорошо было. Хорошо, что Россия недалеко, хорошо, что у церкви, хорошо, что в такой глуши, и на горе, и над морем. Вся эта гора – с церковью, с соснами – стоит как алтарь перед морем и небом. И больше нет ничего, и не надо».²¹

Савва участвовал в гастролях труппы по Австралии и Европе. Исполнил роль отшельника Аситы в первом представлении в Париже оперы А. Вихтмейстера «Князь Сидхарта» (1938). Марина Цветаева, которая была близкой подругой Анны Ильиничны, говорила о Савве: «Танцор замечательный. А весь облик – облик Парсифаля: невинность, доверчивость, высокий лад, соединенный с полным дикарством».²²

1941 год. Савва обосновался в Аргентине. Был артистом балетной труппы театра «Колон» в Буэнос-Айресе, где он проработал в течение 29 лет.

С колонией русских эмигрантов в Буэнос-Айресе Савва не был знаком и чуждался ее. Его внутренняя жизнь лежала или выше или вне общих, как он часто говорил, «мелко памятных», ненужных ему интересов. Он страстно любил солнце, страстно любил учение Христа, любил красоту жизни во всех ее проявлениях, он растратил всю свою душу в стремлении.... к великому и невозможному.

В фондах Государственного музея И.С. Тургенева хранится 24 письма Вадима Леонидовича Андреева. В одном из них он писал директору музея Л.Н. Афонину: «27 июля в Буэнос-Айресе (Аргентина) умер от сердечного припадка – мгновенно – Савва (1910-1970)». Из письма, написанного по-испански и полученного Вален-

тином Андреевым, видно, что «27-го после того, как они вдвоем (с женой Саввы — Хуанитой, с которой они не были венчаны — Е.К.) нормально поели, в 15 ч. 30 мин. Савва пошел в ванную и там беззвучно упал. Хуанита пыталась ему сделать искусственное дыхание, но безрезультатно. Приехавший через несколько минут врач нашел, что это был сердечный удар и смерть последовала моментально».²³

Смерть, в которую он не верил, пришла к нему внезапно и не спрашиваясь.

Валентин Андреев писал о брате: «Савва Андреев был исключительным человеком во всех смыслах этого понятия: за мою довольно длительную жизнь я не встречал, не любил и не знал человека более цельного, крепкого, неделимого и талантливого, в то же время странно не приспособленного к повседневной жизни, к тому земному существованию, которое обычно именуется “нормальным”».²⁴

Примечания

¹ Андреева В.Л. Дом на Черной речке: Повесть. М.: Советский писатель, 1974. С.20-21.

² Фатов Н.Н. Молодые годы Леонида Андреева. Орел, 2010. С. 204.

³ Андреева В.Л. Дом на Черной речке: Повесть. М.: Советский писатель, 1974. С. 35-36.

⁴ Там же. С.29-30.

⁵ Леонид Андреев. С.О.С.: Дневник (1914-1919). С. 78.

⁶ Там же. С.45.

⁷ Андреева В.Л. Дом на Черной речке: Повесть. М.: Советский писатель, 1974. С. 79-81.

⁸ Леонид Андреев. Далекое. Близкие. М.: Минувшее, 2011. С.106.

⁹ Там же. С.110.

¹⁰ Андреева В.Л. Дом на Черной речке: Повесть. М.: Советский писатель, 1974. С. 103.

¹¹ Там же. С.104.

¹² Андреева В.Л. Эхо прошедшего: Роман. М.: Советский писатель, 1986. С. 160.

¹³ Там же. С.160-161.

¹⁴ Андреева В.Л. Эхо прошедшего: Роман. М.: Советский писатель, 1986. С. 220.

¹⁵ Леонид Андреев. Далекое. Близкие. М.: Минувшее, 2011. С.11.

¹⁶ Письмо В.Л. Андреева от 17 декабря 1970 г. ОГЛМТ, ф.12, № 2821 оф.

¹⁷ Андреева В.Л. Эхо прошедшего: Роман. М.: Советский писатель, 1986. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 331.

¹⁹ Там же. С. 375.

²⁰ Письмо В.Л. Андреева от 17 декабря 1970 г. ОГЛМТ, ф.12, № 2821 оф.

²¹ Андреева В.Л. Дом на Черной речке: Повесть. М.: Советский писатель, 1974. С.138.

²² Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991. С. 98.

²³ Письмо В.Л. Андреева к Л.Н. Афонину от 10 августа 1970 года. ОГЛИМТ, ф.49, № 7903 оф.

²⁴ Письмо В.Л. Андреева от 17 декабря 1970 г. ОГЛИМТ, ф.12, № 2821 оф.

Л.Г. Солодухина

И.А НОВИКОВ-ЧИТАТЕЛЬ: СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПИСАТЕЛЯ

В семье Новиковых с детства приобщали к книгам, прививали культуру чтения. Маленький Ваня научился читать в 4 года. Эту любовь к книгам Иван Алексеевич пронес через всю жизнь. В своей автобиографии писатель сам вспоминает: «Впрочем, страсть к чтению началась с самых ранних детских лет. Первыми книгами, прочитанными мною, были наши классики, и многое у них я знал наизусть».¹

В мемориальной библиотеке И.А. Новикова много произведений классиков. Более двух тысяч томов родственники нашего земляка передали в Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева. В большой коллекции писателя рядом с собраниями сочинений И.С. Тургенева стоят томики стихов Ф.И. Тютчева. Следует отметить, что в многочисленном собрании И.А. Новикова присутствует несколько изданий стихотворений Ф.И. Тютчева. Самое раннее и наиболее редкое из них – издание «Русского архива» 1899 года. Самое позднее – «Советский писатель» 1953 года. На этой книге автограф автора примечаний: «Дорогому Ивану Алексеевичу Новикову с большой любовью. Д. Благой, 10/IX 1954». Общее количество изданий – пять, но самое интересное и ценное вышло в издательстве «Художественная литература» в 1935 году. На этой книге автограф редактора: «Товарищ Тютчев поручил мне презентовать эту книгу Ивану Алексеевичу Новикову. Георгий Чулков 1935».

Георгий Иванович Чулков (1879-1939) был хорошим другом Ивана Алексеевича. В книжном собрании Новикова находится известная в свое время его книга, ставшая библиографической редкостью, «О мистическом анархизме» книгоиздательства «Факелы» 1906 года, а также сборник лирики «Весною на севере» того же издательства 1908 года. Георгий Иванович был другом семьи Новиковых, частым гостем в доме. О нем пишет в своих воспоминаниях жена Новикова. Вот дневниковая запись Ольги Максимилиановны

Новиковой от 20 ноября 1922 года: «Чулков заходил, говорил о своих многочисленных воскресных собраниях и об их ценности для культурной Москвы». ² Последние годы жизни Георгий Иванович посвятил литературоведению и, в основном, занимался исследованием биографии и творчества Ф.И. Тютчева.

В библиотеке есть несколько сборников стихотворений Ф.И. Тютчева, и почти все они редактировались Г.И. Чулковым. Издание 1935 года интересно не только автографом редактора, но, главное, пометами самого Ивана Алексеевича. Это единственное издание стихотворений Тютчева было тщательно изучено им с карандашом в руках. Особый интерес вызывают пометы на первых страницах книги, где опубликован критический очерк А.З. Лежнева (1893-1938), известного в то время литературоведа, работы которого всегда вызвали много споров (в 1938 году он был оклеветан и репрессирован). В отношении к Тютчеву И.А. Новиков был резко не согласен с А.З. Лежневым. Об этом говорят многочисленные пометы на страницах критической статьи. Например, А.З. Лежнев пишет: «...Но только “неблагополучие”, катастрофичность исторического мира заставила Тютчева остро почувствовать мир природы как «неблагополучный», катастрофический, как хаос –

И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены». ³

На полях Иван Алексеевич пишет: «Это не хаос, это точная картина Земли во вселенной». ⁴ Статья кончается словами: «... Читатель, взяв его книгу, почувствует, как некогда страшился, принимал, прислушивался к земле и впотьмах, среди огромных и пугающих теней, искал дорогу человек». ⁵ Отметив эти строки крестиком, Иван Алексеевич ниже пишет свое мнение об авторе и его статье: «Тютчев искал, а Лежнев нашел! Какой маленький бедный Т. и какой могучий сверху вниз на него вззирающий Л.! Посадил в клеточку, пошел, объяснил, да еще сам в благородно-снисходительную позытуру стал. 5/1-46». ⁶ Рядом с этими строками еще надпись: «Я помню, как бедный Г. Ив. (Чулков) сердился, что ему подсунули эту статью Лежнева. 13.VI.39». ⁷

Следует отметить, что биографический очерк о Ф.И. Тютчеве Г.И. Чулкова Иван Алексеевич тоже прочитал внимательно. Выделил некоторые строки, исправил ряд неточностей.

В поэтический сборник Ф.И. Тютчева помещено 167 стихотворений, 135 хранят пометы Ивана Алексеевича. В основном, это подчеркивания карандашом или маргиналии. Хотелось бы остановиться на

некоторых из них. Часто Новиков проводит интересные сравнения Тютчева и Пушкина. На полях тютчевского стихотворения «Безумие» надпись: «См. Пушкина “Десница” и “Пророк”». В конце запись: «Совершенно гениальные стихи!»⁸ Внимательно пролистывая страницы сборника, можно найти интересные пометы. Например, выделив стихотворение «День и ночь», которое начинается так:

*На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов...*

Новиков пишет: «Одно из стих. Т., с раннего детства глубоко залегших в душу».⁹ При этом слова «с раннего детства глубоко» подчеркнуты. Под стихотворением «Кончен пир, умолкли хоры» Иван Алексеевич написал: «Едва ли не самое мое любимое стихотворение».¹⁰

Вряд ли найдется человек, которому не проникали бы в душу удивительные тютчевские строки:

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...*

В конце этого стихотворения владелец книги мелко, но довольно разборчиво написал: «С самого детства лежит в душе».¹¹ Особый интерес читателя вызывает стихотворение «Из края в край, из града в град...». В конце Иван Алексеевич вот как его комментирует: «(Почему-то мне сдается, что это либо перевод, либо подражание). Вполне «тютчевское» точное начало, повторенное в конце; остальное – резче, грубей, непрозрачнее. Родственное Тютчеву беспокойство, но не его».¹²

Читая эти строки, невольно задаешь вопрос, как нужно было любить и понимать поэзию, тонко чувствовать самого поэта, чтобы уловить его мысль, настроение и определить это самое «тютчевское начало»? В сборнике множество подчеркиваний и отдельных замечаний Новикова: «хорошо, верно, замечательно, изумительно». Иногда писатель, отмечая важные места в тексте, выносил на поля литеру «Ц».

Изучая пометы в книге, можно оценить разнообразные интересы Ивана Алексеевича, его богатый внутренний мир и широту знаний. Он хорошо разбирался в литературе и истории и был умнейшим в житейском плане человеком. В конце сборника опубликован блок писем Тютчева, которые наш земляк тоже тщательно изучил и оставил интересные пометы. В одном письме к П.А. Вяземскому 1848

года подчеркнуты слова: «... Поэтому враждебность, проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая услуга...». Ниже реплика Ивана Алексеевича: «Вот верная и по-настоящему умная мысль, применяю ее к литературе, к себе: “враждебность” заставляет ее творчески преодолевать (и исследовательски!), – перерастая ее, вырастаешь выше. Конечно, эта «враждебность» не должна быть голым «съеданием» человека!»¹³

Как известно, Новиков всю свою жизнь помогал молодым поэтам и писателям, а проблемам литературного творчества посвятил немало статей. В письме Тютчева к жене Эрнестине Федоровне от 13 сентября 1846 года он выделил такие строки: «... Действительно, стихи никогда ничего другого не доказывали, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя».¹⁴ В письме Тютчева к Эрнестине Федоровне от 5 июня 1858 года Новиков подчеркнул несомненно пророческие слова поэта-земляка относительно будущего России: «... Но именно потому, что решительное уклонение от правильного пути совершилось так давно, приходится предполагать, что возвращение на истинный путь совершится лишь после долгих и суровых испытаний. Что касается окончательного успеха России в этой борьбе, то я в нем сомневаюсь меньше, чем когда-либо».¹⁵

Иван Алексеевич был очень скромным человеком. Обладая незаурядным умом, он всегда располагал к себе собеседника, выслушивал каждого и этим притягивал людей, поэтому у него было много друзей и знакомых. Но от частого общения с ними, от суеты он уставал, его тянуло к природе, родным краям, уединению, он всегда оставался верным своей малой Родине. В письме Тютчева к жене от 9 октября 1870 года Иван Алексеевич подчеркнул строки, которые полностью отразили его собственные мысли: «... чтобы избежать скуки бесполезного и даже смешного пережевывания всех этих общих мест, которые сделались для меня еще противнее от сознания, что и я внес в них свою долю.. Люди могут так легко внушать мне отвлечение к моим же собственным мыслям!» На полях Новиков написал: «Великолепно!!».¹⁶ В этом весь Иван Алексеевич, таким его вспоминали современники, за это они его и ценили. В конце тома запись карандашом, как всегда это делал Иван Алексеевич, зная цену книгам и относясь к ним бережно: «20 июня 39 г. Читал дней 10 во время болезни, с нынешнего дня, кажется, выздоравливаю. Хорошо было с Тютчевым. Захотелось что-то о нем написать – м.б., только для себя. Он ведь с детства родной».¹⁷ Эти несколько строчек многое говорят об отношении Ивана Алексеевича к поэту, который всю жизнь был не только его учителем, но и врачом душой и телом, родником, откуда Новиков черпал духовное здоровье.

Перелистывая последние страницы сборника, начинаешь понимать: в этом томе замечательное соседство двух поэтов и удивительное скрещение судеб двух земляков. Книга, сохранившаяся в библиотеке, ожила, заговорила и раскрыла мир давно ушедших от нас людей.

Примечания

¹ Советские писатели: Автобиографии. Т.2. М., 1959. С. 131.

² ОГЛИМТ, ф. 16, ед. хр. 34217.

³ *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. М, 1935. С.33.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. С. 147.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же. С. 212.

¹² Там же. С.102.

¹³ Там же. С.298.

¹⁴ Там же. С.307.

¹⁵ Там же. С.319.

¹⁶ Там же. С.327.

¹⁷ Там же. С.290.

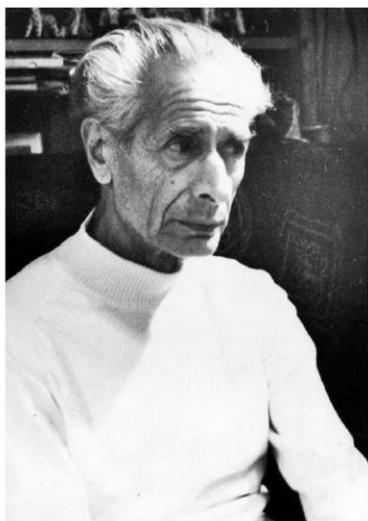
V.

*Из истории музея:
люди, годы,
судьбы*

*В.Д. Пришвина с сотрудниками музея И.С. Тургенева,
слева от неё В.В. Сафронова. Орёл. 1977 г.*

В.Л. Андреев. Ленинград. 1971 г.

*Г.Б. Курляндская с участниками
Тургеневской конференции. 1958 г.*

ИЗ ПРОШЛОГО

Приглашение на открытие выставки по случаю 140-летия М.М. Пришвина 4 февраля 2013 года в музей И.С. Тургенева напомнило мне далекое прошлое. Биографию и творчество Пришвина мне довелось изучать во время работы в орловском музее И.С. Тургенева. Надо признаться, что до работы в музее, как и многим в ту пору, мне Пришвин представлялся певцом природы, детским писателем, писателем-охотником. Когда я, будучи уже сотрудником музея, стала вновь перечитывать его произведения и литературу о писателе, я поняла: мне предстоит большая и интересная работа.

В моем постижении творческой биографии писателя были самые различные пути и формы, что вначале определялось производственными планами, а затем постепенно возникающим по мере изучения различных материалов интересом к личности Пришвина, к его творчеству. Литературные музеи как хранилища документальных первоисточников дают прекрасную возможность более основательного изучения творческой биографии писателя; просматривая документы, фотографии, рукописи, письма, хранящиеся в фондохранилище, погружаешься в эпоху, в которую жил писатель. Это самая благодарная для музейщика работа, которая дополняет информацию, полученную при чтении литературы, она необходима уже на этапе подготовки к проведению экскурсий, чтению лекций и не только. Музейные запасники раскрывают также экспозиционные возможности публичного представления музейной коллекции на выставке или стационарной экспозиции.

Мне стало ясно, что фонд М.М. Пришвина в нашем музее содержит много интересных оригинальных материалов, переданных в 1957 году при создании музея писателей-орловцев вдовой писателя В.Д. Пришвиной, его младшим сыном П.М. Пришвиным, женой старшего сына Г.Б. Фосс. В то же самое время в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения М.М. Пришвина предстоял большой поиск новых документальных свидетельств биографии и творческой деятельности писателя. В нашем музее, первом в стране открывшем экспозицию, посвященную замечательному земляку, планировалось создание юбилейной выставки. Работа над выставкой была поручена мне, а в перспективе намечалась и новая стационарная экспозиция.

Первый опыт поисков был таким. Однажды я прочитала небольшую заметку о том, что у трех известных художников-кариатури-

стов М.В. Куприянова, П.Н. Крылова, Н.А. Соколова, работающих под одним творческим именем Кукрыниксы, есть дружеский шарж на Пришвина как автора рассказов об охоте. Кукрыниксы в конце 1920-х – начале 1930-х годов выпускали альбомы шаржей на писателей наряду с карикатурами на политические и бытовые темы. В шарже на Пришвина использовалась знаменитая картина В.Г. Перова «Охотники на привале», где у всех охотников было одно лицо – Пришвина, тем самым как бы обыгрывалась многогранность художественных приемов писателя в его охотничьих рассказах. В справочнике адресов членов Союза художников СССР я нашла адрес мастерской Кукрыниксов, написала им письмо с просьбой найти возможность на приемлемых для них условиях передать этот шарж нашему музею. К моему удивлению, довольно быстро в музей пришла бандероль с рисунком, который передавался музею в дар. Кстати сказать, к этим художникам мне довелось еще раз обращаться с подобной просьбой; когда мы готовились к открытию Дома-музея Н.С. Лескова, в фонды музея поступило восемь замечательных иллюстраций к «Левше» их работы. Понимание необходимости сохранения культурного наследия в государственных хранилищах присуще многим писателям, художникам, деятелям культуры и искусства, их наследникам. Довольно часто в музей на хранение передаются в дар уникальные памятники культуры: предметы эпохи, архивы, документы; как правило, за этим стоят личные встречи и знакомства сотрудников музея с интересными людьми, истинными ценителями и хранителями культуры. Для меня одним из самых ярких и незабываемых событий во время работы по теме «М.М. Пришвин» было знакомство, а затем переписка и встречи с вдовой писателя – В.Д. Пришвиной. Она в последние годы жизни Пришвина была его литературным секретарем и помощником в работе, а после смерти писателя стала неутомимым исследователем творчества своего знаменитого мужа, комментатором и составителем сборников его произведений и дневниковых записей. Валерия Дмитриевна – автор ряда талантливых и глубоких по содержанию статей и книг: «Наш дом», «Пришвин в Дунине», «Круг жизни», «Путь к слову», – посвященных М.М. Пришвину.

Не так давно среди своих старых черновых бумаг я нашла запись рассказа Валерии Дмитриевны Пришвиной, сделанную мной 11 апреля 1968 года во время ее приезда в музей писателей-орловцев. Для меня эта встреча в музее стала началом знакомства, продолжавшегося несколько лет. Музей писателей-орловцев тогда находился в доме Т.Н. Грановского, где в шести небольших залах разместились экспозиции, посвященные великим орловским землякам – историку Т.Н. Грановскому, литературному критику Д.И. Писареву, писа-

телям Н.С. Лескову, И.А. Бунину, Л.Н. Андрееву, М.М. Пришвину. В тесноте этого дома Пришвину досталась самая маленькая комнатка; видимо, поэтому Валерия Дмитриевна во время той встречи с сотрудниками музея интересовалась планами музея на предмет расширения экспозиций.

Валерия Дмитриевна с большим вниманием выслушала сообщение директора музея О.Н. Овсянниковой. В те годы начиналось восстановление усадебного дома И.С. Тургенева в филиале музея – заповеднике Спасское-Лутовиново, что предполагало затем перемещение тургеневской мемориальной усадебной обстановки в восстановленный дом. В результате освобождающийся в Орле дом наследницы И.С. Тургенева О.В. Галаховой, в котором долгие годы экспонировалась тургеневская мебель, мог быть использован для новой экспозиции музея писателей-орловцев. В свою очередь Валерия Дмитриевна рассказала о своей работе, начавшейся еще при жизни мужа, по приведению в порядок и систематизации литературного архива Пришвина, о подготовке к печати его неопубликованных произведений и дневников, о своих размышлениях относительно сохранности архива в будущем, о своих издательских замыслах. Особенно подробным был ее рассказ о последних годах жизни Михаила Михайловича в московской, квартире и подмосковном летнем доме в деревне Дунино, где все сохраняется ею так, как было при жизни Пришвина. В Дунино после смерти Михаила Михайловича часто приезжали его читатели, которым хотелось посмотреть места, связанные с творчеством любимого писателя; Валерия Дмитриевна принимала их на территории усадьбы, проводила экскурсии по дому и парку; благодаря ее хлопотам дом и усадьба уже в 1967 году были объявлены памятником истории и культуры. При чтении тех старых записей меня поразило сообщение Валерии Дмитриевны о решении составить завещание, предусматривающее после ее смерти передачу московского кабинета Михаила Михайловича в музей писателей-орловцев, дунинского дачного дома – государству для создания музея М.М. Пришвина, литературного архива писателя – на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства. Так довольно подробно и заинтересованно Валерия Дмитриевна представила нам свои планы по увековечению памяти Пришвина.

При более близком общении с Валерией Дмитриевной после той встречи в музее писателей-орловцев мы убедились, насколько действенным было ее служение идее сохранения литературного наследия выдающегося русского писателя М.М. Пришвина и памяти о нем. За несколько месяцев до юбилея Пришвина Валерия Дмитриевна пишет из Дунина: «Я делаю свое: четыре книги идут в

центральных издательствах (я их составитель, автор предисловий). Кое-что в периодической печати. В Дунине напряженная работа: я, ст. научный сотрудник литературного музея, прикомандированный к моему дому для подготовки будущего государственного музея. Занимаемся описью и кроме того принимаем народ». В настоящее время деятельность В.Д. Пришвиной вполне справедливо оценивается как огромный вклад в русскую культуру. Об этом пишут Валентин Курбатов в книге «Михаил Пришвин», Валентин Бурлин в книге «Весна света» и другие исследователи творчества Пришвина. Не видя смысла повторять сказанное, я пытаюсь воспроизвести в памяти некоторые свои впечатления от личного общения с Валерией Дмитриевной. Просматривая её лаконичные деловые письма, до сих пор не перестаю удивляться её огромной работоспособности, сочетающейся с умением подчинить поставленной цели все до мелочей в организации своей жизни. Несмотря на постоянную занятость литературной работой, Валерия Дмитриевна находит время на переписку, на общение с читателями. Приведу отрывок из её письма ко мне от 3 ноября 1975 года: «Ко мне обратились лица, работающие по Пришвину в Орле. Ответ на ряд их вопросов они нашли бы в моих работах напечатанных... Я их отсылаю к этим работам и потому прошу Вас мне ответить, есть ли они у Вас, а чего нет – я Вам вышлю:

- Журнал «Русская литература» изд. Пушк. Дома, Ленинград №1, 1973 г. Статья (моя) «Слово правды».
- Журнал «Москва» за 1972 г. № 9. Моя критико-литературов. работа: «Жизнь как Слово»
- Тоже – окончание. Вчера подписала верстку № 12-го за тек. год.
- Книга М.М. Пришвина «Сказка о правде», составлена мной и вышла в 1973 г., «Мол. гвардия». В ней перед каждой главой, посвященной определ. периоду жизни Пришвина, мои размышления.
- Журнал «Север» Петрозаводск, 1975 г. №№ 5, 6 и 7. Главы из неоп. моей книги «Пришвин в Дунине». Они не столько о Дунине, сколько о последнем периоде творчества.
- Сборник «Контекст 1974». Изд. Наука» (здесь и далее сохраняется стиль автора писем)».

Письма и совсем коротенькие записки с перечислением своих новых публикаций или отосланных в музей изданий о Пришвине я получала от Валерии Дмитриевны довольно часто. В этом мне видится её забота о пополнении фонда научной библиотеки нашего музея, а также стремление расширить восприятие сотрудниками музея сути творчества Пришвина как писателя-мыслителя в противовес общепринятой в те годы односторонней оценке его только как левца природы. Конечно, это было со стороны Валерии Дмитриевны про-

явлением внимания, обращенного ко всем читателям Пришвина и исследователям его творчества, в нашем случае к тем, кто приходит в музей писателей-орловцев.

Другой темой писем и телефонных разговоров были размышления Валерии Дмитриевны по поводу моих вопросов, касающихся экспозиционных работ по Пришвину, но и сама Валерия Дмитриевна постоянно проявляла интерес ко всему, что происходило в нашем музее. Например, во время одной из личных встреч, состоявшейся в московской квартире Пришвиных, её интересовали подробности работ по строительству дома в Спасском-Лутовинове, по созданию экспозиции, посвященной Н.С. Лескову. Необходимо напомнить о том, что в семидесятые годы прошлого века в Орле сотрудники музея И.С. Тургенева одновременно трудились над созданием нескольких совершенно разных экспозиций; мне повезло в том, что я участвовала во всех этих работах. Летом 1974 года был открыт музей Н.С. Лескова, через два года, 25 сентября в Спасском-Лутовинове состоялось открытие восстановленного дома И.С. Тургенева, в котором во всей полноте была представлена усадебная обстановка. Замечательный дом Галаховых, неизменно привлекавший орловских посетителей и туристов в мемориальный отдел музея И.С. Тургенева, буквально осиротел после вывоза в Спасское-Лутовиново тургеньевской мебели. Научные сотрудники музея и общественность Орла ощущали необходимость введения другой экспонатуры, адекватной по эмоциональному восприятию тургеньевской мемориальной экспозиции. На заседании Ученого совета музея было решено, не ожидая окончания работ по новой экспозиции музея писателей-орловцев, срочно оформить по временной схеме экспозицию выставочного характера с использованием уже разработанной для стационарной экспозиции тематической структуры. Такое решение давало возможность без большого перерыва открыть для посещения опустевший дом. При этом наряду с литературной частью представляемая авторами экспозиции из фондов музея и дома Т.Н. Грановского мемориальная мебель А.А. Фета, Л.Н. Андреева, Б.К. Зайцева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, И.А. Новикова визуально вновь воссоздавала привычный для этого старинного дворянского дома образ.

В.Д. Пришвину удовлетворило в этом решении музея то, что экспозицию музея писателей-орловцев будет открывать зал А.А. Фета, это, по ее мнению, соответствовало отчасти выражению идеи преемственности традиций классической литературы 19 века в творчестве писателей рубежа двух столетий – 19-го и 20-го. В связи с активизацией работ по созданию новой экспозиции музея писателей-орловцев В.Д. Пришвина собирается приехать в Орел на открытие временной экспозиции, приуроченное к празднованию 20-летия

музея писателей-орловцев. Я понимала, что Валерии Дмитриевне необходимо было видеть новый зал Пришвина, так как она думала о передаче московского кабинета уже при жизни. Об этом она не один раз говорила мне устно, но есть этим ее размышлениям и письменные подтверждения. Так в письме из Москвы от 3 января 1977 года Валерия Дмитриевна пишет: «...очень прошу Вас заранее известить меня о дате празднования 20-ти летия музея. Если ничего непредвиденного не случится, то мы непременно приедем вместе с Лилей Рязановой. Еще прошу Вас объяснить мне, как понять сообщение, которое было по радио, что в Орле объявлен конкурс на проект здания музея писателей-орловцев. Так ли это? В связи с этим возникает вопрос: почему вы создаете временную выставку? Я так понимаю, что в проектируемом новом здании и будет предусмотрена комната, соответствующая московскому кабинету? Если я правильно поняла, то сообщите – какие сроки вами установлены для открытия этого здания и, значит, перевозки к вам московского кабинета. Мне не хотелось бы, чтобы вещи находились в запаснике до окончательного устройства постоянной экспозиции. Моя мечта, чтобы они встали на свои места при моей жизни, и я бы своими глазами увидела дорогую мне обстановку, перенесенную к вам». На выставке, о которой идет речь, экспонаты, рассказывающие о более ранних периодах творческой биографии писателя, занимали центральную часть зала. Это были материалы 20-х – 30-х годов, когда Пришвин с семьей жил в Загорске: личные вещи из загорского дома, документы, фотографии из семейного альбома и публикации произведений писателя, его охотничьи принадлежности, предметы интерьера, ранее переданные младшим сыном писателя. Этот вариант временной экспозиции был мною принят после обсуждения с Валерией Дмитриевной. Тогда ей представлялось, что к моменту открытия стационарной экспозиции она уже передаст в Орел московский кабинет Пришвина. К сожалению, на празднование, которое состоялось 15 февраля 1977 года, Валерия Дмитриевна не смогла приехать, а позже, в мае этого же года ее приезд совпал с проведением в Орле научной конференции, в которой она блестяще выступила с докладом.

Между тем наша экспозиционная группа продолжала работы по созданию постоянной экспозиции музея писателей-орловцев. Мои контакты с В.Д. Пришвиной в связи с этим становятся более частыми и конкретными. Валерия Дмитриевна принимала самое непосредственное участие в экспозиционном решении зала, посвященного Пришвину. Она считала, что в новую экспозицию музея писателей-орловцев мы должны включить московский кабинет писателя. Для создания ощущения достоверности кабинета в музейном пространстве Валерия Дмитриевна советовала мне более тщательно подготовить зала стены зала следовало выкрасить в синий цвет, как

это было в московском кабинете. Синий цвет ассоциировался в произведениях М.М. Пришвина с солнечным светом, и потому Валерия Дмитриевна придавала этому требованию особое значение и заранее передала мне кусочек подлинной штукатурки с синей окраской стен кабинета. Во время ремонтных работ, проводимых перед оформлением экспозиции, мы постарались наиболее точно воспроизвести необходимый цвет. Этот образец окраски, кстати, у меня сохранился до сих пор, и, думается, он еще пригодится для будущих экспозиционных работ. Кроме того, среди моих черновиков экспозиционных разработок тех лет сохранились и план кабинета М.М. Пришвина с точным обозначением расположения мебели, и планировка всей квартиры, составленные мною с согласия Валерии Дмитриевны и ее помощниц во время посещений пришевинской квартиры в Москве. Эти планы помогли мне точнее вписать кабинет Пришвина в экспозиции залов музея писателей-орловцев.

Открытие новой постоянной экспозиции музея писателей-орловцев состоялось летом 1980 года, но без московского кабинета. Валерия Дмитриевна все же не смогла при жизни остаться без кабинета Михаила Михайловича. Одно из последних ее писем от 17 февраля 1979 года, многое объясняющее, считаю необходимым привести полностью: «Милая Валентина Викторовна, спасибо за душевную деликатность, с которой написано Ваше письмо по поводу кабинета. Да, мне тяжело сейчас менять привычную обстановку жизни, особенно в связи с моими катарактами и необходимостью не сбавлять темпов работы, при сознании, что и жить-то мне осталось очень мало. Я не сомневаюсь, что Вы верите моему слову (и моей книге!) – кабинет завещан Вам. Конечно, красить надо в соответствии с имеющимся у Вас образцом штукатурки. А меня пожалейте и потерпите немного, пока кабинет сам к Вам естественно переедет.

Высылаем Вам нашу «продукцию»:

1. Пришвин в Дунине
2. Сб-к «П<ришвин> современность»
3. Контекст 78
4. Сб-к «Традиции в истории культуры»

В каждом есть Пришвин или о нем.

Сейчас начинаем вплотную работать над новым собр. сочинений. Я его составит<ель>.

Ваша В. Пришвина

Еще почему не хочу сейчас менять обстановку в моск<овской> квартире: часто приходится «вести экскурсии» – трудно отказывать людям, желающим побывать у М.М. А их все больше и больше».

В самые последние дни того года Валерии Дмитриевны не стало. Во время похорон я узнала, что незадолго до смерти в ее завеща-

ние было внесено уточнение, касающееся кабинета. Новая редакция текста завещания допускала возможность создания музея М.М. Пришвина не только в Дунино, но и в московской квартире, если Министерство культуры сочтет возможным принять такое решение. Руководство Министерства культуры и Государственного литературного музея г. Москвы сочло более рациональным первоначальный вариант завещания, и через полгода я, как представитель нашего музея, была направлена в Москву для оформления права вступления Государственного музея И.С. Тургенева в наследство и организации срочной перевозки в Орел кабинета М.М. Пришвина. На срочности освобождения пришивинской квартиры настаивали руководители Союза писателей СССР, так как кого-то из многолетних нуждающихся членов Союза должны были уже вселять на освобождающуюся в писательском доме площадь. Для ускорения процесса получения квартиры Союз писателей назначил специального представителя, которому было поручено заказать нам транспорт в Москве для перевозки кабинета.

Наконец, после проведения всех необходимых согласований в пришивинской квартире состоялось нотариальное оглашение завещания В.Д. Пришвиной. Согласно воле покойной наследниками литературного архива М.М. Пришвина объявлялись Валентина Владимировна Круглеевская и Лилия Александровна Рязанова, при этом архив передавался на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства. Подмосковная усадьба Дунино передавалась в ведение Государственного литературного музея на правах филиала, рабочий кабинет московской квартиры передавался Государственному музею И.С. Тургенева для экспонирования в музее писателей-орловцев. Сразу после оглашения текста завещания состоялось подписание всеми сторонами необходимой в таких случаях документации. К этому времени в Москву с печатью музея подъехал наш главный хранитель фондов Александр Иванович Понятовский, и буквально на следующий день мы с ним приступили к решению вопросов, связанных с транспортом, погрузкой мебели, упаковкой мелких предметов, оформлением акта приема и передачи мемориальных реликвий. В соответствии с описанием кабинета, составленным Валерией Дмитриевной, передачу кабинета осуществляли помощницы Валерии Дмитриевны, Лилия Рязанова и Яна Гришина, которые и по сей день работают в Дунинском музее.

В Орел мы ехали на двух грузовых машинах, первую сопровождал Александр Иванович, второй грузовик – я. В то время, пока мы были в пути, директор нашего музея Нина Максимовна Кирилловская, ожидая нас, организовала работу по подготовке к приему кабинета М.М. Пришвина в музее писателей-орловцев. В пришивинском зале была освобождена от временных экспонатов экспозиционная пло-

шадь, планировавшаяся заранее под кабинет писателя, который сразу при разгрузке с дороги почти в полном объеме занял свое почетное место в экспозиции музея. Через несколько дней после проведения всех полагающихся в таких случаях оформлений музейной документации, воссоздания того, что висело на стенах, размещалось на рабочем столе, кабинет М.М. Пришвина был открыт для посетителей.

Мне кажется, что Валерия Дмитриевна была бы довольна, если бы смогла увидеть, как органично вписался кабинет Михаила Михайловича Пришвина в общую композицию музея писателей-орловцев, что ни единого дня кабинет не простаивал в музейных запасниках. На протяжении длительного времени в зал Пришвина приходили экскурсанты, среди которых было много школьников, а в день рождения писателя, как было в московской квартире, каждый год в музее проводились вечера, собиравшие его поклонников. К сожалению, несколько лет назад музей писателей-орловцев пришлось закрыть на капитальный ремонт из-за аварийности здания галаховского дома, не ремонтировавшегося более сотни лет. В последние двадцать лет, когда особенно активно велись ремонтно-реставрационные работы в других зданиях литературного музея, этот дом в первую очередь следовало освободить от размещавшихся в нем многотысячных томов научной библиотеки и фондохранилища, что и было осуществлено. После строительства пристройки в здание музея И.С. Тургенева была переведена большая часть библиотеки, по завершении работ в двухэтажном доме бывшей детской поликлиники из галаховского дома полностью выведено фондохранилище. Наконец, долгожданный ремонт начался. Надеюсь, что в ближайшие годы в Орле вновь будет открыт музей, достойный славы литературной Орловщины.

Л.В. Дмитрихина

Г.Б. КУРЛЯНДСКАЯ И МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА **Памяти учителя**

История музея И.С. Тургенева с 1957 года неразрывно связана с именем Галины Борисовны Курляндской. Какое бы официальное название музей не носил, как бы не расширял свои экспозиционные пространства, Курляндская всегда оставалась внимательным, заинтересованным советником и соратником во всех музейных начинаниях.

Избрав главным объектом своего научного интереса творчество И.С. Тургенева, Галина Борисовна не могла не обратить свой взор в сторону родины писателя, где с 1918 года жил и работал музей.

Учёный секретарь нашего музея М.В. Алексеева обнаружила в музейном архиве документы, свидетельствующие о том, что отношения Г.Б. Курляндской с Тургеневским музеем начались на 3 года раньше её приезда в Орёл.

В 50-е годы директором Государственного музея И.С. Тургенева была Евгения Ивановна Кожухова. (Кстати, 12 ноября 2012 года Евгении Ивановне исполнилось бы 100 лет). Деятельность Кожуховой на посту директора была отмечена многими интересными начинаниями. Среди них – традиция проведения на Орловщине международных научных конференций, посвящённых проблемам исследования творчества И.С. Тургенева.

Как известно, первая такая конференция состоялась в 1952 году и была посвящена 100-летию выхода в свет первого отдельного издания «Записок охотника». На этой конференции выступили многие известные тургеноведы во главе с академиком М.П. Алексеевым. Но Курляндской среди них ещё не было. (Были М.П. Алексеев, Г.А. Бялый, О.Я. Самочатова, Е.И. Кийко). С этого события установились связи с Пушкинским Домом, с М.П. Алексеевым.

Следует отметить, что в эти годы главным инициатором и организатором конференций был музей. Под грифом музея издавались и тургеновские сборники (1940, 1955, 1960). Архив музея хранит огромную переписку, которую вела директор Кожухова как с научными и административными учреждениями, так и персонально с учёными.

Имя Г.Б. Курляндской появляется в этой переписке осенью 1954 года. Сначала Кожухова обращается в Казанский университет с предложением принять участие в научном заседании 1955 года на тему «Тургенев и литература СССР и стран народной демократии». Такие же письма рассылаются и по другим университетам, в том числе в бывшие Союзные республики.

Вероятно, руководство Казанского университета передало письмо Г.Б. Курляндской, которая прислала в музей автореферат своей диссертации и письмо: «31.08.55. Казань».

С опозданием посылаю Вам свой автореферат. Буду очень рада, если Вы пришлёте мне свои соображения и впечатления, они необходимы мне сейчас, т.к. я готовлю свою работу к изданию «Романы И.С. Тургенева». Диссертацию защитила 8 июля, всё лето болела и не могла осуществить свою мечту (приехать в Орёл). Буду Вам очень благодарна, если Вы, собирая конференцию, вспомните и обо мне. Если будете издавать тургеновский сборник, могу предложить Вам большую статью о «Рудине» (у меня сохранился на неё отзыв Н.Л. Бродского). Надеюсь познакомиться с Вами лично».

В ответ Е.И. Кожухова пишет: «Извините, что не знаю Ваше имя и отчество. Большое вам спасибо за письмо и автореферат. У нас 8 октября будет сессия... На этой сессии будут стоять доклады М.П. Алексеева... Очень хотелось бы, чтобы Вы на этой сессии сделали доклад. Напишите мне» (письмо от 03.09.1955 г.).

В ответном письме Галина Борисовна сообщает: «Благодарю за приглашение принять участие в сессии «Тургенев в странах народной демократии и в литературе народов СССР». Но сделать доклад на этой сессии не смогу за отсутствием материала, т.к. в своей работе над Тургеневым не касалась этой темы, – и далее добавляет. – Избранная Вами тема сессии очень актуальна в связи с задачами советской литературы. Очень хочу принять участие в сессии и прошу Вас прислать мне приглашение, чтобы здесь мне получить согласие университетского начальства. Сейчас с живым интересом читаю книгу о Тургеневе – результат Орловской сессии, посвящённой «Запискам охотника» [«Записки охотника» И.С. Тургенева. (1852-1952). Сборник статей и материалов под ред. М.П. Алексеева. Орёл, 1955].

Приехать на эту сессию Курляндская по каким-то причинам не смогла, и Е.И. Кожухова с сожалением пишет: «Очень жаль, что Вы не смогли приехать, но будем надеяться, что Вы придёте к нам в Спасское-Лутовиново и Орёл. В настоящее время готовим сборник... Очень хотелось иметь и от Вас «Тургенев и татарская литература» или что-то в этом роде... Над чем Вы сейчас работаете? Продолжаете ли работу над Тургеневым или же нет?»

Переписка между ними продолжается и в дальнейшем.

В 1956 году, летом, Евгения Ивановна обращается к Курляндской: «Вы обещали приехать к нам в Спасское в августе месяце, но что-то Вы ничего не пишете, может быть, Вы раздумали?»

Теперь относительно статьи «Тургенев и татарские писатели». Я Вас очень прошу прислать мне адрес Нигматулиной, я ей буду писать и просить, чтобы она прислала в музей статью для сборника. Напишите, когда Вы думаете приехать к нам».

Можно предположить, что в несохранившемся письме Курляндская отказалась писать о Тургеневе и татарских писателях и порекомендовала в качестве автора статьи на эту тему свою коллегу Ю.Г. Нигматулину. Евгения Ивановна обратилась по указанному адресу, и 10 февраля 1957 года Курляндская пишет Кожуховой: «Посылаю Вам работу своей аспирантки Юлдуз Галимжановны Нигматулиной на тему: “Тургенев и татарская литература”. Кафедра... одобрила работу, рекомендовала для печати, даст рецензии. Мы пришлём её Вам».

Из следующей фразы этого письма можно сделать вывод, что в 1957 году Галина Борисовна в Орёл приезжала для участия в науч-

ном заседании: «Орловская сессия заставляет меня готовить доклад к следующему выступлению. Обязательно хочется выступить у вас.

Об Орле я рассказывала здесь (в Казани) с восторгом. Привет всем, всем».

Что же это была за сессия?

В начале 1957 года открывается первый городской филиал Музея И.С. Тургенева – Музей писателей-орловцев. Е.И. Кожухова задумывает провести очередную научную сессию «Писатели-орловцы», где будет звучать и тургеневская тема. Директор музея пишет ректору Казанского университета 17 декабря 1956 года: «Госмузей И.С. Тургенева 11-12 января проводит научное заседание, посвящённое писателям-орловцам. На этом научном заседании будет стоять несколько докладов о Тургеневе. Просим Вас разрешать выезд на научное заседание доктору филол. наук Курляндской Г.Б.».

На этой сессии, впервые объединившей писателей-орловцев (повод – открытие музея), выступили Б.М. Эйхенбаум, Е.В. Гутнова, Александр Флакер (Югославия), Вальмар Адамс (Тарту), Л.Н. Афонин, А.К. Бабореко, В.Д. Пришвина. Галина Борисовна на этой сессии не выступала. Но, может быть, именно тогда к ней пришла мысль о возможном переезде в Орёл.

1957 год стал переломным в жизни Г.Б. Курляндской. Ей всего 45 лет, она уже признанный в научных кругах тургеневед, и ей представляется возможность заниматься творчеством любимого писателя в его родном городе. Орловский пединститут объявляет конкурс на замещение вакантной должности на кафедре литературы. На это место 2 претендента: О.Я. Самочатова (Брянск) и Г.Б. Курляндская (Казань). И новый учебный 1957-58 год Галина Борисовна начинает в Орле.

Но в мае определённости ещё не было. Е.И. Кожухова 15 мая пишет в Казань: «Простите за долгое молчание. Статью Нигматулиной мы получили. Статья интересная. Я отвезла её в Ленинград М.П. Алексеву, он тоже дал неплохой отзыв».

Как Вы живёте, дорогая Галина Борисовна? Недавно я видела Олимпиаду Яковлевну (Самочатову), и она мне рассказала о Вашей диссертации, мы все очень волнуемся и переживаем за Вас. Напишите, как у Вас идут дела?

Если будем в этом году проводить научное заседание, то обязательно пригласим Вас с докладом... Как жаль, что мне так мало удалось поговорить с Вами на сессии. Если вы будете в Москве, приезжайте к нам в Орёл. Будем очень рады. Пишите чаще».

Необходимость писать чаще директору тургеневского музея после переезда Курляндской в Орёл, естественно, отпала. Переписку

заменило личное общение, составление общих программ по организации и проведению научных конференций, издание научных сборников. 6 ноября 1957 года (день рождения Галины Борисовны) Кожухова пишет О.Я. Самочатовой: «Заходила ко мне Курляндская Г.Б. Мы с ней долго говорили о вас, она так хорошо отзывается о Вас, и очень жалеет, что Вы не в Орле. Вот было бы здорово, если бы Вы тоже переехали к нам в Орёл, это была [бы] такая помощь музею, два таких тургеневода...»

В архиве сохранилось ещё одно письмо, датированное ноябрём 1957 года. Из содержания этого письма Курляндской можно сделать предположение, что Е.И. Кожухова оказала содействие её знакомству с М.П. Алексеевым.

«Пишу из Ленинграда в Орёл. Вчера, т.е. 28 ноября, на другой день после своего приезда разговаривала с Михаилом Павловичем в Институте. Вы правы: это обаятельный человек. Прежде всего, он высказал своё изумление по поводу полученного извещения из Орловского института, изумляясь смелости, предприимчивости <...>.

Читал мне письма, предназначенные для пединститута. Я получила огромное эстетическое удовольствие. Копию письма Вам pošлю. Он указал, что дирекция пединститута не договаривалась с ИРЛИ о проведении научной сессии и не знает название того учреждения, кое выбирают в качестве руководителя.

Письмо М.П. передать нельзя: оно написано с тонким юмором, едкой иронией. Наверно оно придёт к Вам одновременно с моим письмом, вот Вы и получите наслаждение. <...>

М.П. интересовался вопросом о том, утвердили ли в Орле сборник. Я сказала, что утвердили в 30 листов.

Теперь о себе. Прежде всего, я просила его редактировать мою книгу о Тургеневе. Он предложил мне выступить на секторе с изложением плана книги (вероятно, речь идёт о книге «Метод и стиль Тургенева-романиста», она была издана в 1967 г. в Туле – Л.Д.), её основных идей с тем, чтобы я учла критику. Я очень довольна этим. Затем я, учтя критику, доработаю и пришлю книгу на редактирование. М.П. обещал мне поддержку и дал согласие на редактирование, включая Л.Н. Назарову, Измайлова Н.И., и они решили сообща отредактировать мою книгу. Очень прошу вас включить в план изданий, просить утвердить издание книги. Теперь решила задержаться в Ленинграде до 15 дек., буду готовить своё выступление на секторе – проспект книги.

Кроме того М.П. дал мне тему для сборника – статью Тургенева к Чудинову в связи с «Орловским вестником». Не знаю, справлюсь ли в такой короткий срок с темой. (Статья «Тургенев и “Орловский

вестник» вошла в сборник 1960 года – Л.Д.). Говорила я с М.П. относительно диссертации. Он сказал, что не в курсе дела, что поговорит об этом с Виноградовым, Благим, и всё же обещал поддержку. Мне он понравился до последней степени за своё доброе отношение, не знаю, как я ему. Но мне очень хочется ему понравиться».

Речь в письме идёт, безусловно, о первых шагах в организации знаменитой Международной конференции 1958 года, с которой началось планомерное, теснейшее взаимодействие пединститута и музея в организации конференций. Третьим партнёром явился ИРЛИ (Пушкинский Дом). Галина Борисовна с той поры становится одной из центральных фигур в этом процессе.

О конференции 1958 года следует сказать особо. Она была посвящена 140-летию со дня рождения Тургенева и собрала ведущих тургеноведов со всего мира. В числе участников конференции писатель И.Г. Эренбург, учёные-слависты Андре Мазон, Анри Гранжар (Франция), А. Мраза (Чехословакия), В. Кубацкий (Польша), Г. Цигингайт, Элизабет Хилл (Великобритания), К. Дорнахер (ГДР), К. Бринер (Канада), Курт Ван хет Реве (Голландия), В. Велчев (Болгария).

От ИРЛИ – М.П. Алексеев, а также академики Виноградов, Белецкий, профессор Оксман и другие известные советские учёные.

В фондах музея хранятся удивительные фотографии, на которых запечатлены участники юбилейной сессии во время посещения Спасского-Лутовинова. Среди них – Галина Борисовна Курляндская и Евгения Ивановна Кожухова.

Конференция 1958 года стала последней для Е.И. Кожуховой (в мае 1959 года её уволили с должности директора и она уехала из Орла) и первой для Г.Б. Курляндской.

Все последующие годы Тургеневские, а потом Бунинские, Андреевские, Лесковские конференции организовывались пединститутом и музеем совместно с ИРЛИ (Пушкинский Дом) и во главе этих конференций была Г.Б. Курляндская.

Среди огромного количества этих научных форумов, проходивших на Орловской земле, может быть, следует вспомнить межвузовскую конференцию 1968 года в честь 150-летия со дня рождения Тургенева. Она проходила без участия зарубежных учёных, но собрала весь цвет советского тургеноведения: Россия, Украина, Грузия, Белоруссия, Азербайджан, Татарстан, Мордовия, Башкирия.

Г.Б. Курляндская выступила с докладом «Метод и мировоззрение И.С. Тургенева в повестях 70-х годов».

С 1970-го года в Орле стали проходить Бунинские, с 1971 – Андреевские, с 1974 – Лесковские конференции. Расширяется круг

исследователей, принимающих участие в них. Но непременно докладчиком остаётся Г.Б. Курляндская, а организаторами – ОГПИ (потом ОГУ) и ОГЛМТ (т.е. музей).

Взаимоотношения Галины Борисовны с музеем не ограничивались организацией научных конференций и чтений. Она фактически была штатным научным руководителем для сотрудников музея. В музее работало и работает много её учеников, не порывавших связи со своим учителем. Курляндская была постоянным членом Учёного совета музея и участвовала в обсуждении важнейших музейных проектов, прежде всего, создания новых музейных экспозиций и выставок. Её статьями открывались музейные сборники: «Тургениана», «Тургеневские ежегодники». Её голос звучал на торжественных вечерах в театре и музее в честь юбилеев писателей-орловцев. Зачастую заседания кафедры русской литературы, которую долгие годы возглавляла Галина Борисовна, проходили в стенах музея и на этих заседаниях со своими докладами выступали и научные сотрудники музея. Эти заседания оформились в творческую лабораторию «Писатели-орловцы», которой руководила Курляндская. (Личный фонд Г.Б. Курляндской и библиотека в музее).

Особенно следует отметить общественную деятельность Галины Борисовны, в том числе её работу в Тургеневском обществе.

С возрождением Тургеневского общества в Орле и до последних дней Г.Б. Курляндская была бессменным Председателем Общества. Она не только возглавляла его, но стала также руководителем секции литературоведения. На заседаниях секции обсуждались новинки тургеноведения. Так, среди прочих, были представлены биография Тургенева Ю.В. Лебедева, книга Н.Ф. Будановой, посвящённая творческому диалогу Тургенева и Достоевского. На этих встречах ставились вопросы о преломлении тургеновских традиций в творчестве писателей-орловцев.

В начале 90-х годов ново и свежо звучали доклады на тему «Русская религиозно-философская мысль в творчестве писателей-орловцев». В этой связи изучались и комментировались труды В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, о. Сергия Булгакова и других религиозных мыслителей. Интересные доклады представлялись для публикации в научных сборниках Орловского Юсуниверситета.

Следует отметить, что профессор Курляндская никогда не замыкалась в рамках теории литературы. Она сознавала значение фактического, в том числе и краеведческого аспекта изучения истории литературы. Вот почему она всячески поддерживала разыскания членов Краеведческой секции Тургеневского общества, остерегая, однако, увлечённых своими поисками любителей старины от

слишком прямых сопряжений прототипов и образов, созданных воображением художника. Галине Борисовне было свойственно как «уважение к минувшему», так и обострённое чувство нового, перспективы поиска.

Думается, что творческие отношения Г.Б. Курляндской с Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева были одинаково важны как для музея, так и для Галины Борисовны, которая находила в стенах музея единомышленников, соединявших высокую науку с её практическим применением в экспозиционной и популяризаторской музейной деятельности.

Л.А. Балыкова

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ: ТРУДЫ И ДНИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Тургеневское общество, совсем недавно отметившее двадцатилетие своего существования в новом времени, празднует очередное памятное событие – 195-летие со дня рождения И.С. Тургенева, стремилось сосредоточить усилия на главных направлениях своей деятельности, какой она складывалась в последние годы. Стержень, душой жизни Общества были заседания, где обменивались мнениями, информацией, где рассматривались актуальные вопросы тургеневедения и вообще жизни литературного Орла и вокруг него.

В юбилейном году мы сочли важным обратиться к проблемам языка и в этой связи обсудить вопросы языка Тургенева, признанного мастера отечественной художественной прозы. В феврале в нашей аудитории выступила с докладом «О языке “Записок охотника” Тургенева» профессор Орловского государственного университета Т.В. Бахвалова.

В марте мы продолжили знакомство с почти забытыми деятелями культуры прошлого. «Знакомым незнакомцем» предстал перед нами основатель газеты «Орловский вестник» А.Н. Чудинов. 170-летию этого незаурядного человека – издателя, литератора, переводчика, просветителя – был посвящён доклад известного орловского писателя и краеведа А.И. Кондратенко. Представленные им материалы имели не только информативное значение: образ выдающегося подвижника просвещения, несомненно, носит в себе нечто вдохновляющее, способное служить примером во все времена.

Тургеневская тема неожиданно для нас «проросла» в январском докладе нового члена Общества – М.В. Власова, представившего тему «И.С. Тургенев и А.В. Шереметьев». Представляется, что история взаимоотношений писателя с известным строителем российских железных дорог лишь заявлена и может иметь своё продолжение, если принять во внимание интерес Тургенева к созданию железнодорожной сети в России.

Памяти выдающегося тургеневода Г.Б. Курляндской, более двух десятков лет возглавлявшей наше Общество, было посвящено июньское заседание. С воспоминаниями о Г.Б. Курляндской выступили Л.В. Дмитрихина, Н.М. Кирилловская, Л.И. Перовская, Г.В. Попова, Т.Г. Корпачёва и другие.

Прошёл год со дня кончины учёного, педагога, воспитавшего несколько поколений учителей, исследователей, в течение полувека объединявшего вокруг себя тургенеvedов. Её стараниями тургеневские конференции в Орле стали площадкой для общения учёных разных стран, давали импульс для новых исследований. До последних дней Г.Б. Курляндская не оставляла работу, преодолевая недуг, стремилась окончательно доработать последний труд, посвящённый творчеству Ф.М. Достоевского.

Значительное внимание в юбилейном году Общество уделило новинкам тургенеvedения. В феврале был представлен «Тургеневский ежегодник 2011-2012 гг.». Среди авторов – не только сотрудники музея Тургенева, члены Тургеневского общества, орловские писатели и поэты; свои статьи прислали ведущие тургенеvedы из Института русской литературы (Пушкинский Дом) Н.П. Генералова, С.А. Ипатова, В.А. Лукина; известный французский биограф Тургенева А. Звигильский поместил в сборнике статью, посвящённую истории создания повести «Песнь торжествующей любви».

На апрельском заседании были представлены: издание писем В.П. Тургеневой к сыну И.С. Тургеневу, подготовленное сотрудниками заповедника «Спасское-Лутовиново» Е.Н. Левиной и Л.А. Павловой, а также книга Е.В. Проца «Театральные странствия Ивана Сергеевича Тургенева» (СПб., 2012). Эти издания – плод многолетних исследований наших коллег. Публикацию писем Тургенева ждали давно, и роскошное издание, снабжённое подробным комментарием, богато иллюстрированное, без сомнения, станет обязательной книгой для всякого, кто изучает биографию и творчество Тургенева.

Автор книги «Театральные странствия Тургенева» счастливо соединил в себе театрального критика и тургенеvedа. Казалось бы, что нового можно сказать на избранную тему после классических

работ Л. Гроссмана, Г. Бердникова, И. Вишневской? Однако автор находит свой путь в лабиринте театральных странствий Тургенева-драматурга. Его путь – «под сень кулис», на театральных подмостки, в гримёрку – к судьбам отечественных и зарубежных служителей сцены, к собственным раздумьям о природе театрального искусства. Главный герой книги Е.В. Проца – его Величество Актёр. Артисты Александринского и Малого театров, Комеди Франсез и Водевиль, гениальные исполнители и те, в ком таится искра театрального гения, вызывали живой интерес и сочувствие Тургенева, порою побуждали к творчеству. Короче говоря, Е.В. Процу удалось открыть новые горизонты в подходах к избранному сюжету. На обсуждении работы была особо отмечена интеллигентная, чуждая наукообразия манера изложения материала, делающая книгу доступной читателю.

Бесспорно, событием в тургеневедении стал выход в свет очередного, третьего сборника Института русской литературы (Пушкинский Дом) «Тургенев. Новые исследования и материалы» / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина (СПб., 2012). Обсуждению этого сборника было посвящено июньское заседание Общества. С обзором новой книги выступила доцент Орловского государственного университета Т.М. Кривина. Она отметила информационную насыщенность сборника, превосходный справочный аппарат, значительность предложенной составителями тематики, стройность структуры, новизну подходов в трактовке «классических сюжетов». Подлинной жемчужиной явилось опубликованное в статье Н.Г. Жекулина (Канада) либретто Тургенева для оперы П. Виардо «Вечер Св. Сильвестра» (перевод Н.П. Генераловой).

Не менее значительными предстают и другие публикации. Это письма Тургенева к княгине А.А. Трубецкой в статье П. Уоддингтона (Новая Зеландия), к Вильяму Аллингаму (представлены Н.Г. Жекулиным), к Августу Больцу (публикация В.А. Лукиной), к Жоржу Шарпантье (подготовлены А.Я. Звигильским. Франция).

Несомненный интерес представляют публикации писем к Тургеневу: А.Г. Гродецкая печатает и пространно комментирует письмо М.Н. Толстой (1871), В.А. Лукина – письма Я.П. Полонского (1872-1873).

Читателя, безусловно, привлекут в сборнике публикации И. Дмитришин (Франция), Л. Сунквиста (Швеция), С.А. Ипатовой.

Составители сборника посвятили отдельную рубрику 150-летию романа «Отцы и дети»: авторам статей В.А. Лукиной, О.В. Тимашевой, Н.П. Генераловой и Л.К. Хитрово удалось предложить новые материалы, ставшие вкладом авторов в литературу, посвящённую произведению, не перестающему волновать умы.

Новые сведения найдёт читатель и в разделе «Сообщения», где, среди прочего, можно познакомиться с биографией орловского знакомого Тургенева В.В. Апраксина, возглавившего подготовку крестьянской реформы в Орле (сообщила Е.Г. Мельник).

В объёмном разделе «Материалы к Тургеневской энциклопедии» немало статей, принадлежащий перу орловских авторов: В.А. Громова, Л.М. Александровой, Е.В. Проца, С.Л. Жидковой, Л.А. Балыковой, Г.Н. Павловой, Е.А. Козеевой, А.М. Кокина, Л.В. Миндыбаевой. Большинство авторов – наши товарищи из Тургеневского общества.

Заключают сборник обзор современного британского тургеневедения, подготовленный Т.М. Кривиной, и рецензия Н.П. Генераловой на вышедшую в 2012 году в Петербурге публикацию Дневника и стихотворений выдающегося советского тургеневеда А.И. Батто. Подчёркивая значимость Дневника, рецензент рекомендует его «всем, кому небезразличны как судьба нашей науки, так и судьбы отдельных людей, отдавших все силы и способности для её процветания».

В продолжение книжной темы отметим издание Е.И. Клочковой «Тургенев в Германии. Хроника путешествий»: работа писалась параллельно с подготовкой экспедиции нашего Общества по тургеневским местам Германии.

Одновременно шла работа над книгой «Академик И.Ф. Тибо-Бриньоль в Орле». Авторы – старейший краевед, историк архитектуры К.А. Седойкина и правнучка знаменитого архитектора М.Е. Казанцева. Нашёлся и издатель, заинтересовавшийся этим проектом.

Ещё одна книжка, посвящённая пребыванию В.С. Калининкова в Орловском Полесье в последние годы его жизни, сейчас находится на рабочем столе Е.А. Кубарева, одного из ветеранов нашего общества. Остаётся пожелать успешного завершения этих замыслов.

Второе полугодие ознаменовалось знаковым событием: в Баден-Бадене, где местное Тургеневское общество хранит память о русском писателе, открылась Первая конференция, посвящённая Тургеневу в этом городе; она явилась яркой манифестацией нового Тургеневского центра. На представительном Международном форуме выступили с докладами участники из Орла, члены нашего Общества: В.В. Ефремова, говорила о месте Орловского литературного музея Тургенева в музейном пространстве России, Е.Г. Мельник представила тему «Тургенев в Орле», Е.И. Клочкова посвятила свой доклад теме «Тургенев в Берлине». Итогом конференции стало утверждение состава Международного комитета по подготовке к празднованию 200-летнего юбилея И.С. Тургенева.

3 сентября по традиции началась Тургеневская осень. В День памяти писателя с нами был наш давний друг канадский тургеновед Н.Г. Жекулин. На следующий день мы собрались в музее, чтобы заслушать его доклад о ходе реализации Международного научного проекта «Тургенев – переводчик», руководителем которого является Николай Глебович.

Далее – юбилейная научная Тургеневская конференция в Орле. Представители нашего Общества – Е.Н. Ашихмина, Л.А. Балыкова, Е.И. Ключкова, Г.Н. Павлова, И.Л. Золотарёв приняли в ней участие, выступив с докладами.

Был не забыт ещё один юбиляр – земляк и современник Тургенева Т.Н. Грановский. В октябре, в рамках юбилейных торжеств, на заседании Общества был заслушан доклад старшего научного сотрудника музея Тургенева С.Л. Жидковой «Эдуард Ганс – профессор Берлинского университета» - ещё один красочный штрих к картине студенческих лет Тургенева и Грановского в Берлине. Кажется, впервые столь рельефно предстала фигура германского просветителя, в своё время ставшего образцом для поколения русских студентов. Его образ, по-видимому, витал над Тургеневым в пору создания романа «Рудин».

Время сказать и о других заботах и делах Тургеневского общества. Весной этого года специальная группа Общества посетила Киреевскую среднюю школу. Поездка была многоплановой. Во-первых, нашей целью было знакомство с местами, где в своё время Тургенев побывал в гостях у известного фольклориста П.В. Киреевского. Во-вторых, мы ехали с целью провести в школе выездные Киреевские чтения.

Их тема была означена так: «И.С. Тургенев и П.В. Киреевский в Орле». Вместе с нами в поездке участвовали сотрудники литературных музеев Орла, которые выступили с лекциями и беседами перед учащимися. Встреча завершилась большим концертом, устроенным в школьном зале. Надо назвать инициатора и главного движителя этого мероприятия. Это старейший учитель школы, литератор М.Н. Диева; ей помогал её муж Г.А. Диев, оба – члены нашего Общества. Отснятые Г.А. Диевым во время поездки видеоматериалы были переданы в архив Тургеневского общества.

Тема путешествия вообще была одной из главных в юбилейном году. О своём путешествии на юг Германии рассказали Е.Г. Мельник и Е.И. Ключкова. На декабрьском заседании с большим сообщением о поездке по тургеновским местам Европы (Баден-Баден, Карлсбад, Буживаль, Париж, Рим) выступили Б.Н. Голубицкий и О.М. Несте-

рова. Выступления сопровождалась привезёнными из поездок видеосюжетами.

Заметным событием юбилейного года стала фотовыставка «Под небом Шиллера и Гёте», подготовленная по следам экспедиции Общества по тургеневским местам Германии совместно с музеем Тургенева. Фотоматериалы поездки предоставили её участники Н.Н. Смоголь, Е.И. Ключкова, В.В. Глущенко. Выставка открылась 20 сентября, в самый день начала Тургеневской конференции. В презентации с большим успехом выступили сами путешественники. Журналист РИА Новости – Молдова, присутствовавшая на презентации, назвала это событие «уникальным фактом действительности культурного сообщества в международной культурной политике».

Из значительных событий этого года в жизни Тургеневского общества назовём выборы нового Правления. Правда, по своему составу оно, в основном, осталось старым. Председателем Правления была избрана автор этих строк, заместителем – В.В. Глущенко, секретарём – Г.Н. Павлова. Казначейские обязанности взяла на себя недавно вступившая в Общество А.Н. Легостаева. Сохранили свои места в Правлении В.Н. Блинов, Т.М. Кривина, Е.Г. Мельник, А.Т. Молозева, В.В. Сафронова, К.А. Седойкина.

Следует упомянуть и о кратком обзоре страницы нашего Общества на сайте Orel story, сделанном для нас В.В. Глущенко. Правда, пока поступающие на сайт материалы довольно скудны и должны представляться более оперативно.

Не забыть и об инициированной В.Н. Блиновым кампании по установке памятного знака «Муму» на городском вокзале. В этой связи Правление направило в мэрию Орла ряд писем.

Наконец, следует упомянуть здесь о давней нашей борьбе за многострадальный Дом Калитиных на Дворянском гнезде. Напомним, что большая группа музейщиков и членов нашего Общества входит в состав Попечительского совета по возрождению Дворянского гнезда. Мы предложили Совету детальную проработку использования Дома Калитиных в качестве культурно-образовательного центра с Музеем одного романа. В юбилейном году Совету удалось добиться составления проекта реставрации Дома Калитиных. Проект, по заключению специалистов, составлен добротной, профессионально, с учётом достижений в реставрационном деле. Нужны лишь средства для его осуществления. Но сыщется ли эта, в сущности, небольшая для такого проекта, сумма, или чиновники в который раз сделают вид, что не понимают необходимости тратить деньги «на Лизу Калитину»? Поживём – увидим.

**ЗИМНИЕ ГРЁЗЫ: ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СКАЗОЧНОЙ КАРТЕ РОССИИ**
(Сценарий экскурсии по выставке прикладных работ
Народного мастера России В.Н. Соколовой
и её учеников)

20 января 2013 года в День имени И.С. Тургенева в музее была открыта выставка Народного мастера России В.Н. Соколовой и её учеников, которую мы назвали «Зимние грёзы». Выставка возвращала нас на много веков назад, в русскую древность, уже малознакомую современным людям, в сказочную старину.

Давным-давно человек очень чутко относился к природе: она не только кормила и согревала его, но и одушевляла живым чувством красоты, вдохновляла на творчество. Большую часть времени предки проводили у реки, в лесу, в поле. И травы, и деревья давали природный материал древнему человеку для того, чтобы выразить свои чувства. Ощущая всем существом сложность и многообразие мира, наши предки доступными средствами пытались передать тайну бытия.

Так, в куклах, изготовленных из соломки по древним лекалам, предстают перед нами воплощения годового цикла. Это и соломенная Масленка, и Лель-весна, и весенняя Дид-Ладо-Ладо – богиня согласия и благополучия, любимая нашими предками, и дева Аржаница, охраняющая поле во время цветения ржи, и дева Льяница, и божество Параскева-пятница, которая в ноябре открывает пору женских рукоделий.

Все эти куклы – из коллекции Народного мастера России В.Н. Соколовой, с которой музей связывает давняя большая дружба. Работы В.Н. Соколовой и её учеников не раз были представлены на музейных выставках. Вот и теперь на небольшом пространстве посетителям явились сказочные герои. Из бусинок, веточек, листочков, соломки был создан волшебный таинственный мир. Из недр старинного сундучка появлялись Водяной об руку с Русалкой, Леший, Царевна-лягушка, Змея-скоропея, Рыба-Кит.

Надо ещё отметить работу флориста Романа Баранова, который украсил музейную выставку своими цветочными композициями.

Выставка проходила в рамках программы «Читаем Тургенева вместе», которая вот уже на протяжении многих лет успешно работает в нашем музее. Человек нового времени, увлечённый компьютерными технологиями, сократил время общения с книгой, и как

следствие - утрата навыков чтения. Особенно драматично обстоит дело, когда речь идёт о молодом поколении. Вот почему музей ставит своей целью приобщение школьников к книге, к тургеневскому тексту. Мы стараемся так изменить форму подачи литературного материала, чтобы она была нацелена не на пассивное, а на активное усвоение. Вот и на этот раз, чтобы познакомить детей со сказочными персонажами рассказа Тургенева «Бежин луг», мы отправляемся в большое путешествие по сказочной карте России. Здесь задействованы и музыка, и иллюстративный ряд, и художественное слово.

Школьники, странствуя по городам, лесам, степям необъятного государства Российского, встречаются на своём пути героев древнерусской мифологии – некоторые из них оживают в фантастических рассказах и сказках Тургенева. А начинается наше театрализованное действие на русском Севере, в городе Кирове, на свадьбе Кикиморы и Домового, которая несколько лет назад действительно в этом городе состоялась, таким образом, появляется возможность обратиться к тургеневскому тексту – к истории о Домовом из рассказа «Бежин луг», и познакомиться с этим персонажем поближе.

Рассказ Тургенева о Домовом даёт повод прикоснуться к древним верованиям наших предков о таинственном существе, благодаря которому в доме устанавливаются лад и процветание. Между прочим, Домового в старину называли Дедушкой, потому что «в нём жили духи умерших предков, которые охраняли мир и благополучие близких».¹

Катится, катится сказочный клубочек, и вот уже путешественники в озёрном крае, в древнем Пскове, где их ждёт встреча с загадочной Русалкой.

На представлении из ларца появляется «соломенная русалка» – такой её видели русичи в своём воображении. Русалка – наверное, самое таинственное и опасное существо в древнерусской мифологии. Причём этот персонаж имеет свои особенности в зависимости от мест обитания в славянском мире. Тургенев в рассказе «Бежин луг» ориентировался на орловские представления о русалке, где она является существом коварным, манящим, роковым.

Из Пскова клубочек ведёт путников в старинный город Углич, где в густом лесу живёт Леший со своей семьёй. Он имеет особенность «пропадать осенью и появляться весной, когда лес оживает, одевается зеленью, поёт птичьими голосами, свищет зловещим свистом незнаемого существа – дива».²

Однако пора возвращаться домой и тут странников встречает маленькое сказочное существо по имени Степовик. В известных нам источниках почти ничего об этом не сообщается. Правда, В.И. Даль

в своём словаре характеризует его так: «Степной житель, живущий в глуши степной, одиноко <...>, нежить степная». ³ Это Тургенев ввёл Степовика в оборот литературной сказки. Незадолго до смерти он продиктовал П. Виардо по-французски зачин сказочки «Степовик», в котором подробно описал своего волшебного героя. А мы, поведав нашим слушателям об этом персонаже, получили право поместить наш город на сказочной карте России и прописать на ней Степовика.

Нам хотелось достигнуть эффекта возвращения в мир древнерусской мифологии, пробуждения в душе наших юных слушателей, казалось бы, давно ушедшего в прошлое ощущения близости с природными стихиями. Перед нами также стояла задача познакомить наших гостей с известными и почти неизвестными художественными текстами Тургенева и, как нам кажется, эту задачу нам удалось выполнить.

Своего рода сверхзадачей было для нас приобщение детей к этическим основам русской жизни, к её красоте и ладу. Мы не знаем, насколько эта идея была усвоена нашей аудиторией, но чувство гармонии и радости, царившее во время этих встреч, даёт надежду, что наше старания не были напрасны.

Пролог

Звучит музыка: М.П. Мусоргский. «Рассвет на Москве-реке»

Сказочная
карта России

Ведущий I: Дорогие друзья, сегодня мы решили отправиться с вами в путешествие, в страну сказок. А поможет нам в этом сказочная карта России.

Сейчас за окном зима, лютая стужа, трещит мороз, снег покрывает землю. Это время зимних праздников, самое начало года, которое знаменуется приходом известного в России сказочного существа. Его любят дети и ждут от него подарков. Вы, конечно, знаете, кто это?

Ответ.

Ведущий II: Знаете ли вы, где живёт Дед Мороз?

Ответ.

Карта:
г. Великий
Устюг;
«портрет»
Деда Мороза

Ведущий II: А живёт он в Великом Устюге, где у Деда Мороза находится его резиденция. Правда, дома Дед Мороз бывает редко: всё больше ездит по стране, много хлопот. Но в свой день рождения (18 ноября) и в Новый год Мороз сидит дома, в своём загородном поместье, и принимает гостей в тронном зале, где исполняются все заветные желания. Можно побывать в спальне Деда Мороза с волшебным зеркалом, и в трапезной, где Дед Мороз всех угощает чаем с вкусными пирожками (однако, чай холодный, потому что пить тёплый чай дедушке нельзя, растает!) Особенно Дед Мороз гордится своим чудесным Зимним садом, где у него растут розы, диковинные южные растения, созревают заморские фрукты прямо к новогоднему столу.

Карта:
г. Киров

Ведущий I: На праздник к Деду Морозу съезжаются герои сказок со всей огромной России. И вот, на одном из таких праздников было решено в следующий раз встретиться в городе Кирове, чтобы отпраздновать там свадьбу Кикиморы и Домового.

Фигурки
Домового и
Кикиморы

Ведущий II: Свадьба действительно состоялась и была чрезвычайно пышной. Светская хроника отметила, что на невесте было свадебное платье нежно-зеленого цвета, а фата была соткана из водорослей и сверкающей паутины. Жених был облачен в элегантный фрак из мешковины. За столом гости много судили о благородстве происхождения новобрачных. И в самом деле, жених был человек известный – Домовой. В каком доме его не знают? Везде ему почет и уважение. Везде, чтобы его задобрить, хозяйева непременно оставляют для него лакомые блюда. Конечно, Домовой – жених не первой молодости. В доме его обычно называют дедушкой, но сил ему не занимать. Он несёт исправно свою службу: караулит дом и двор, заплетает гриву и хвост лошадям.

Если в доме порядка нет, а хозяйка – грязнуля, Домовой сердчает – бьет и колотит посуду, а мусор из углов выметает прямо на середину избы. Но, оказывается, Домовой может жить и в других местах. Так, И.С. Тургенев в рассказе «Бежин луг» передает историю о том, как фабричные мальчики встретились с Домовым. Только они его не видели, а слышали.

Ведущий I: Кстати, ребята, знаете ли вы, что Бежин луг существует на самом деле: в Чернском районе Тульской области, неподалеку от села Тургенева, бывшего имения отца писателя Сергея Николаевича. Так вот, здесь когда-то была бумажная фабрика.

Однажды заночевали мальчики на фабрике, не успели они уснуть, как «... вдруг кто-то над головами <...> заходил, <...> ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вода вдруг как зашумит, зашумит: застучит, застучит колесо, завертится...»

«... однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошел тот опять к двери наверху да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, ступеньки под ним так даже и стонут. Ну, подошел тот к двери, подождал, подождал – дверь вдруг вся так и распахнулась <...> Вдруг, глядь, у одного чана [сетка] зашевелилась, поднялась, окунулась, походила этак по воздуху, <...> да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел да вдруг как закапляет, как заперхает [...] да зычно так...»⁴

Ведущий II: Как вы думаете, почему Домовой явился детям, работающим на фабрике? Он их хотел напугать?

Ответ.

Ведущий I: А может быть, он обходил свои владения, опасаясь, что дети перед сном не

навели порядок на фабрике? Как известно, Домовой беспорядка не терпит.

Фигурка из
соломки: богиня
Лада

Ведущий II: Так же, как и древняя славянская богиня Лада – богиня согласия и благополучия, одна из самых любимых богинь у славян. Именем Лада древние русичи называли весь строй русской жизни – лад, где все должно быть ладно, т.е. хорошо, в доме должны быть мир и согласие.

Ведущий I: А может быть, вы, ребята, знаете еще какие-то слова с корнем ЛАД? – наладить, ладный, сладить. «Лады» – говорят люди, когда приходят к согласию. В старину жена называла мужа – ладо, а он её – ладушкой.

Карта:
г. Псков

Ведущий II: Но мы немного увлеклись, завороженные богиней Ладой, а между тем на свадебном пиру жених – Домовой предложил сказочным гостям навещать друг друга, и чтобы не заблудиться, подарил каждому волшебный путеводный клубочек. Подарил и нам. Теперь мы из Орла отправимся в далекий древний город Псков.

Появляется странница

Странница: Катится клубочек по зимним лесам, снежным полям, через долины и реки. Оглянуться не успели, а мы уже у ворот города. Но что это? Они закрыты, а у ворот грозная стража, в город не пускает! Вступили мы в переговоры: «Как, мол, нам попасть в сей славный град?» Стражники в ответ: «К кому путь держите? Имя назовите?»

Ведущий I: Ребята, а, в самом деле, какой сказочный герой или, скорее, героиня живет в Пскове?

Мы вам подсказем: это край озер и рек.

Ответ.

Фигурка
Русалки
из листьев
кукурузы

Ведущий II: Конечно, это русалка, ее красоте даже мадригал посвящен:

*Их волос длинен, гибок стан
Речное чудо? Наважденье
Резвясь, кружится по волнам.
И кто ж такая: рыба, дева?
Вопрос забавен, но не прост.
Красива, словно королева.
Но вместо ножек рыбий хвост!*

Страница: Ворота города отворились, мы вошли и оказались на берегу реки, где зеленоглазые Русалки праздновали «Русалью неделю», весьма опасную для человека. Эти прекрасные девушки в ясные лунные ночи выходят на берег реки, расчесывают золотым гребнем свои длинные волосы, глядясь в зеркало прозрачных вод при мягком серебристом свете месяца, водят хороводы на берегу и своими звонкими, чарующими голосами заманивают запоздавшего путника. В эти роковые дни и ночи русалки нападают на человека, щекочут его до смерти и бросают беднягу на месте. Но если добрый молодец русалке приглянулся, она увлекает его на дно реки, в свое жилище, где оживляет и делает его своим мужем.

Музыкальный номер: пьеса А.К. Лядова
«Кикимора».

Ведущий II: Беда случилась с тургеневским героем Гаврилой из рассказа «Бежим луг». Однажды Гаврила пошел в лес по орехи да и заблудился, <...> «а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; <...> присел и задремал. <...> слышит вдруг, кто-то его зовет. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он... глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется... А месяц-то светит сильно, так сильно <...> Вот зовет она

его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь <...> Гаврила-то... так и обмер, а она знай хохочет да его все к себе этак рукой зовет... Гаврила было и встал, послушался было русалки,... да, зная, господь его надоумил: положил-таки на себя крест <...> Вот как положил он крест, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, ... глаза волосами утирает, а волоса у нее зеленые <...>. Гаврила ... стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, ... человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней» (3, 94-95). Тут она пропала, а Гаврила понял, как ему из лесу выйти.

Ведущий I: Вот она, любовь русалки. Недаром же Пушкин посвятил ей пьесу-сказку «Русалка», а Гоголь – сказочный рассказ «Майская ночь или утопленница».

Появляется девушка в народном костюме с букетом цветов:

Кукла:
Лель-весна.
Исп.
В.Н. Соколова

В то время как русалки справляли свою русалью неделю, на Руси с древних пор девушки ожидали прихода Лели – богини весны, юности и любви. Вот она перед вами. Богиню представляли себе юной, красивой, стройной и высокой девушкой. Праздник ее назывался «Лельник» и приходился на первые дни мая. Девушки в красивых сарафанах поднимались на Красную горку, привязывали ленты к березе и, взявшись за ленты, водили хоровод, напевая: «Река с рекой сливается, роща с рощей срастается, цветок с цветком сплетается, трава с травой свивается. Той травы возьму пучок, заплету цветы в венок, через рощу пронесу, по реке венок пушу...»

Ведущий II: Видимо, старинное происхождение имеет и всем известная песня:

*Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли-лели стояла.
Люли-лели стояла.*

Берёза – дерево богини Лели.

Ведущий I: В Лельник мужчины выражали свою любовь к женщине. И единственным приношением богине Лели в это время были цветы. Эта богиня не случайно всегда изображается с цветами в руках.

Ведущий II: Но, друзья мои, не слишком ли мы загостились во Пскове? – Пора в путь!

**Музыкальный номер: М.П. Мусоргский.
«Рассвет на Москва-реке»**

Карта:
г. Углич

Странница: Через леса дремучие, через болота топкие, ведёт нас клубочек в старинный город Углич. И вот уже виднеются городские стены с башенками и стражей у ворот. Стража спрашивает: «Куда вы, странники, путь держите?»

– Идём в гости к Лешему, который, говорят, живёт в ваших краях.

Стража: Живёт-то живёт, а вот ответьте, где его дом?

Странница: В лесу.

Стража: Проходите! Может, ещё на праздник к нему поспеете. У него нынче, говорят, семейный праздник – пироги пекут морковные. Ступайте в тот лес, что за речкой!

Странница: И вот мы в лесу.

**Видеосюжет: отрывок из мультфильма
«Снегурочка»**

Ведущий II: Но как узнать Лешего – хозяина леса? Попробуйте, ребята, его описать.

Ответ.

Фигурка
Лешего.
Исп.
А. Оксенюк

Ведущий I: А вот как описывает его Тургенев в рассказе «Бежин луг»: «<...> такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...». (З, 101).

Известно, что Леший – хороший семьянин и хозяин, любит жену и детей. Любит азартные игры и особенно игру в карты. Служат ему зайцы и находятся у него в подчинении. Леший может обернуться зверем или птицей, а людей не любит, водит их по лесу, пугая уха-ньем и криками. В старину думали – стоит только вывернуть одежду наизнанку – тут и выйдешь из лесу.

Страница: Целый час мы бродили и даже чуяли запах теплых пирогов с морковкой, утомились, проголодались, попробовали старинный способ – вывернули шубу наизнанку – и оказались у ворот Углича. Пора домой, мы устали. Да и клубочек наш притомился. Положили мы его в котомку и отправились домой.

Музыкальный номер: М.П. Мусоргский.
«Рассвет на Москва-реке».

Карта:
г. Орёл

Ведущий I: Долго ли мы шли, коротко ли, Бог весть, только застала нас ночь. Оглянулись мы и увидели, что оказались в степи на юге родной орловской земли. Что за красота была кругом: «Ночь царила везде: она зелене-ла внизу, синела вверху, серебрилась повсюду <...> Ветер прилетал, чтобы разбудить и при-ласкать множество цветов: маки, тюльпаны,

гвоздики, полевые рябинки, кашка – все раскрывлось и благоухало в лунном свете!»

Ведущий II: Мы расположились на ночлег и уж было приготовились уснуть, как вдруг услышали осторожные шаги и увидели нечто необыкновенное: «<...> крошечное существо ростом с локоток, похожее на человека, но сделанное из тех сухих веточек, что встречаются на дорогах и которыми пользуются птицы для постройки гнезд: на его большой голове из зеленого мха был надет персидский колпачок из сухой соломки. Две круглые черные ягодки были у него вместо глаз, и, ей-богу, казалось, он ими прекрасно видел; крючковатый корень служил ему носом, а пучок степной травы, называемой “ковыль”, заменял бороду. На нем была крестьянская курточка из торфа, перепопсанная на бедрах стебельком лопуха, и он важно переставлял свои ножки, обутые в башмачки со шпорами из берёсты».

Ведущий I: Это было существо, живущее в степи, оно прилетело к нам на спине степной чайки. Мы вспомнили - именно это существо увидел однажды молодой охотник Иван Сергеевич Тургенев в такую же волшебную ночь. А позднее он описал его в своей сказке под названием «Степовик».

Фигурка
Степовика

Ведущий II: Таким смастерила Степовика ученица В.Н. Соколовой Ирина Беспалова. Итак, Степовик преспокойно уселся рядом с нами и своим серебристым голоском спросил: «Откуда вы? И как здесь оказались?». Мы отвечали, что совершаем путешествие по сказочной карте России, что идем издалека и направляемся в родной Орел. Степовика, кажется, заинтересовал наш рассказ. Немного подумав, он заметил: «Наверное, я тоже мог бы принимать гостей в своей вотчине. Ведь

моя степь представляет собой сказочную картину. Она меняет свои краски 12 раз в году. И счастлив тот, кто хотя бы один раз в жизни увидит ее волшебные изменения!»

Ведущий I: Нам показались резонными рассуждения Степовика, и мы обещали по прибытии в Орёл отправить письмо в Москву с просьбой поместить Орел и нашего Степовика на сказочную карту России. Согласны ли Вы, ребята?

Ответ.

Кукла Параскева-
Пятница

Страница: Мы отправили письмо и стали ждать ответ. А между тем прошло лето, похолодало, улетели птицы, молодые сыграли свадьбы. Во-время же вернулись мы домой! За окном пала мгла, облетели последние листья, завыл ветер, а дома тепло, «веселым треском трещит затопленная печь» – наступил День Параскевы-пятницы, хранительницы домашнего очага.

Шкаф-витрина:
работы учеников
В.Н. Соколовой

Ведущий I: В этот день женщины не работали, работы начинались на другой день, когда все особы женского пола принимались за рукоделие; от этой обязанности не могла уклониться даже нечистая сила. В народе говорили: «Кикимора – и та прядет по ночам».

Ведущий II: Долгими зимними вечерами женщины творили поистине рукотворное чудо: сказочные узоры расцветали на домотканых рубашках, кружевных косынках, богатых праздничных шалих. А какие сказки рождались в это время! Одну из них мы сегодня поведали вам.

Эпилог

Снова звучит «Рассвет на Москве-реке»
М.П. Мусоргского.

Выходит Леший:

Раздайся, лес густой, дремучий.
Вершины, рвитесь в вышину,
Пусть мгла оденет корни, сучья –
Мы будем слушать тишину.
Да! Я угрюм... Но никому
Я не желаю худа.
Дарю лишь тех, кто лес щадит...
Но дерзостных, жестоких чужаков
В своём лесу терпеть не стану:
Они огонь разводят на моих лужайках,
Они ручьи прозрачные
В зловонные болота превратили,
Они мои деревья рубят,
Без жалости они цветы лесные губят –
И нет прощенья им!
Не будет им покоя,
Покуда тут живу я...
Однако вы, не правда ли? – другое дело:
Вы в лес с любовью входите,
Вы веточки не срубите напрасно,
Цветы, лесные травы, кусты, деревья –
Вам все друзья!
За всё, за всё я вас благодарю!
И... пирогом морковным одарю.

**Леший обходит гостей, угощает их морковными пирогами.
Посетители осматривают выставку, делают фотографии на память.**

Примечания

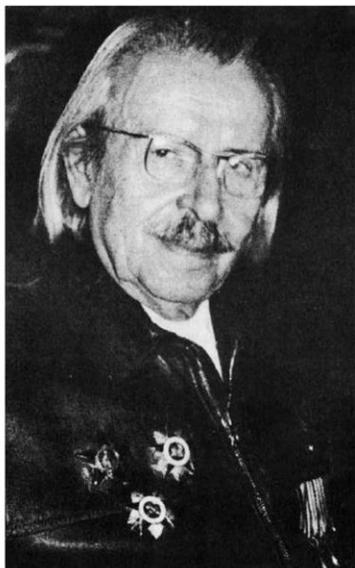
- 1 См. *Забелин И.Е.* Языческая религия русских славян / Русские писатели в выборе и обработке для школ. Т. 3. <Тифлис>, 1905. С. 582-583.
- 2 Там же. С. 583.
- 3 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т. С. 323.
- 4 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч. Т. 3. М., 1984. С. 93. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

VI.

*Друзья музея:
творчество*

Е.Д. Агранович. 2000 г.

Открытие выставки «В детской». 2013 г.

«КАК ГРУСТНЫЙ ВЗГЛЯД, ЛЮБЛЮ Я ОСЕНЬ...»

Медленно кружась на тёплом ветру, падают на аллее Спасского сада разноцветные листья. Лениво помахивая хвостами, стоят у изгороди лошади. Весело спешит рыбак с удочкой и тремя карасями на леске. Проворно перебегает аллею ёжик, неизвестно откуда появившийся. Здесь бельчата не боятся людей и смело запрыгивают на руки любопытных жителей села, а рыжие опята растут прямо на земле в траве около тургеневского дома. Ничто не может нарушить эту дивную картину, как бы перенесённую к нам из прошлого: «О, тишь и благодать!» И вслед за классиком хочется сказать: «Остановись, мгновенье...» Только мерный звон приходского храма заставляет поднять голову и перенестись куда-то ввысь...

Спасское-Лутовиново

А.Ю. Бушунов

ТУРГЕНЕВСКОЕ

Бубулька

*«Нас двое в комнате:
собака моя и я».*

И.С. Тургенев

Тетрадь раскрыта. Бежевый щенок
Самозабвенно возится с перчаткой.
Усталый автор смотрит между строк,
Глаза прищурив, ищет опечатку.
Его герой в семнадцатой главе
Влюбился насмерть вопреки сюжету.
Щенок унялся и, осоловев,
К хозяйскому прижался силуэту.

Рождественская песенка

*(По мотивам стихотворения
И.С. Тургенева «Короли-маги»)*

Короли и чародеи, жители Востока,
Стать свидетелями чуда мы пришли сюда.

К лику Матери Марии, перед Божье око
Привела нас путевая, теплая звезда.

Где б ни билось наше сердце – на воде ль, на суше,
Нас дитя благословляет, видит нас насквозь.
Своим светом разгоняет сумрак в слабых душах,
Укрепляет чашу неба и земную ось.

Мы дошли до бедной кельи, колдуны Востока.
На соломенную крышу желтоватый свет
Плавно лился, озаряя выступ водостока,
Плющ на выступе, открытой двери силуэт.

Вид покинутого дома нас обескуражил.
Мы, раджи и падишахи, плакали навзрыд.
Как же так? Ведь мы тащили тяжкую поклажу,
Мы везли тебе, младенец, вкусные дары.

Трюфеля под нежным тестом, сладкие каштаны
И айвовое варенье в расписных горшках;
Сумки сочных, спелых яблок, мудрецы, султаны,
Мы везли тебе, младенец, с радостью в сердцах.

На чужой земле, на вольном, хищном ветродуе
Мы в отчаянье стояли под немой звездой.
«Он в Карлсруэ!» – кто-то крикнул, крикнул: «Он в Карлсруэ!»
И затряс от потрясения белой бородой.

Мы, кудесники и маги стороны восточной,
Короли и падишахи, все спешим туда.
К лику Матери Марии, перед Божьи очи
Приведёт нас путевая, тёплая звезда.

Сказка для крестницы Жанны

Здесь ветер жонглирует легким песком,
Унылые высятся валуны.
Нашла здесь жилище под жалким кустом
Изящная птичка цвета волны.

Изогнутый клювик слегка розоват,
На птичке – палевое перо,

На лапках чулочки, а глазки – агат,
И в радужках глаз блестит серебро.

Ей море однажды в дары принесло
Кораллы и раковины со дна.
И птичка волне помахала крылом,
И морю «Спасибо!» – спела она.

Ракушки потом нанизала на нить,
Украшили бусы шейку и грудь
Обидно, что не с кем ей поговорить
И некому в гости к ней заглянуть.

Однажды в такой обезумевший шторм,
Что даже не высунуть головы,
Усталая птичка изысканных форм,
Чудесного цвета майской листвы

Приют попросила, была чуть жива.
В пути ураган её изнурил.
Летела она в свой родной Буживаль,
Где ясени светятся изнутри.

Хозяйку там ждёт золотое шале
С серебряной крышею и трубой.
«А здесь так тоскливо на голой скале!
Беру я тебя, подружка, с собой!

Нам нужно добраться домой поскорей,
Не делай растерянного лица!
Должна я снести через несколько дней
Рубиновый камень вместо яйца!

Нас встретит в лиловой ливрее сова,
И в чёрных камзолах праздничный стол
Накроют нам ласточки; тетерева
Перины взобьют и выметут пол».

За щебетом встретили птички рассвет.
«Прощайте, утёсы, море, прощай!»
Волна потянулась красавицам вслед
И тронула ласково, невзначай...

Сон

Туман сперва, а после – листопад
Украдкой заглянули в кабинет.
Редееет парк, и винный аромат
Густеет в парке. Кутается в плед
Единственный усадебный жилец.
Наедине с оплывшею свечой.
Едва уснул, как умерший отец
Во сне пришёл и обнял горячо.

М.Е. Петухова

ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ РАЗЛУКИ...

Мне часто задают вопросы о Евгении Аграновиче. Разные. Звучат и такие: «Кто он? Что за человек? Чем интересен? Как узнала о нём? Почему занимаюсь делом его памяти? Зачем настойчиво обращаюсь к родственникам его и друзьям, тревожу их постоянно, отнимая столь драгоценное, невосполнимое время у них, и как следствие – у своей семьи тоже? Для чего ищу новых встреч с людьми известными, знавшими Евгения Даниловича, пишу им письма, расспрашиваю? Кто просит меня об этом и кому в итоге всё это будет нужно, интересно? А не проще ли и надёжней «для конечного результата» обратить внимание на «своих», Орловских – людей и судеб, достойных почтительного интереса: и «под рукой» немало, да и желающих помочь будет гораздо больше?» – Вопросов много, не простых по сути.

Ответов же моих, кратких всего два. «Нет» – не возьмусь за «известное, близкое». Орёл всегда был богат краеведами и исследователями, десятилетиями посещающими фонды госархива и литературных музеев, чтобы вести свой поиск, делать важные открытия. Этих лет не было у меня за плечами, вряд ли и впереди их много. И без моего участия не пропадут «свои», они в надёжных руках. «Да» – дело памяти Евгения Аграновича не брошу, заниматься им буду. И даже не только им одним – всей ветвью этой уникальной фамилии, обладатели которой, уверена, совсем скоро по праву станут гордостью своей малой родины Орловщины. Лишь только появятся в фондах архива и музеев Орла те необходимые для исследования, бесценные их рукописи, документы, личные коллекции – так это и случится неизбежно, неотвратимо.

Мне же судьба подарила шанс стать причастной к уже произошедшему и ещё предстоящему. О чём и попытаюсь рассказать так, как подсказывает сердце, с надеждой, что *«после стольких лет разлуки»* начнётся, наконец, непростое, долгое возвращение *«в мои края»* имени и творчества Евгения Аграновича. И не только его!

...Все птицы, счастливо появившись на свет и едва оперившись, с неокрепшими ещё крылышками, неудержимо стремятся покинуть родные гнёзда, шагнуть за их узкие границы прямо в небо. Влечёт их радость полёта, восторг высоты и свободного парения. А люди, те из них, что душой крылаты? Какая сила движет ими, гоня прочь из тесных скорлупок обыденного, устоявшегося к тревожной свободе неизведанного, нового, а при невозможности сделать это физически уводит мысленно, внутренне в иные рамки бытия? Только ли желание лучшей доли или жажда иная – полёта творческого? И обретаются тогда вместе с годами миры незримые в привычном или же – новые дома, улицы, города. А те первые, единственные, оставленные успешно, ждут терпеливо своих повзрослевших питомцев, как часа обязательного возвращения улетевших птиц ждёт дерево, приютившее их когда-то давно, при рождении.

И мой город, носящий уже пятое столетие гордое имя Орёл, видится мне потому не одноимённой величественной птицей, а скорее загадочным деревом. Мощные корни его уходят вглубь и ширь самой истории и питают обильные ветви-крылья живительными соками творческого начала. А сколько же свито гнёзд на ветвях этого удивительного дерева, сколько! И какие «птенцы» в них родились, чтобы, даже «улетев», прославить навеки своими именами город рождения: Иван Тургенев, Борис Зайцев, Леонид Андреев, Тимофей Грановский. Прославить и его окрестности, всю Орловскую губернию: Николай Лесков, Иван Бунин, Афанасий Фет, Михаил Пришвин. Имена эти давно известны и дороги не только нам, орловцам, а привычны и значимы, любимы всемирно. Мы же, их земляки, по праву гордимся и бережно сохраняем память о каждом, собирая и изучая их личные архивы в уникальных музеях нашего города. Приводим в эти стены детей, чтобы питать «с молодых ногтей» чистой водой литературного слова и образа, учить творчеству и памяти, оберегая ростки патриотизма и любви к Отечеству, к истории родного края. С надеждой вглядываемся и в зрелых современников - вдруг новое имя уже сегодня станет достойным продолжением этого дивного звучания?

А дерево-птица растёт себе, машет на ветрах могучими крыльями-ветками, то теряя осеннюю листву поколений, то обретая свежую, весеннюю. Дарит жизнь молодым побегам. Полнится новыми

гнёздами. А старые, опустевшие, покинутые – единожды отпустив, манят к себе улетевших птенцов, шлют им свои таинственные сигналы...

Так случилось, что один из них был услышан мною осенним ненастным днём 2008 года, в тишине личного горя, когда все другие, привычные звучания исчезли, смолкли, потерялись во времени и пространстве, поглощённые двумя великими потерями, восполнить которые, казалось, невозможно ничем и никогда. С разницей в шесть месяцев ушли родители - от одинаково жестокого диагноза, даже на одной и той же койке реанимационной палаты, при тех же молоденьких совсем врачах-выпускниках нашего орловского медицинского института, практически ровесниках моих детей. Боль разлуки совсем не лечилась временем, вот уже третий год.

И вдруг: *«Я родился в Орле, на 4-й Курской улице...»*

Эти тихо сказанные, простые слова на миг оглушили меня, всё перевернули в душе и... внезапно возвратили утраченные голоса и звуки жизни. Почему? Потому, что их произнёс человек, впервые для меня представший на экране телевизора живым автором любимейшей мною песни «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок» и автором стихов к песне «Вечный огонь». Стихов, которые, наполнив фильм «Офицеры» великим смыслом служения Родине, навсегда остаются и в сердце каждого. Но не только это узнавание поразило, захватило меня – как много угадывалось созвучного во внутренних мирах его и дорогих мне родителей! От выбора для себя главных морально-нравственных принципов и следования им, манеры мышления и поведения, отношения к жизненным трудностям – вплоть до непримиримости с предначертанным, уготованным судьбою. Казалось, в его речи слышатся интонации их голосов, отзвуки их мечтаний, отголоски их мыслей, поступков...

В общей сложности менее двух часов экранного времени длилось моё первое знакомство с этим автором. Но увиденное сначала на канале «Ностальгия» в передаче Татьяны Визбор «Споёмте, друзья!», а позже в фильме Григория Шестакова «Счастливый неудачник» на канале «Культура» совершенно ошеломило масштабом личности человека, имя которого – Евгений Данилович Агранович.

Фронтовик, прошедший Великую Отечественную от первого до последнего дня, герой войны. Ярко талантливый выпускник московского Литературного института имени А.М. Горького. Советский и российский бард, поэт, прозаик, киносценарист, драматург, скульптор. За столь немногими словами – мощь подвига военного и гражданского, десятилетия упорного творческого труда, поиска, открытий и подлинных удач, счастье и боль удивительной, уни-

кальной судьбы этого человека. Познанная им горькая несправедливость того, что главные утраты – непоправимы и невосполнимы навсегда, а редкое счастье – мимолётно. Что миг упоения вкусом победы краток, да длительно послевкусие яда поражений. Но вопреки всему – несгибаемость и твёрдость духа, благородство и великодушие, обладание в полной мере силой истинного борца, рыцаря. И итог – редкий, неповторимый, не только поспешным взглядом неохватный, притягивающий к себе сильнее любого магнита, не отпускающий лишь раз прикоснувшегося душою!

И это не только пронзительные, ранившие сердце песни,¹ автором или соавтором, прекрасным исполнителем которых он был. И не только стихи.² Эссе.³ Повести,⁴ рассказы.⁵ Сценарии фильмов⁶ и мультфильмов.⁷ Трепетно наполненные движением жизни, мысли и чувства скульптуры⁸ из дерева, кости, рога. – Не только, не только разноплановое, глубокое творчество истинного мастера. А и само поразительное лицо его, удивительно полно вобравшее в себя и отражающее мудрость долгой жизни – но с глазами пытливого, ищущего, неуспокоенного, умеющего удивляться мальчишки!

Ярче и точнее, вернее любых слов пишет беспристрастное время на лицах людей всё ими совершённое, выстраданное, отданное или полученное, даже глубоко потаённое, делая такие портреты для обладателей либо наградой, либо тяжким бременем, карой. Лицо Евгения Аграновича – награда высшей пробы. Словно на пару с легендарной его скульптурой «Мальчик, снимающий маску старости» бросает оно дерзкий вызов всевластию времени над человечеством, победно смеясь и торжествуя на *«десятом десятке»* единично взятой человеческой жизни!

Но и достойный противник всегда силён, беспощаден, коварен – ведь так долго длились для Аграновича годы безвестия, непечата-ния, неиздаваемости – более полувека творческой жизни прошло за жестокой маской «неизвестного автора известных песен», в «скобках» и «сносках». Необъяснимо и горько... И так же больно, что человек «из скобок», «из сносок», но на самом деле живой и творчески активный, Евгений Агранович как творец, литератор, мастер слова практически никому не знаком в Орле, городе его рождения и детства. И даже известные всем его песни, стихи, проза не соотносятся в сознании с его авторством. А ведь право гордиться таким земляком и современником бесспорно, несомненно – уже за одни только великие строки: «От героев былых времён»!

Желание увидеть и услышать Евгения Аграновича здесь, в Орле, открыть и вернуть всем нам его имя, голос, улыбку, глаза целиком захватило меня, стало непреодолимым. Но как это сделать, как?

Начала с друзей и единомышленников, показывая им записи поразивших меня телепередач. Победить же собственную робость, сделать решающий шаг на этом предстоящем пути первым помог Виктор Ливцов. Историк, краевед, исследователь и открыватель, человек увлечённый и увлекающийся, с сердцем, чутким к истинно ценному, настоящему, он был так же восхищён, поражён увиденным. Сразу соединил значимость личности Евгения Аграновича и его рождение в Орле с необходимостью отдать должное ему при жизни: чтобы на малой родине и имя его не стало «землёй и травой» забвения, и творческое наследие в полной мере оказалось доступным, узнаваемым. И как руководитель Орловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), куда пригласил работать в качестве ответственного секретаря, дал мне первое поручение – отправить поздравительную телеграмму Евгению Даниловичу в день его рождения. Телеграмму от имени нашей организации и города Орла в целом. И ещё предложил обратиться в Орловский объединённый государственный литературный музей Ивана Сергеевича Тургенева, занимающийся также писателями-орловцами, в том числе и современниками живыми.

Вот именно с этих минут жизнь моя полностью изменилась, наполнилась неведомым ранее смыслом, стремлениями, поступками. Казалось – невидимая, но властная сила, заменив вдруг боль потери на радость обретения, стала повелевать мною, заставляя каждый раз забывать о собственном неумении, незнании, стеснительности, требуя преодолевать себя и двигаться дальше, несмотря ни на что.

...Поздравительная телеграмма *такому* человеку! – И это предстоит сделать мне от лица земляков, от города рождения и детства, по сути - оставленного им гнезда. Написать достойный текст, добыть адрес! Волнение не покидало меня, как и чувство огромной ответственности. Решила – кто как не телеканал «Культура», повторяющий сегодня, именно в юбилейный, девяностый день рождения Евгения Аграновича, 14 ноября 2009 года, фильм о нём, примет и передаст ему в руки нашу телеграмму? Но нет, почтовые работники посмеялись надо мною, требуя точный адрес «канала» и конкретное имя получателя, чего я не знала...

Пришлось обратиться с запросом в интернет, в то время мне ещё не знакомый. И это знакомство сразу же подарило бездну информации не только о канале «Культура» – о самом Евгении Даниловиче! Многочисленные статьи, заметки, справки, отклики, интервью с ним разных корреспондентов, в том числе и зарубежных, видеоролики его песен, фрагменты концертов, встреч, тексты стихов... Но домашнего адреса нет. Увидела сайт, посвящённый творчеству Ев-

гения Аграновича (<http://e-agranovich.narod.ru/index.htm>) и там гостевую книгу, с вопросами и пожеланиями легендарному человеку от знакомых и не известных ему адресатов из различных городов и стран. И отважилась свои первые слова Евгению Даниловичу написать именно туда, пусть и на всеобщее обозрение, ведь личный адрес его не нашла, а минуты, дорогие для своевременного поздравления, стремительно истекали. Жаль, ответы на обращения не отражались в этой гостевой книге, потому не узнала, прочитано ли моё поздравление.

Обратилась и в музей Тургенева. Принесла записанный не совсем умело, «с руки» фильм «Счастливый неудачник», долго не ладилось подключить видеокамеру к экрану музейного телевизора, волновалась. Но собравшиеся в выставочном зале сотрудники ждали терпеливо, а после просмотра вдруг дружно встали и долго аплодировали Евгению Аграновичу, словно он был рядом, здесь, с нами! Очень обрадовались открытию для Орла имени его – поэта, барда, прозаика и одновременно участника и героя войны, ведь в музее уже началась подготовка большой юбилейной выставки «Рядовые культуры» к 65-летию Великой Победы, о военных подвигах писателей-орловцев. Решили пригласить Евгения Даниловича стать её участником. Звучание нового имени, такого, как Евгений Агранович среди известных давно, обещало стать значительным событием для Орла. А для самого автора – возвращением к оставленному гнезду, к истокам, началом узнавания и признания его творчества на малой родине. Всё, всё обещало радость! Нужен был лишь его почтовый адрес.

Мне же несколько дней подряд было не оторваться от монитора компьютера – «листала» электронные страницы, посвященные Аграновичу. И вдруг в ворохе статей и откликов больно ударили строки, пришедшие из Германии. Не известный мне автор сообщал, что «дверь с петель не слетает и не раскаляется телефон от звонков» у именинника, и для желающих исправить это он готов подсказать телефонный номер... Эти слова тревожили, ранили, побуждали к действию. И я осмелилась обратиться к нему, Григорию Певзнеру. Другу Евгения Даниловича, который в 2006 году вместе с женой Полиной подготовил и осуществил его – восьмидесятисемилетнего барда, ветерана войны – триумфальные гастроли по городам Германии. Написала на электронный адрес письмо с просьбой о помощи, затем второе.

Ответ пришел незамедлительно: *«Дорогая Марина! Вчера мы позвонили Евгению Даниловичу и зачитали оба ваших письма. Он был очень тронут. Просил дать вам и адрес, и телефон, а ещё ... Евгений Данилович просил, чтобы вы в письме написали о себе чуть больше,*

чем «я простой житель города Орёл...». Эти ответные слова Евгения Даниловича, его просьба о *«чуть больше»* – всё перевернули в моей душе, дали тысячи надежд и мечтаний, помогли забыть о робости и стеснительности характера, подарили уверенность в себе! И вот в огромном конверте, с самыми большими красивыми марками, отправились три печатных и семь рукописных страничек моих из предновогоднего Орла в московский дом Евгения Аграновича, на улицу Черняховского...

Позднее я услышала от друзей Евгения Даниловича много тёплых слов, сказанных им об этом моём единственном письме. О радости ожидания встречи, что согревала его в те очень морозные декабрьские и январские дни. О появившейся у него *«своей провизиции»*, о тех, кто ему *«помогает жить»*, будучи от него далеко, в городе ушедшего детства. И в полной мере ощутила всю любовь и бережность чувств, надёжность рук и верность сердец замечательных людей, окружавших Евгения Даниловича! И конечно же, поняла, почувствовала и уверена твёрдо – и *«дверь с петель слетала»*, и *«раскалялся телефон»* от их звонков, и было с ними то живое счастье общения, та уникальная атмосфера *«чистой любви, падающей с неба хлопьями»*, что сопутствует лишь искреннему, главному, настоящему в нашей жизни. Ощущаю это и по отношению к себе, когда Евгения Даниловича нет, уже без малого четыре года, встречаясь и говоря с его друзьями и родными. И все они, и каждый в отдельности – словно оставленный мне в утешение щедрый подарок, живой, жизнеутверждающий, воистину бесценный, неисчерпаемый.

А что же, сама наша встреча? – Её не случилось...

Было и случилось многое, её предвещавшее и предварявшее. А то, что этим не случившимся было разбужено, предначертано к жизни – длится до сих пор и будет, я уверена, длиться ещё долго, нескончаемо. Но живы и теперь, свежи, не покидают память те первые мгновения, предощущения, смятение и волнение души, трепет её. Мечтания, встречи, действия, поступки, не сказать о которых не могу.

Было...

Главное – ожидание ответа на моё письмо. Позвонила сразу Евгению Даниловичу, что отправила не заказным, чтобы не пришлось идти за ним на почту по холоду.

– *Это хорошо, быстрее дойдёт! Не волнуйтесь, не затеряется, ко мне почта приходит аккуратно, буду ждать!*

Морозные декабрьские дни летели один за другим, а мой почтовый ящик оставался пуст. Дошло ли письмо? Прочитано ли? Как воспринято, понято, достойно ли внимания оказалось? Всё решилось в новогоднюю ночь, когда набрала телефонный номер и услы-

шала знакомый уже голос, узнала его. Разговор ошеломил с первых секунд очень доброй интонацией, остротой вопросов и ответов, искромётным юмором, живой мыслью и главное – адресным вниманием! Почувствовала сразу: письмо прочитано внимательно, заинтересованно, даже цитируется в разговоре. Бодрый, совершенно молодой голос Евгения Даниловича стремительностью и меткостью мысли превосходил полёт мяча из-под ракетки умелого теннисиста, задевал главные струнки души, вызывая их ответное звучание.

– *Спасибо за звонок! Ждали письма, ответа – а руки болят... Вот собрался отослать вам двухтомник, да очень холодно на улице, не выхожу...*

– *А у меня радость – записывали на канале «Культура» передачу о Владимире Яхонтове, наговорил им часа два, обещали, что скоро выйдет под названием «Яхонтов», посмотрите, вдруг окажется интересным?*

– *Что же вы раньше не написали – ведь я уже лет сорок как хожу с палочкой... Рады всё равно, что я есть? – А уж как я рад!*

– *Хотел бы увидеть Вас – такой голос замечательный. Сможете приехать в Москву? Буду рад, жду с друзьями, в любых количествах! Познакомлю Вас с Надей, она заведует бардами, очень интересные ребята...*

– *Вы не волнуйтесь за дорогу, я помогу финансово... Ну, я же мужчина! И мне это будет приятно: рыцарь я или нет?*

– *Хочется узнать, как и что сейчас в Орле. У меня теперь появилась своя провинция! Спасибо музею за приглашение! Приготовлю обязательно им афиши, двухтомник. Что еще? Рукописные автографы песен, стихов? – почти ничего не могу писать, руки болят. Черновики и рукописей практически нет, печатаю на машинке и иногда рукой правлю... Старые рукописи? Военные записки, письма? – должен посмотреть, подготовиться, ближе к нашей встрече...*

– *У вас лёгкое перо... обязательно привозите свои рассказы, стану первым вашим читателем. И все свои секреты творческие открою, расскажу...*

– *Пишите, звоните... вы помогаете мне жить!*

Конечно, после такого разговора начала волноваться о встрече. Как, чем смогу порадовать легендарного человека? Какой подарок привезти? Решила сфотографировать улочки Орла, старые, уцелевшие с времен его детства и дом, в котором он родился.

Пошли с сыном, несмотря на сильные морозы. Пальцы примерзали к кнопке камеры, горели щёки, стыли ноги. Улицы тонули в сугробах, снег громко скрипел под ногами, искрился на солнце радужно и чисто, а людей нет, все прячутся в тепле. 4-я Курская?

«Я родился в доме с подвальчиком...» – но в каком именно? Их уцелело с тех пор много, да и на улице больше ста строений. Редкие старожилы не припомнили фамилии Агранович, даже уличком с историческим именем Искра Сергеевна. Обратилась в облархив, к домовым и регистрационным книгам тех лет. Заинтересованно помогали в поиске Ольга Семёновна Пантелеева, Лариса Кондакова, Ирина Сосновская, Сергей Косарев. Увы – запись о рождении и месте проживания Евгения Аграновича тогда не нашли, а времени до отъезда совсем мало. Галина Павлова, сотрудница музея Тургенева посоветовала позвонить Евгению Даниловичу, спросить его самого. Звоню!

– Какая молодец, позвонили! Буду ждать вас 30 января, как и решились...

– Нет в программах передачи «Яхонтов»? – значит, не подготовили ещё, видимо, вырезают мои фрагменты. Но покажут обязательно! Зато есть другая – «Найди меня», знаете? В ней люди находят друг друга. А вот для меня, словно в этой передаче, нашлись вы и я этому очень рад! И что отчество ваше – Евгеньевна, и дочь ваша – Евгения...

– В каком доме жил на 4-й Курской? Не помню совсем ту улицу, совсем. Маленький был, мальчишка, да и переехали вскоре. А жили мы на улице Дзержинского, позже называлась Покровская. Дома только по левой стороне были, каменные. Наш второй от конца улицы. Централ, где сидел Феликс Дзержинский, виден не был. Помню перезвон церковных колоколов, набережную Оки, Банный мост. Куст белой сирени под окнами, вишни и калитку, выходящую к реке. Я был в Орле 30 лет назад, проездом – на машине с друзьями ехали к морю. Подошёл к этому дому, стоял долго. Вышла пожилая хозяйка, спросила: «Вам нравятся мои вишни?» – «Да, конечно, ведь я жил и рос вместе с ними, тут.» – «А вы... Лёня или Женя?» – тихо спросила она. Пригласила войти...

Сразу после этого разговора побежала с фотоаппаратом на Покровскую. Вот и дом второй от конца, с номером 29, каменный, двухэтажный, старый. Цел, жив! Словно дыхание на морозе – дымок из трубы на его крыше... Огромная берёза во дворе. Вросшая в землю половинка поржавелых ворот. Рядом домик деревянный, будто игрушечный, соразмерный человеку, с вишнёвыми деревьями за забором... И плотно обступившее их кольцо элитного жилья, бесконечными этажами устремлённое к небу. Строительные краны, сетки ограждений. Набережной Оки совсем не видно, словно и нет этих вод уже, словно впиталась, поглотилась широкая река жадной губкой современного строительства. А два уцелевших старых дома

– как «шапка на снегу», оброненная веком ушедшим «при попытке туда доглянуть» – в выси вышние века грядущего...

...И вот готовы фотографии, их больше ста! Жизнь старых домов и жизнь современная на улочках Орла предстанет для Евгения Даниловича, сплетясь воедино, порой непредсказуемо. Узнает ли он город рождения и детства? Эти могучие деревья, помнящие его мальчишкой, пригласят в Городской сад, что был открыт 1 мая 1823 года «для увеселения и прогулок народа» и всё детство виделся ему из материнских окон. А вот окна музея Тургенева, где сотрудники-литераторы уже ждут первой серьёзной встречи с ним, ровесником самого музея. Дальше – старинное резное металлическое крылечко в снеговой шапке и сосульках, да... нет двери под ним, стена дома давно уж стала глухой, и порожки тоже исчезли: «Добро пожаловать или Посторонним вход воспрещён»? А вот категоричная реклама техникума имени Владимира Русанова с огромного щита вещает: «ТОЛЬКО ЗДЕСЬ можно получить самые нужные и важные профессии». И дорожный указатель, следуя которому прямо, попадётся на площадь Мира и вокзал, а если налево, по улице Покровской – то и в... «Цюрих»! Транспорт тут же, под рукою: рядом с танком Т-34 у вечного огня в сквере Танкистов соседствуют замерший важно длинный белый лимузин и звенящий весело трамвайный вагон. «Пропала чёрная кошечка»? – желающий помочь, в спешке оторвал с объявления... лишь половинку номера мобильного телефона на бумажной полоске, вторая теперь горестно трепещет на ветру. Рядом с крайним на улице домом – выше крыши, словно салют жизни самой, разлетаются во все стороны длинные побеги пережившего жестокую стрижку дерева. А под окнами другого предвещием возможной беды – алая мякоть мёрзлого городского шиповника на колючей заиндевелой ветке. У этого дома, весёлой зелёной краской покрашенного, очень длинный чердачок наверху, да шириной с узенькое окошко. А этот – словно плывущий по снегу сказочный кораблик: «сам себя, говорят, он построил, сам себя, говорят, смастерил». В другом, каменном доме – восемь окон и под ними столько же «подвальчиков». Не он ли тот, в котором родился Евгений Агранович?

И как же всё это дарить? Отдать фотографии стопкой – уронит вдруг, да и рассыплется мои «уточки» по полу. Альбом стандартный тяжёл, неуклюж, и обложки неподходящие. Нет, огромные листы тонированного ватмана, разрезанные вдоль – только это в самый раз будет! Не смогли пробиговать их, нестандартного размера в типографии – осилить и дома можно, скрепить потом удобно. Наклеить фотографии, так как захочется, подобрать пояснения к ним, отыскать исторические справки, фрагменты краеведческих исследований.

Эта работа захватила целиком, и провинциальный Орёл, казавшийся мне прежде городом обычным, непримечательным, стал вдруг открывать свои секреты, интереснейшую историю, удивлять и восхищать. Словно жила раньше в нём «иностранием», временным гостем, раздвигаясь и мечась, как и родители мои меж оставленными ими когда-то давно городами рождения и юности. Теперь же захотелось внимательно взглядеться, вдуматься, задержаться в Орле навсегда, как после долгой разлуки лишь бывает. И везла уже на встречу с Евгением Даниловичем не только фотографии и тексты в огромном рукотворном альбоме – весь город в сердце своём, живой и одухотворённый, открытый для дальнейшего неспешного узнавания, постижения, возвращения к нему. Общий город рождения, ставший связующим звеном для нашего знакомства, встречи и дружбы.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой»...

Когда-то...

Давно запорошена временем и позабывта уж точная дата...

*Разлукой размыты и стёрты чужими руками следы прожитого
с тех улочек детства, что в снах лишь являются прежними снова.*

Там ручки встречаются – как руки друзей – на соседских дверях и

калитках,

и сгустками крови развешены вишни на тоненьких веточках-нитках.

*А рядом со спелым крыжовником – злая в засаде таится крапива,
и чертит свой вечно-печальный узор на воде гибким прутиком ива.*

Берёзка у дома там манит до выси и сини небесной по веткам

подняться,

потрогать рукой облака, с ветерком озорным и листвой

налегке пошептаться.

*Неспешно там солнце садится за домиков каменных низкие крыши,
сигнал подавая к войне, где солдаты – окрестные кошки да мыши.*

Там первые ранки на детской руке оставляют недолгие меты,

а первые раны - свежи до сих пор и открыты для боли –

как сердце поэта.

*... Тем улочкам хрупким не выдержат грубого натиска нового века –
безжалостны поступь и власть равнодушного к ним человека!*

*Теснит их, съедает громада бетонных «солдат Урфин Джюса»,
а детство мальчишек – уже без незрелого яблочка*

цвета и вкуса...

...А ещё везла Евгению Даниловичу вишни, пусть и не с тех веток, что у дома детства его с памятью шептались о чём-то долго, не отпускали. Но орловские и тоже «живые», в собственном соку закрытые тем летом. Жаль, не смогли поехать сотрудники музея Тургенева со мною на эту встречу, но доверили передать ему очень тёплое письмо-приглашение, подписанное Ларисой Викторовной Дмитриухиной, музейные буклеты и краеведческие книжечки. Потому тепло внутреннее от предвкушения предстоящей радости вручения этих подарков согрело в промёрзшем вагоне экспресса, когда стекло не видно было под толщей инея, шёл пар изо рта и веки непроизвольно слипались. Морозы-то крещенские держались. Не шуточные.

Приехав к дочери 28 января, сразу набрала номер Евгения Даниловича. Подошёл к телефону он не быстро, и голос его показался мне грустным и чуть усталым. В Орле же я не раз слышала совсем другой – бодрый, счастливый, с обилием шуток и острот. Эта разница кольнула, царапнула сердце тревожным предчувствием...

– Вы приехали? Хорошо, я рад. А знаете, у меня ведь не убрано... Есть десятки домов других, чисто убранных, но хочется стучаться лишь в мою дверь? – спасибо...

– А сколько будет гостей? Вы и дочь, позже еще один человек – хорошо...

– Подарки и письмо от музея и вас лично? – очень приятно, спасибо. Не сохранилось ли что с времён войны, хоть карандашик? – Ну что вы, какой карандашик – руки-ноги и те сохранились плохо...

– Позвоните мне завтра на всякий случай часов в 12, я расскажу, как идти ко мне от метро Аэропорт. Не волнуйтесь – и пионеры приходят!

...Эти слова стали последними, которые Евгений Данилович успел сказать мне. Готовясь к нашей встрече, морозным солнечным утром 29 января 2010 года он вышел из дома купить продукты для праздничного стола. Закрыл за собою дверь, да шагнул не за порог – в вечность. И теперь перед ним дали космические и пути иные, где в безмолвие пыль звёздная не тревожима сапогами идущего...

Как именно это случилось, узнала от Григория Певзнера. Он переслал мне из своей далёкой Германии письмо Надежды Алфёровой, той самой «Нади, что заведует бардами»: «Сегодня утром Евгений Данилович пошёл со своей домработницей в магазин. Во дворе ему стало плохо. Он упал. Она вызвала Скорую помощь. Какие-то мужчины принесли его в холл его подъезда. Скорая помощь приехала очень быстро. Евгений Данилович был жив. Сняли кардиограмму, она была почти прямая. Спасти не смогли. Мне позвонили из милиции. Как всё произошло, мы узнали от консерджики».

В вечерних же новостях диктор сообщил эту горькую весть с экрана телевизора словами самого Евгения Аграновича: *«Просто крылья устали...»*

А я замерла у черты, оглушённая, отчаявшаяся. И родились строки посвященные ему, не увиденному:

ЕВГЕНИЮ ДАНИЛОВИЧУ АГРАНОВИЧУ

*Ирония и горькая усмешка
судеб вершителя и чёрного стрельца,
чья меткая стрела вчера пронзила сердце
отважного и смелого бойца...*

*Не прозвучать словам на долгожданной встрече,
не ощутить ладоням теплоту его руки...
И сгустком крови лечь придется вишням детства
у пламени свечи...*

*Как запоздало и неоправимо мало
сказать смогла ему негромких слов.
О встрече завтрашней мечтала!
Но мир жестокости – таков...*

*Хотелось подарить ему из детства,
где он родился, из Орла, –
далёких улочек портреты.
Да не смогла...*

*Страшнее нет, чем опозданья –
на год, на день, на час, на миг!
Из сотен лиц, из мирозданья –
он был один...*

*«Последний рыцарь» – на Арбате
стоял. И «годы простоят».
А ПЕРВЫМ – сам и был по праву!
Теперь – над нами он парит...*

*Стихи его лечили души.
Поили соком. Жгли огнём.
Лечили? – ЛЕЧАТ, ПОЯТ, БУДЯТ! –
И смерть тут вовсе ни при чём!*

*Живой души живое слово
осталось нам как солнца свет.
Чтобы ЗВУЧАТЬ. И ГРЕТЬ нас. Снова!
«Устали крылья»? – НЕТ, НЕТ, НЕТ!!!*

...Я была потрясена. И не только потерей человека, едва обрётённо-го сердцем, душою – накануне узнавания его живого голоса, взгляда, улыбки, тепла ладони в рукопожатии. Не только! Казалось, утрачена, упущена навсегда та мечта, что стала главной, итоговой, вершинной в жизни моей собственной. Мечта о том, чтобы в Орёл, город его рождения и детства, Евгений Агранович вернулся победителем, как возвращается в родимый дом с долгой войны солдат, свято исполнивший свой долг. Раскрывает двери и остаётся навсегда, чтобы одержать ещё одну победу – над забвением, равнодушием, успокоенностью. Мне хотелось открыть, подарить городу, землякам своим не только имя – всё богатое творчество Евгения Аграновича, и чтобы он сам, именно сам сделал этот бесценный подарок. Из первых рук.

И вот – ни того, ни другого не стало и не будет уже никогда... Так казалось мне в те трагические часы.

И увидела я не Евгения Даниловича – его родных и друзей. Но удивительно – в них так много было тепла, участия, заботы, что на секунды чудилось несбыточное: столь страшный сон вот-вот прервётся и боль, наконец, отступит, уйдёт.

Накануне прощания – моя первая встреча с Анной Пиотровской, подарившей Евгению Аграновичу внука Валентина и счастье тридцатилетней дружбы – трепетной, верной, искренней. Для Евгения Даниловича все эти годы она была истинно родным человеком, он называл её «дочка». А в те часы в квартире Евгения Даниловича, среди удивительных скульптур, ещё хранивших тепло его рук, была и «маленькая Нина Игнатова – великая душа»⁹, неизменный друг его и архивист. И «Володя Альт – вдохновенный музыкаЛЬБТ», который Евгения Аграновича «подобрал аж на финишной прямой, произвёл в действующие барды, а заодно и объявил живым патриархом – одним из основателей движения»¹⁰. Владимир успел рассказать мне о каждой скульптуре, о радости общих встреч в этом доме в течение предыдущих десяти лет. Здесь же родилась и моя дружба с этими замечательными людьми.

Наутро, 3 февраля в переполненном зале Дома кино – море живых цветов. Президентский оркестр, комендант Кремля, почётный караул. Речи. Особенно запомнилось прощальное слово Александра Левикова¹¹, прилетевшего из Праги двоюродного брата Евгения Даниловича.

За городом – плотный наст снега выше колен. Морозная тишина Востряковского, нарушаемая чеканным шагом солдат почётного караула и скорбными голосами приехавших – их больше сотни, точно не сосчитать.

Выделявшиеся в толпе лица Михаила Аграновича и Михаила Грушина.

Воинский салют. Его долгим эхом – крик потревоженных птиц... Кружение их над деревьями... Опadaющий с чёрных веток белыми лебяжьими перьями снег...

Впечатанные в память мгновения: казавшаяся удивлённой, недоуменной улыбка на портрете Евгения Аграновича среди алых цветов на свежей могиле. Слезы на лице Михаила Альтшуллера. Копии правительственных телеграмм Евгению Даниловичу в руках Андрея Яновского – для меня. Две гильзы от залпов салюта, добытые из глубокого снега замёрзшими пальцами скрипача Михаила Червинского – тоже для меня... Теми пальцами, что успели подарить Евгению Даниловичу живое звучание мелодий, почти забытых, слышимых лишь в раннем детстве его, в Орле...

Тогда же – тепло сердец и слов, песни и речи в лютом холоде павильона «Республика песни» на ВВЦ, именно там, где совсем недавно прошел юбилейный концерт Евгения Аграновича, его последнее выступление на сцене...

Чуть позже – слова Олега Дормана¹², сказанные мне: «На вас ложится ответственность перед памятью Евгения Аграновича – навсегда».

Полученные из рук Петра Трубецкого, главного хранителя архивов российской бардовской песни, диски с бесценными записями концертов и домашних дружественных вечеров Евгения Аграновича, фотографиями его скульптур.

Подаренный Надеждой Алфёровой билет на концерт бардовской песни в Государственный Кремлёвский дворец, где должен был выступить сам Евгений Агранович – его имя первым так и высвечивалось афишами на почтовых улицах Москвы.

Знакомство и встреча со старшим братом Евгения Даниловича – Леонидом Даниловичем Аграновичем, тоже родившемся на Орловщине, известным режиссёром, сценаристом, драматургом.

Переписка и тёплая дружба с Александром Левиковым и его супругой Софьей Книжник, их бесценное участие в деле сбережения памяти.

Новый друг мой Андрей Яновский – «*кн. Андрей, копилка нераскрытых дарований*»¹³. Он успел мастерски запечатлеть на фотоплёнке удивительные скульптуры Евгения Аграновича и теперь они

навсегда будут с нами, эти его «скульптурные скрижали»¹⁴... Дружба и общение с Анной Пиотровской.

Моё пятидесятилетие, тепло отмеченное в кругу новых друзей, когда Михаил Альтшуллер, артист оркестра Оперного театра Московской государственной консерватории, сразу после выступления в музее Пушкина в день его памяти пел и для меня...

И несмотря на всё это – неизбывное горе несостоявшейся встречи...

Но живительная сила преодоления, возрождения и надежды всё же явилась! Этой силой предстал человек с чутким сердцем, верной рукою, удивительными глазами. Не похожий на всех других – Владимир Альер. И этот человек оказался сильнее непоправимого, смог спасти, оживить мою раненую мечту. Стал голосом, рыцарской рукою Евгения Аграновича! Тем Робин Гудом, о котором сам Агранович написал в песне:

*Как ты да я, он не стальной,
Ничуть других не тверже,
И может быть пронзён стрелой
Или мечом повержен.
Тогда над ним склонится друг
Из близких самый смелый,
И из его остывших рук
Он примет лук и стрелы.*

Владимир Альер принял по праву и лук, и стрелы, и песни Евгения Аграновича, ведь и открыл его для всех нас именно он. Совершил подвиг нравственный, гражданский сродни подвигу воинскому – отвоевал у забвения имя, судьбу, человеческое достоинство того, кто не только добыл для нас победу в войне кровавой, но и сберёг духовное, нравственное начало в себе, чтобы обе эти победы жили в нас, в каждом. Владимир сумел навсегда переломить трагичность судьбы истинного творца, «пропавшего без вести» в мирное время.

Будучи исследователем бардовской песни, подвижником её, Владимир всем сердцем своим почувствовал, ощутил огромный диапазон поэтического и музыкального таланта, уникальные исполнительские способности Евгения Аграновича и сделал всё возможное, чтобы вывести его на сцену и дарить каждому из нас эту радость узнавания, это чудо живого общения с легендарным человеком. А самому Евгению Аграновичу как творцу – счастье ощущать себя востребованным, нужным, желанным. Подарок более чем щедрый – космический. И всё это длилось целое десятилетие, триумфальное для Евгения Аграновича.

И вот уже четыре года Владимир исполняет святую миссию сбережения памяти Евгения Аграновича всюду, где звучит поэтическое слово и бардовская песня. Конечно, Владимир поёт и рассказывает не только о нём – о многих других. Но главное для меня, мечты моей спасённой – рассказы Владимира о Евгении Аграновиче на его родине, в городе Орле. Тут подвижничество Владимира вдвойне достойно почтения, восхищения, благодарности.

Первая встреча с именем Евгения Аграновича для многих жителей Орла произошла в апреле 2010 года в литературном музее И.С. Тургенева на юбилейной выставке «Рядовые культуры». Евгений Данилович не смог стать её живым участником – впервые день 9 мая мы торжествовали без него, победителя... Но он готовился, хотел представить личные рукописи, документы, печатные издания, спеть свои замечательные песни для земляков. Владимир свидетельствует – очень хотел! Не случилось этого счастья... Имя Евгения Аграновича – Солдата и Поэта – прозвучало салютом памяти, и это стало значительным событием, открытием, настоящей сенсацией для Орла, города воинской славы!

А живое творчество Евгения Аграновича привезли орловчанам Владимир Альер и Михаил Альтшуллер чуть позже, 10 июня. В просторном светлом зале областной научной универсальной публичной библиотеки имени И.А. Бунина зрители, затаив дыхание, буквально впитывали в себя музыкально-поэтический рассказ Владимира о легендарном земляке, о его творчестве.

Наконец состоялось долгожданное возвращение Евгения Аграновича на малую родину – то, о котором мечтала я! Впечатление пришедших было огромно, ведь давно известные песни «Одесса-мама», «Лина», «Я в весеннем лесу» и даже «Вечный огонь» не связывались для них с именем Евгения Аграновича. У многих блестели слёзы на глазах – зал очень тепло, бурно отзывался на каждую песню. А после концерта московских бардов долго не отпускали, благодарили. Лидия Валентиновна Иванова, волнуясь, рассказала, что её мама привезла с войны песню «Пыль» – они, артисты пели её бойцам как народную. Что на страницах военного дневника строки эти, торопливо записанные карандашом её мамы, были с ней всегда. Жаль, так и не узнала она, кто же написал музыку и дополнил стихи Киплинга, сделав их песней. Узнала спустя долгие десятилетия в этот день её дочь, уже сама седая...

Конечно, орловцы тепло приняли и «Чайки-берёзки», и «Мельницу-метелицу», и «Последнего рыцаря на Арбате». Но главное – задумались над тем, как мужественно и достойно прожил свою жизнь Евгений Агранович, как боролся и побеждал. Я ловила по-

читительные взгляды тех, кто присутствовал на этом вечере. Память и совесть людская не упускает главного, бережёт драгоценные крупицы, теплит огонь вечный...

И вот спустя три года Владимир Альер вновь в Орле. Эту встречу ждали уже с нетерпением! Владимир привёз две программы. Случилось редкое стечение юбилейных дат и событий, потому на первой афише значилось: «Четверг 31 октября 2013 года. Музыкально-поэтический рассказ «Я иду в мои края». 95 лет со дня рождения Евгения Аграновича. 95 лет со дня открытия музея И.С. Тургенева». А вторая афиша гласила: «Пятница 1 ноября 2013 года. Музыкально-поэтический рассказ “Я выбираю свободу”. 95 лет со дня рождения Александра Галича. 175 лет со дня открытия Орловской губернской публичной библиотеки». Для Орла всё это случившееся единение – как веское подтверждение статуса третьей литературной столицы России.

Юбилейный вечер в музее Тургенева прошёл совершенно фантастически. Казалось, это не вечер памяти, а живая встреча с самим Евгением Аграновичем – настолько радостен и горяч был приём зрителей, энергетически заряжена атмосфера, плотен воздух.

Зал лектория не мог вместить всех желающих задолго до начала концерта, работники музея всё подносили и подносили из фойе тяжелые скамьи, а людям приходилось тесниться. Такого аншлага в музее мне видеть не доводилось. Около сцены мы организовали выставку книг и отдельных публикаций Евгения Аграновича, представили его диски. А вершину этой удивительной книжной пирамиды украсили огромной фотографией, снятой на фестивале бардовской песни в Коломенском. На ней счастливо улыбаются Евгений Данилович и Владимир Альер. Эта фотография, словно мостик памяти и доверия, утверждала право Владимира говорить и петь от лица Евгения Аграновича. И создавалось именно это впечатление – присутствия Евгения Даниловича. Второй его портрет, в легендарной куртке с орденами, стоял на столике около Владимира.

И вот вечер начался. Стало душно и жарко, но люди терпели, просили продолжать, никто не хотел уходить. Владимир умело чередовал рассказ песнями, цитатами стихотворений. Волна радостного единодушия всё нарастала, казалось, все дышат в такт голоса Владимира, аккордов его гитары. «Лебединая песня», «Неужели ты не знаешь», «Сабля-любовь», «Совсем темно» – песни шли из сердца в сердце, парили, кружили над зрителями как белые птицы любви. И происходило невероятно глубокое восприятие главных, сокровенных песен Аграновича – люди вставали в тесноте, аплодировали стоя даже после отдельных куплетов, строк.

У Владимира перехватывало горло... Он даже сказал, что в Орле, наконец, встретил такое понимание этих песен, о котором мечтал Евгений Данилович.

Да, имя Евгения Аграновича – необычайно важное и близкое для Владимира Альера. Но не единственное. Дорого и свято ему имя Александра Галича. И орловский вечер-посвящение ему не случаен. Не потому, что Галич и Агранович родились с разницей в неделю, дружили, жили какое-то время в соседних домах на улице Черняховского – не это главное. Их двоих и самого Владимира в творчестве, в жизни всегда волновала тема единоборства добра и зла, многоликих внешних и внутренних проявлений этой борьбы, то, как именно конкретный человек сопротивляется злу, преодолевает его.

Глубинный исторический, нравственный, философский подтекст вкладывал Владимир в основу своего музыкально-поэтического рассказа о Галиче. Волновался: как поймут, примут это орловские зрители? – И поняли, и приняли! То, что в учреждениях культуры пятница – выходной день, не помешало встрече. Уже ставший родным зал областной публичной библиотеки раскрыл свои двери для Владимира и всех желающих его услышать. Встреча эта длилась более трёх часов, напряжённых и насыщенных мыслью, песней, памятью. И вновь не раз здесь звучало имя Евгения Аграновича.

После этих двух литературных вечеров, двух встреч с именами и творчеством замечательных творцов зрители унесли в себе ощущение прикосновения к тревожному, многогранному, серьёзному, ответственному поэтическому миру. Они ушли другими людьми, открывшими в себе потребность узнавания. Потребность осознания прошлого и настоящего. Своего места и своей личной роли в происходящем сегодня.

Да, *«после стольких лет разлуки»* возвращается, наконец, на свою малую родину, к гнезду оставленному, Евгений Агранович – именем, судьбою, творчеством. Но только ли он один? – Начнём возвращаться и мы, даже никогда не покидавшие родного города, каждый – к истокам, корням, началу *«человеческого в человеке»*, в себе самом. Ведь именно за такую победу Евгений Агранович и воевал на фронтах Великой Отечественной четыре года с врагом явным, открытым, вооружённым, беспощадным. И всю свою жизнь сопротивлялся противнику внутреннему, скрытому от глаз и потому ещё более страшному, жестокому.

Всем творчеством своим и жизнью учит он нас побуждать в себе себя нравственно, духовно, что не менее важно и значимо, чем победа общая, видимая.

И если в результате прикосновения к имени и творчеству Евгения Аграновича откроется в сердцах наших потребность к памяти

иной, общей, не вытесняемой заботами бытового, минутного, суетного – не зря воевал он! Обретая её, живую, трепетную, отличную от памяти о древе рода лишь своего, личного, частного – не потеряем главного в себе и не дадим засохнуть благодатной кроне уникального дерева-птицы, поборемся с всевластием времени и над городом по имени Орёл и над людьми, его населяющими.

Примечания

- ¹ «Одесса-мама» (1938), «Пыль» (1941), «Лина» (1942), «Чайки-берёзки» (1995), «Мельница-метелица» (1982), «Вечный огонь» (1970), «Я в сенном лесу пил берёзовый сок» (1954), «Сабля-любовь» (1955), «Лебединая песня» (1991), «Последний рыцарь на Арбате» (1950-е, 1999).
- 2 «Настройщик» (1939), «Киты» (1956), «Скульптуры из корней» (1961), «Мать» (1944), «Писем нет» (1943), «Моему поколению» (1944), «Пограничный капитан» (1944), «Рядовой» (1951), «Кричащая ветру» (1991), «Еврей-священник» (1962).
- ³ «Лебединая песня» (конец 1990-х).
- ⁴ «Диоген» (1994-1995), «Без ошейника» (1975).
- ⁵ «Сочельник в сорок первом» (1948-1949), «Сильное средство» (1991), «Вооруженное сопротивление» (1987), «Бухгалтер и смерть» (1950-е), «Евреи не воевали» (до 1998), «Скамейка выздоравливающих» (2004-2005).
- ⁶ Сценарий «День последний, день первый», воплощённый в полнометражный фильм с Серго Закариадзе в главной роли, «Грузия-фильм» (1959).
- ⁷ «Наш друг Пишичитай» (1978-1980), «Про белую розу, которая умела краснеть» (1982) «Отважный Робин Гуд» (1970) и другие.
- ⁸ «Вещающий с креста», «Кричащая ветру», «Стоящая у дороги», «Ненаглядная», «Лебедь на солнце», «Прилетайте весной», «Девочка, отпускающая орлёнка».
- ⁹ Агранович Е. «Избранное». «Вагант» Москва, 2001. Книга вторая. «Положа руку на сердце». С. 250.
- ¹⁰ Агранович Е. «Избранное». «Вагант» Москва, 2001. Книга вторая. «Положа руку на сердце». С. 250.
- ¹¹ Левиков А.И. (Агранович) – журналист, публицист, писатель, поэт, очеркист. Автор стихов знаменитой «Песни журналистов»: «Трое суток шагать, трое суток не спать / Ради нескольких строчек в газете...».
- ¹² Друг Е. Аграновича. Автор фильма «Евгений Агранович. Победитель».
- ¹³ Агранович Е. «Избранное». «Вагант» Москва, 2001. Книга вторая. «Положа руку на сердце». С. 250.
- ¹⁴ Агранович Е. «Избранное». «Вагант» Москва, 2001. Книга вторая. «Положа руку на сердце». С. 62.

ЛИРИЧЕСКОЕ

На родине

Наш светлый сад... Он мне порою снится:
Между стволами яблонь разноцветье,
Над ним веселые щебечут птицы,
И с ветками воркует легкий ветер...

То снится мне из юности далекой...
И кое-что еще в тонах мажорных...
Теперь все сникло, стерлось и поблекло –
Всего коснулся безучастный жернов!..

Я чувствую разинутую пасть!
И ужас неизвестности пугает:
Ведь я той блеклости живая часть! –
Я с ненавистью пасть отодвигаю!..

Иду по саду, как сквозь бурелом,
Цепляя на себя репы с крапивой,
Вся в думах о потерянном былом.
И хочется мне снова снов красивых.

Встреча с родиной

Аллеи лип. Колонны сосен.
Безглавой церкви скорбный вид.
Проплешины садовых просек –
И радости, и скорби миг.

Та вспышка радости от встречи,
Грусть – от разрухи небылой.
Иду, устало свесив плечи,
Иду домой...

Открытка из дома

В полярной ночи, как в яме.
Под тусклыми фонарями
По снегу ползут недели,
Как сонные – еле-еле.
И хмурые сопки кругом
Прижаться хотят друг к другу...

Домой я спешу с работы,
А сердце вещует что-то,
Не ладит с погодой проклятой...
Иду целиной непримятой,
Угадывая дорогу,
Ступая с метелью в ногу.

В подъезде мой ящик почтовый,
Известием встретит готовым:
Открытка, помятая с краю, –
Я добрую память листаю
О милом родительском доме, –

И буря уже не стонет –
Поет на моем балконе,
Мигает фонарь лукаво –
Имеет на это право!
И кажется мир прекрасным
И день недалекий – ясным...

****

Новогодние тосты за щедрым столом,
И играет шампанское в щедрых бокалах.
В белых бабочках ночь промелькнет
за окном
И в рассвет, незаметная, канет...

Разрывает веселье ночной телефон,
Я – за трубку: «Алло, алло!»
И в ответ мне приятный чужой баритон
Поздравленья сердечные шлет:
– Не узнали? Я – гомельский ваш ученик,
Стыров Слава! Алло!.. Вы помните?..

Отодвинулось время далекое вмиг –
Гомель-30, я в классной комнате...
Ясно вижу распахнутые глаза
Миловидного мальчика с задней парты...
Мальчик вырос, и мне нелегко увязать
Запыленные временем даты...

В руках моих мелко дрожит телефон, –
Питомцы звонят мне не часто.
И их благодарность, и ласковый тон –
Не это ль желанное счастье?..

Несколько слов о наших авторах

Айнгорн Леонид Эммануилович – исследователь. Германия.

Александрова Лилия Михайловна – научный сотрудник ОГЛИТ, автор книг «Тургенев в Орле», «Этюды о тургеневских женщинах».

Ашихмина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель Орловского колледжа культуры, автор книг по истории Орловского края.

Балыкова Людмила Анатольевна – главный научный сотрудник ОГЛИТ, Заслуженный работник культуры РФ, кандидат филологических наук, автор книги «Тургенев-читатель».

Бушунов Антон Юрьевич – научный сотрудник ОГЛИТ, аспирант ОГУ, поэт.

Волчихина Вера Павловна – научный сотрудник Мемориального и природного музея-заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново».

Генералова Наталья Петровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, руководитель группы по изданию Собраний сочинений И.С. Тургенева, автор монографии «И.С. Тургенев. Россия и Европа».

Голубицкий Борис Наумович – театральный режиссер, Заслуженный деятель искусств РФ, лауреат театральных премий, в 1987-2013 гг. – художественный руководитель Орловского академического драматического театра им. И.С. Тургенева.

Гродецкая Анна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Дмитрюхина Лариса Викторовна – заместитель директора ОГЛИТ по научной работе, Заслуженный работник культуры РФ, председатель музейной секции Орловского отделения творческого Союза работников культуры.

Золотарёв Игорь Леонардович – кандидат филологических наук, доцент ОГУ, автор книг по теме «Тургенев и французские писатели».

Иванова-Преснова Людмила Николаевна – член Российского союза писателей, автор книг «Деревня, которой нет», «Родине поклонитесь», «Россиянки», «Однажды раннею весной» и др.

Ипатова Светлана Алексеевна – научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Кен Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургской Академии культуры и искусств.

Клочкова Елена Ивановна – преподаватель немецкого языка школы № 38, Президент партнёрского клуба «Орёл – Оффенбах», автор книги «Тургенев в Германии. Хроника путешествий».

Козеева Елена Адамовна – исследователь.

Коханова Елена Николаевна – научный сотрудник ОГЛМТ.

Лукина Валентина Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Мельник Елена Григорьевна – заведующая Музеем И.С. Тургенева.

Павлова Галина Николаевна – старший научный сотрудник ОГЛМТ, член творческого Союза работников культуры.

Петраш Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, профессор Военного университета, старший научный сотрудник Московской Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева, автор книги «Искусство и литература Франции, с древних времён до начала XX века».

Петухова Марина Евгеньевна – исследователь, член правления Орловского отделения ВООПИК.

Полынкин Александр Михайлович – исследователь, краевед, автор книг «История Орловского края в лицах», «Орловцы – герои войны 1812 года», в 1989-2002 гг. – директор Покровской средней школы.

Сафронова Валентина Викторовна – Заслуженный работник культуры РФ, член Попечительского совета по возрождению Дворянского гнезда, в 1987-2008 гг. директор ОГЛМТ.

Солодухина Лилия Георгиевна – ответственный хранитель фонда «Редкая книга» ОГЛМТ, член творческого Союза Работников культуры.

Тишина Светлана Анатольевна – член Союза литераторов России.

Трубников Юрий Александрович – потомок семьи Галаховых-Трубниковых-Вырубовых, экономист, искусствовед, коллекционер, общественный деятель. Франция.

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневское общество в Орле

**Тургеневский ежегодник
2013 года**

Составители-редакторы

*Л.А. Балькова,
Л.В. Дмитрюхина*

Компьютерный набор

Е.М. Шишкова

Оригинал-макет, вёрстка

О.И.Гладковой

**ООО Издательский Дом «ОРИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)**

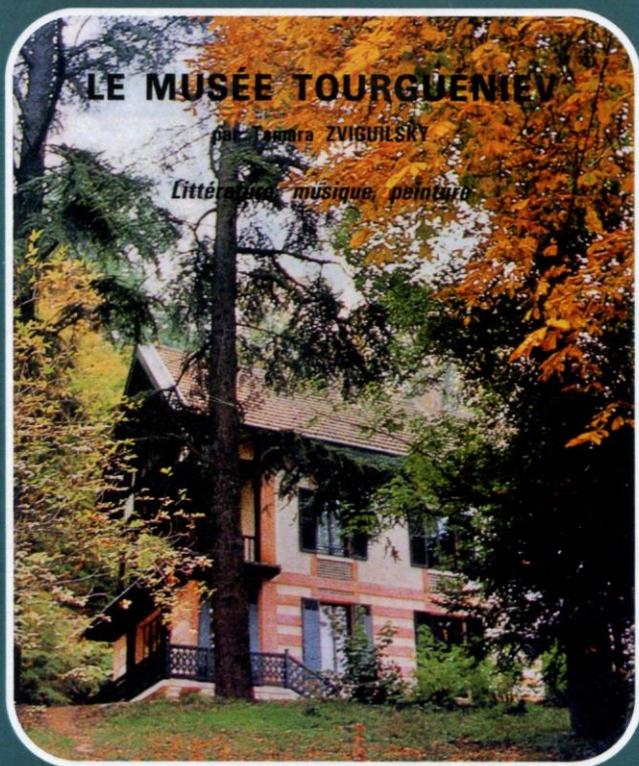
Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 100 экз. Заказ № 03.

Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.

E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru

Музей И.С. Тургенева в Буживале. Франция